

Сергей Васильевич Лукьяненко
Недотепа. Непоседа (сборник)
Серия «Трикс»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9525112
Трикс: Недотепа. Непоседа: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-085880-4

Аннотация

Романтические увлечения балладами и старинными сказаниями не доводят до добра... Мечтательный, не приспособленный к жизни Трикс, наследник со-герцога Солье, внезапно оказывается в центре дворцового переворота. В результате он успевает побывать и пленником, и беглецом без всяких надежд на будущее. Однако дорога приведет его к новым друзьям и опасностям, поможет найти учителя и любовь. Главное – не бояться трудностей и шагать вперед!

Содержание

Недотепа	5
Часть первая	5
1	5
2	18
3	30
4	42
5	55
Часть вторая	67
1	67
2	79
3	93
4	105
5	116
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Сергей Лукьяненко

Недотепа. Непоседа (сборник)

© С. В. Лукьяненко, 2009, 2010

© ООО «Издательство «АСТ», 2015

* * *

Недотепа

*Автор посвящает эту книгу сыновьям Артемию и Данилу
и крестнику Александру*

Часть первая Трикс ищет правды

1

Если ты молод, здоров и богат – тебе непременно захочется быть еще и красивым.

Трикс, единственный и полноправный наследник со-герцога Рата Солье, подозрительно смотрел на свое отражение. Если бы зеркало было магическим, оно бы непременно занервничало. Да что там магические зеркала! Любые дорожащие собой зеркала, в которые регулярно смотрятся особы женского пола, при таком взгляде немедленно забывают, что их работа – всего лишь отражать реальность, никаким образом ее не приукрашивая.

Но это было старое, потускневшее зеркало, вот уже три поколения висевшее в спальне наследников мужского пола. Оно привыкло видеть высунутый язык, неодобрительную гримасу при виде свежего прыща и порезы от неумелого и преждевременного обращения с бритвой. Нельзя сказать, что молодые со-герцоги Солье не обращали внимания на свою внешность, о нет! Они обращали внимание на действительно важные детали: застегнуты ли все пуговицы на брюках, не слишком ли сильно оттопыривают карманы интересные, но не одобряемые взрослыми предметы, не торчат ли волосы слишком уж причудливо и хорошо ли замазан пудрой (вещью совершенно незаменимой для наследников любого пола) свежий синяк. К тому времени, когда наследников начинали беспокоить более тонкие детали внешности, в их распоряжении оказывались другие апартаменты, с куда более опытными, на многое насмотревшимися зеркалами.

Триксу в каком-то смысле не повезло. Пренебрегая полезными детскими развлечениями своих предков, как то: охотой, фехтованием и общением с подданными, он слишком много читал, слишком много общался с дворцовыми чародеями и летописцами и слишком рано начал заглядываться на служанок.

Впрочем, со служанками ему тоже не посчастливилось. Всякая разумная герцогиня следит за тем, чтобы к четырнадцати годам ее сына окружали в меру симпатичные и здоровомыслящие служанки, мечтающие вовсе не о морганатическом браке, а о небольшом денежном содержании или трактире на людном тракте. Но герцогиня Солье, видимо, в силу той же забывчивости, что уже пятнадцать лет сохраняла ее саму в двадцатипятилетнем возрасте, никак не желала понимать, что сын уже вырос. На прошлый день рождения Трикс получил от матери совершенно замечательного коня – белого, в яблоках. Портило подарок только то, что конь был деревянным и на колесиках. Завтра, в день своего четырнадцатилетия, Трикс должен был получить «очень милые книжки». Полностью разделяя мнение, что книга – лучший подарок, Трикс все-таки не спешил радоваться. Он подозревал, что книги будут с картинками... и вовсе не с такими, как в украденном из герцогской библиотеки монументальном фолианте «Ветвь дуба и цветок лотоса».

Так что служанки в замке были по большей части опытными, проверенными, нанятыми лично герцогиней пятнадцать лет назад. Но в отличие от герцогини их возраст упрямо стремился к сорока годам, что, по мнению Трикса, являлось глубокой старостью.

К счастью, у служанок бывают дочери...

Трикс смотрел в зеркало.

Так, начнем с самого начала. В смысле – с верха. Наверху были волосы – черные. Белокурые, на взгляд Трикса, были бы лучше. Даже в рыжих нашлась бы определенная оригинальность.

Но к волосам все-таки особых претензий не было.

Ниже волос начиналась голова, которую Трикс изучал особенно пристально. Нет, все по отдельности его вполне устраивало. Лоб и нос – в отца. Уши – в мать. Нормальные уши, не оттопыренные, не слишком острые, не слишком крупные. И рот Трикса вполне устраивал, во всяком случае – функциональностью. Подбородок, за исключением отсутствия бороды, был не лучше и не хуже любого другого подбородка.

Триксу не нравился результат сложения всех этих, бесспорно достойных, частей тела. Результат можно было с равным успехом назвать отвратительным словом «отрок», еще более ужасным словом «мальчик», но никак не «молодым человеком».

А еще результат выглядел очень мирным и добродушным. Может быть, виной были пухлые губы? Трикс попытался поджать губы – отрок в зеркале из добродушного превратился в омерзительного. Такой Трикс вызывал немедленное желание сменить в стране форму правления, но никак не воплощал в себе мужество и отвагу древнего рода.

– Вот зараза... – сказал зеркалу Трикс.

Зеркало сделало вид, что оно здесь ни при чем.

Трикс развернулся и поплелся к двери. Предстоял еще один унылый день, наполненный обязательными для наследника трона заботами. Ко всему еще – приемный день. Вначале – присутствие при отцовских деловых переговорах. Это значит торговцы, арендаторы, главы гильдий и мастерских. Всем им хочется заплатить поменьше, а получить побольше. Но того же хочется и со-герцогу Рату Солье, так что разговоры предстоят долгие и нудные.

Потом – собственный прием Трикса. Конечно, улаживать серьезные взрослые дела ему никто не позволит. Зато предстоит решать детские проблемы. К примеру, ученики гильдии кузнецов устроили драку с учениками гильдии пекарей. Вы думаете, что в бою с мускулистыми молотобойцами пострадали невинные труженики скалки? Как бы не так. Подручные кузнецов большую часть времени стоят у наковален, сжимая в клещах куски раскаленного металла, или качают мехи – занятие, полезное для отдельных мускулов, но никак не способствующее гармоничному развитию. А вот ученики пекарей заняты в основном тем, что таскают тяжеленные мешки с мукой или противни с готовой выпечкой. К тому же на питании учеников кузнецы вечно экономят, а вот учеников пекарей морить голодом невозможно...

Еще будут попавшиеся на мелких, недостойных внимания городской милиции проказах и кражах отроки, молящие о вспомоществовании сироты и несправедливо выпоротые родителями сыновья. Священный долг юного наследника – вникать в нужды народа на примере своих ровесников...

Не глядя на суетящихся с утра служанок, Трикс прошел к тронному залу со-герцога. Внутренняя дверь была полуоткрыта, внешняя – ведущая к городу – пока еще заперта. Отец был уже здесь – сидел на Половинчатом Троне, металлической конструкции хоть и удобной, но оставляющей странное впечатление *половины* огромного кресла. Кое-где Половинчатый Трон щетинился остриями клинков, кое-где топорщился шишками эфесов.

– Трикс, – кивнул отец с легкой теплотой во взгляде.

– Ваше сиятельство, – поклонился Трикс. Прошел к подобающей ему скамеечке слева от Половинчатого Трона – тоже металлической, тоже выкованной из вражеских мечей. Сел.

Как обычно подумал о том, что враги заслуживали бы куда больше симпатии, сражайся они подушками или соломенными булавами.

Двое стражников открыли внешние двери. Иногда, для пышности, в тронном зале дежурил десяток солдат, но это случалось нечасто.

День начался.

Против всех ожиданий первыми в очереди были не подданные Солье, а группа стражников сопровителя – со-герцога Сатора Гриза. В форме, но, как и положено, без оружия и доспехов.

Трикс покосился на отца. Тот с любопытством смотрел на стражников.

– Ваше сиятельство... – Старший рыцарь преклонил колени. За ним – остальные.

– Встаньте, благородный господин. – Со-герцог Рат Солье кивнул.

– Мы пришли принести свои извинения за события вчерашнего вечера и отжаться на милость вашего сиятельства... – не вставая с колен, начал рыцарь.

Трикс заскучал. Он слышал о вчерашней потасовке в какой-то пивной. Стражники со-герцога Солье и стражники со-герцога Гриза намяли друг другу бока. До крови, к счастью, дело не дошло. Значит, сейчас стражники Солье отдают себя на милость со-герцога Гриза...

Рутина. Когда власть поделена между двумя равноправными сопровителями – подобные события не редкость.

– Я принимаю ваши извинения, – сказал со-герцог Солье. – Встаньте, благородные господа. Надеюсь, что и со-герцог Гриз проявит такую же милость к моим подданным...

Рыцарь поднялся. Провел рукой по опоясывающему его камзол металлическому поясу – тот щелкнул, распрямляясь и превращаясь в узкий тонкий клинок.

– Не думаю, – сказал рыцарь.

Дверной замок заржавел лет сто назад, а ключ к нему утеряли немногим позже. Сколько Трикс себя помнил, тюремные камеры пустовали: в караулке никто не дежурил, дверь в тюремный коридор была нараспашку открыта, а решетчатые двери камер хоть и притворены, но не заперты. В детстве он пару раз заглядывал в подземелья, но ненадолго. Не было в них ничего таинственного, и даже страшного не было. Только крошащиеся под ногой ржавые железные лестницы, изъеденные ржавчиной крюки под факелы, проржавелые двери и заржавевшие решетки. Сочащиеся сыростью каменные стены тоже были бы не прочь заржаветь, но камень к этому не приспособлен.

Еще три поколения назад со-герцоги Солье пришли к разумному выводу, что преступников куда проще передавать в руки городских властей, а не держать в собственных казематах. Это было куда дешевле – отпадала нужда в содержании тюремщиков и палача, куда полезнее для репутации – ведь сопровитель никоим образом не отвечал за решения городского суда, и куда неприятнее для преступников – суд девяти анонимных заседателей почему-то всегда выносил более строгие приговоры, чем один-единственный со-герцог.

Запереть замок никто и не пытался. Просто выбрали камеру, где решетчатая дверь оказалась покрепче, – и молчаливый кузнец, раскалив в переносном горне железный прут, прикрутил им решетку к притолоке.

Самый надежный замок на свете – тот, у которого нет ключа.

Трикс сидел в углу камеры, подложив под себя куртку. Одежду ему оставили, только зачем-то срезали все пуговицы и вынули из штанов ремень. Неужели чтобы не покончил с собой? Какое-то время Трикс злорадно представлял, как оторвет у куртки рукава, совет веревку и повесится на решетчатой двери. Сумел же его предок, Келен Солье, повеситься на одном-единственном носовом платке, которым были перевязаны его многочисленные раны?

Впрочем, с самого детства Трикса смущала фраза про один носовой платок, которым были перевязаны многочисленные раны. Да и не огорчатся враги, обнаружив юного со-герцога Трикса Солье болтающимся на решетке, со сползшими мокрыми штанами и вывалившимся языком. Напротив, он им только поможет захватить трон. Лучше уж пусть будет казнь. Настоящая, с несправедным судом, на глазах у вероломного народа. Уж он найдет что сказать предателям! Как Диго Солье, чья речь на эшафоте растрогала даже палача... как Ренада Солье, попавшая в руки разбойников – но пламенной речью убедившая их бросить преступное ремесло и пойти на службу в Стражу...

Трикс хмыкнул. Конечно, ему было только четырнадцать, он обожал исторические хроники, но настолько наивным все-таки не был. И Диго Солье был казнен, пусть даже палач рыдал, заноса топор. И Ренада Солье уговаривала главаря разбойников три дня и три ночи, причем Триксу смутно казалось, что *три ночи* сыграли куда большую роль, чем три дня.

Легко грезить о героизме, переворачивая хрупкие желтые страницы древних хроник. Куда сложнее, когда в инструментах палача зажаты твои собственные, хрупкие и белые от ужаса пальцы...

Конечно, пытки в герцогстве строго запрещены – за исключением случаев особых, строго оговоренных и регламентированных. Принудительное отречение от престола никак в их число не входило. Да и вообще пытать ребенка, а по законам герцогства Трикс все еще считался несовершеннолетним, разрешено лишь в присутствии доктора, священника и «доброй женщины из народа», которые могут в любой момент остановить пытки.

Но в мире так много пыток, не оставляющих следов... Когда-то Трикс с замирающим сердцем прочитал почти половину «Руководства честного дознавателя» – и на этот счет не заблуждался.

Что захотят – то и сделают. Свергать со-герцога тоже было строжайше запрещено.

Трикс встал, прошелся по камере, пытаясь размять ноги. Штаны сползли, их приходилось поддерживать. Три на три шага, вот ужас какой! Неужели люди сидели в этих темницах годами? Невозможно!

Предательский голосок в душе прошептал: «А это ты еще узнаешь...»

Трикс замотал головой. Чушь, ерунда, бред! Либо с ним будут торговаться, требуя, чтобы он отказался от престола... либо убьют. Оставлять наследника престола гнить в каменном мешке – верный путь к поражению. Во всех пьесах и балладах, где злодеи бросали юного наследника в темницу, это оканчивалось для них плохо. Верный слуга выпускал своего господина, или тот прорывал тайный лаз из подземелья, потом наследник собирал славную армию и обрушивал на злодеев свой гнев...

Именно так – обрушивал гнев!

Трикс взмахнул рукой. Потом взялся за решетку, напрягся, пытаясь раздвинуть прутья. Он же маленький, худой, он проскользнет...

Да – маленький. А вдобавок еще и слабый. Прутья, пусть даже источенные временем, не поддались. Трикс только перемазался в сырой ржавчине да едва не защемил голову между прутьями. То-то было бы веселья тюремщикам...

Как же получилось, что их предали?

Трикс несколько раз пнул решетку. Башмаки ему тоже оставили, но вынули завязки. Решетка даже не заметила его усилий.

Трикс снова сел на каменный пол. Он не боялся – не в силу какой-то врожденной отваги, а просто потому, что все случилось слишком быстро... и слишком нелепо. Еще, наверное, потому что его никто даже ни разу не ударил. А ведь он даже достал меч... даже попытался *пронзить* набросившегося на него стражника...

Меч из рук выбили после первого же выпада. Кинжал Трикс даже не успел достать. Здоровенный стражник заломил ему руки за спину – очень аккуратно. Буркнул, что не надо

дергаться, а то будет больно. Подоспели еще двое. Трикса вытащили из тронного зала во внутренние коридоры – отца, пытавшегося в одиночку отбиться от десятка нападавших, в этот момент теснили в угол.

Трикса быстро и тщательно обыскали, сняли ремень и завязки башмаков, срезали пуговицы, прощупали подкладку куртки – и приволокли в подземелье. Ни одного грубого слова не сказали! А здесь уже ждал кузнец – придворный кузнец со-герцога Солье! Мрачный, но вовсе не подавленный. И молотом своим, Трикс ничуть не сомневался, кузнец мог легко уложить всю троицу стражников – рядом с ним они перестали казаться такими уж здоровенными...

Кузнец раскалил прут и запер дверь. И ушел, оставив инструмент в коридоре, не оглядываясь на юного со-герцога и не слушая его возмущенных криков. И стражники ушли, оставив напротив клетки факел – уже догорающий.

Трикс смущенно потер лоб. Кричал он зря. Какие-то неправильные были слова. В хрониках они очень даже хорошо смотрелись: и про то, что «триста лет твои предки верой и правдой служили моим предкам», и про «предательство высушит твое сердце», и про «истину», которая «всегда восторжествует»...

В сыром подземелье слова прозвучали смешно.

Почему-то казалось, что наверху, среди ярких гобеленов и цветных витражей, слова чувствовали бы себя увереннее...

Факел начал чадить. Трикс опустил голову на колени, сжался в комок. Рано или поздно за ним придут. Это все специально – чтобы сломить его дух. Так положено.

Вдали громыхнула дверь. Вторая. Трикс поднял голову, с надеждой вглядываясь в коридор, по которому плыл яркий свет фонаря. Может быть, стражники со-герцога Солье? Усыпили бдительность, навалились, перебили захватчиков...

К камере подошел плечистый мужчина в кольчуге. Сид Канг. Капитан стражи со-герцога Сатора Гриза. Или уже надо говорить – капитан стражи *герцога* Сатора Гриза?

Трикс молчал.

И капитан Сид молчал, разглядывая мальчика. Хороший солдат – так говорил о нем отец Трикса. Он не раз бывал во дворце со-герцога Солье, а однажды даже потратил целый день, пытаясь научить Трикса стрелять из арбалета. Попытка не удалась, но Сид лишь пожал плечами и проронил: «Не твое, тренируйся с мечом».

– Не плачешь? – спросил Сид. – Хорошо.

Трикс презрительно усмехнулся. Если этот предатель... хотя можно ли его называть предателем, ведь он верно служит Сатору Гризу?.. Если этот солдафон ожидает, что юный со-герцог разревется, будто посаженный в чулан за кражу варенья поваренок, – его ждет разочарование.

Сид повернулся, посмотрел на ящик с кузнечными инструментами. Подошел к ящику, наклонился – мягко зашелестела кольчуга из тончайших стальных звеньев. Выпрямился, уже держа в руках огромные клещи. Примерился к пруту – и покачал головой. Бережно, с уважением, положил инструмент обратно в ящик. И взялся за прут обеими руками.

Трикс фыркнул. Какую бы подлость Сид ни задумал, голыми руками сталь не разогнуть.

Сид Канг нахмурился, будто что-то вспоминая. И произнес:

– *Сила пришла, будто ветра порыв перед бурей...*

Его ладони окутало бледное, едва заметное голубое сияние.

Заклинание!

Трикс вскочил.

Заклинание было слабеньким, то ли составленное неопытным магом, то ли розданное слишком многим людям. Сиду пришлось напрячься – вздыбились мускулы на руках, лицо

побагровело. Но толстый железный прут неохотно выпрямился. Сид вытащил его, бросил наземь. Каменные плиты пола были покрыты таким слоем грязи, что вместо удара послышался мягкий шлепок. Свечение вокруг ладоней угасло.

Сид Канг открыл решетку. Посмотрел на Трикса. Сказал:

– Не бойся, юный со-герцог.

Это значит – отец мертв...

Трикс сглотнул вставший в горле комок. Отца он видел едва ли чаще, чем повара или конюха. И все же это был его отец.

– Твой отец погиб, – подтвердил Сид. – В бою. Как подобает. Тебя тоже убьют, со-герцог Трикс Солье.

– Убивай, – прошептал Трикс. Даже попытка сопротивления была глупостью. Сид Канг – хороший солдат. А он – плохой наследник трона.

Сид покачал головой.

– Не нужно это, господин Трикс. Власть теперь у Сатора. Он бы тебя пощадил, его сын – против.

– Я не сомневался в своем возлюбленном кузене Дэрике, – сказал Трикс. Гордые слова сами лезли на язык и на этот раз звучали почти достойно. – Делай, что тебе приказали, солдат!

Капитан молча сбросил с плеч легкий плащ. Кинул Триксу.

– Надень это, господин Трикс. Зачем проливать лишнюю кровь. Я выведу тебя из дворца.

Трикс посмотрел на упавший к ногам плащ. Спросил:

– Что с моей матерью?

– Она повела себя достойно. Приняла яд и выпрыгнула в окно. – Сид уважительно склонил голову. – Погибло всего пять человек, со-герцог. Не становись шестым.

Трикс молчал. Поступок матери его ничуть не удивил – она поступила так, как поступали благородные дамы в балладах и хрониках. Наверное, еще подошла к окну, выходящему на городскую площадь, – чтобы больше народа увидело ее отважный поступок...

– Не хнычь, Трикс, – тяжелая рука Сида опустилась ему на плечо. – Не ко времени.

Совсем рядом – на поясе Сида – были ножны с кинжалом. Только протянуть руку...

– И не глупи, – предупредил Сид.

Трикс нагнулся и поднял плащ.

– Пошли, – велел капитан.

– Найди мне веревку, – попросил Трикс. Хотел потребовать, но получилась только просьба.

– Зачем? – не понял Сид.

– Штаны без ремня спадают. Я так далеко не уйду.

Сид, не споря, отрезал от ящика с кузнечными инструментами прочный кожаный ремень и подал Триксу.

Под плащом стало теплее. Трикс надвинул на глаза капюшон – так велел Сид – и смотрел только в пол. Они поднялись из подземелий какими-то узкими грязными коридорами, Трикс даже не смог их опознать, вышли во двор. Было тихо. Очень по-мирному тихо – в конюшне негромко ржали кони, из открытых окон кухни доносилось звяканье посуды, на башне часы пробили четверть первого. Трикс приподнял голову – кое-где в окнах горел свет. Даже стражники стояли там, где и должны были стоять, – только теперь это были другие стражники.

– Только трое слуг дрались до конца? – спросил он.

– Двое, – ответил Сид. – Еще один упал на лестнице и сломал шею. В панике. Молчи. Спрячь лицо.

Они подошли к воротам. Сид крепко обхватил Трикса за плечи, прижал к себе. Громко спросил:

– Все спокойно?

– Совсем-совсем спокойно, капитан, – послышался быстрый южный говорок. – И в городе все тихонько. А вы...

Трикс напрягся. Сейчас капитан Сид убьет собственного стражника... так всегда и бывает.

– Мы с подругой прогуляемся, – ответил Сид, и они вышли за ворота.

Трикс не обиделся. В конце концов, великий князь Дилон бежал когда-то от своих врагов в женском платье, обрядив жену в мужской костюм, сына – в девичье платьице, а дочь – в ливрею. Ну что поделать, если враги всюду искали высокого тощего мужчину, толстую маленькую женщину, девицу на выданье и малыша трех-четырёх лет? Только превратиться в высокую тощую женщину, следующую за толстяком-мужем в сопровождении маленькой дочки и юного слуги. А княжество Дилон, и Трикс это признавал, куда больше и куда древнее со-герцогства Солье и Гриз.

Трикс напрягся совсем по другой причине. И даже попытался нащупать кинжал капитана Сида – после чего ощутил лезвие клинка у самого горла.

– Не глупи, – устало повторил капитан. – Идем к реке.

Больше Трикс глупить не пробовал. Они прошли по узкой тропинке вдоль крепостной стены, спустились с холма, на котором стоял дворец, и вышли к реке. Здесь была маленькая деревянная пристань, к которой раз в день рыбаки приезжали продавать рыбу, длинные мостки, с которых полоскали белье, – и больше ничего.

Очень удачное место, чтобы закончить свою жизнь.

– Сними плащ, – велел Сид.

Трикс снял плащ. Поколебался миг – не прыгнуть ли в воду?

Увы, он помнил, что у берега слишком мелко. Прежде чем он добежит до глубины и сможет нырнуть, кинжал Сида будет прочно сидеть у него в спине. Как назло, было полнолуние, а на небе – ни облачка.

– Три золотые монеты, – сказал Сид, протягивая ему маленький кошелек. – Хватит прожить два месяца. – Он помолчал и добавил: – Или месяц, но весело.

Капитан Сид Канг был хорошим солдатом и любил точность во всем.

Трикс смотрел на капитана и ждал. Под его взглядом Сид внезапно занервничал.

– Лодка у причала, – буркнул он. – Весла есть, мешок с едой. Плыви по течению. Завтра к вечеру будешь в Дилоне.

– Меня убьешь ты? – спросил Трикс. – Или твой подручный? – Он кивнул на рожицу, где в тени деревьев вполне мог скрываться десяток солдат с арбалетами.

Сид нахмурился:

– С чего ты это взял, со-герцог?

Трикс покосился на пристань – там и впрямь была лодка...

– Сатор Гриз поймет, что мне помогли бежать, – сказал он. – Тебя видели, когда ты выходил... с кем-то, прятавшим лицо под плащом. Если бы ты убил солдата – я бы тебе поверил. Но ты его пощадил. Значит, это все сговор. Меня убьют и скажут, что я пытался бежать.

– Мелкое злобное ничтожество, – даже не рассердившись, произнес Сид. – Я тебя спасаю! Беги.

– Я не так глуп, – прошептал Трикс.

Ему хотелось бежать. Очень хотелось. Но он понимал, что стоит только повернуться к Сиду спиной, и...

– Оставь нас, Сид, – произнес кто-то, вышедший из-за деревьев. – Все в порядке.

Сид молча кивнул и отступил в сторону.

Со-герцог Сатор Гриз подошел к Триксу.

Поджарый, смуглый, со-герцог никак не выглядел на свои пятьдесят лет и был полной противоположностью отцу Трикса. На самом деле, будучи совсем малышом, Трикс частенько думал, что со-герцог Гриз выглядит куда лучше его отца. Благороднее. Величавее. И даже воинственнее – что совсем уж удивительно для потомка купцов.

– Понимаю, что ты ненавидишь меня, мальчик, – сказал Сатор. – Но я и впрямь хотел бы сохранить тебе жизнь.

Трикс молчал.

– Если ты хочешь сказать, как меня ненавидишь, – продолжил Сатор, – то можешь говорить сейчас. И про то, как отомстишь, – тоже говори. Я не рассержусь.

– Я ненавижу тебя, – сказал Трикс. – Я отомщу. Тебе и всему твоему роду. Это будет моя страна и мое герцогство.

Сатор кивнул:

– Прекрасно. А теперь я объясню, почему отпускаю тебя. Если хочешь, конечно. Нет – садись в лодку и плыви. Никто тебя не тронет.

Трикс пожал плечами. Движение перешло в невольную дрожь – ночь была холодной, от реки тянуло сыростью не хуже, чем от каменных стен подземелья.

– Сид, верни мальчику плащ, – негромко приказал Сатор. – Он же совсем озяб! Так вот, Трикс, я вовсе не стремлюсь к излишнему пролитию крови. Если бы твои родители согласились отказаться от власти – они бы остались живы. Но они не захотели. Я уважаю их выбор.

Трикс молча взял плащ и завернулся в него.

– Представляй ты реальную опасность, юный Солье, тебе тоже пришлось бы умереть, – продолжал Сатор. – Но ты мне полезнее живой. Знаешь чем? – Он выдержал паузу и продолжил: – Именно тем, что ты умный и гордый мальчик, который желает отомстить. Ты будешь скитаться по окрестным землям, рассказывать о своем благородном происхождении и призывать к отмщению. Надеюсь, что ты благополучно вырастешь... а вдруг, чем боги не шутят, даже обзаведешься собственной дружиной или маленьким государством? Может быть, ты сумеешь собрать банду авантюристов? Или вдруг тебя поддержат наши честолюбивые соседи? Это прекрасно, мальчик. Я – только за.

– Дэрик! – внезапно понял Трикс.

– Правильно. – Сатор улыбнулся. – Мой возлюбленный сын и твой драгоценный кузен несколько... как бы это... расхлябан. Умен, талантлив, но легкомыслен. Передать ему герцогство, у которого нет врагов, значит, испортить мальчика. Ему нужен враг. Хороший, искренний, личный враг. Ты вполне годишься. Если он будет знать, что ты жив и жаждешь мести, – это его дисциплинирует.

Трикс облизнул губы. Почему-то пересохло в горле и живот свело холодом. Он спросил:

– А если... если я выплыву на середину реки и брошусь в воду?

– Ничего страшного. – Со-герцог улыбнулся. – Дэрик ведь никогда не узнает этого доподлинно? Воображаемый враг тоже сгодится. Но я посоветую тебе выжить. Жизнь – величайший дар, не следует отказываться от него в минуту слабости. Поверь, ты еще найдешь немало причин, чтобы жить.

Со-герцог опустил руку в карман. Достал кошелек, протянул Триксу:

– Возьми. Это тебе от меня... за догадливость. Тут еще десяток золотых и пара безделушек с гербом вашего рода. Пригодится отстаивать свои права, верно?

Трикс не колебался. Протянул руку и взял кошелек.

– Хороший мальчик, – кивнул Сатор. – Жалко, что ты родился в роду Солье. Плыви... и не беспокойся о погребении своих родителей. Все необходимые церемонии будут совершены завтра же. Их похоронят в вашем фамильном склепе.

– Обещаю, – сказал Трикс, – что и твое тело я прикажу похоронить в вашем фамильном склепе. После этого дверь замуруют, там больше некого станет хоронить.

На какой-то миг губы со-герцога Гриза сжались. Потом он кивнул:

– Замечательно. Фраза достойна летописей. А теперь – убирайся... из герцогства Гриз.

Трикс греб, пока лодка не вышла на стрежень. Весной, когда часто шли дожди, или в жаркое лето, когда начинали таять ледники, реке случалось быть и полноводной, и бурной. Но это лето было просто сырым и холодным. Лодка слегка покачивалась на волне, берега неспешно проплывали мимо.

Трикс отпустил весла и достал оба кошелька. В том, что дал ему Сид Канг, не было золота. Там лежали три серебряные монеты. Даже самым хорошим солдатам нужны деньги. А вот в кошельке Сатора Гриза было десять золотых. Герцог недаром происходил из купеческого рода, он никогда не ошибался в счете и не мошенничал по мелочам.

Еще в кошельке лежала пуговица от рубашки с гербом Солье, недорогое золотое колечко с двумя маленькими рубинами, принадлежащее скорее всего кому-то из фрейлин, крошечная серебряная ложечка.

Трикс задумчиво разглядывал все, что досталось ему от фамильных сокровищ. Нет, он и не рассчитывал на перстень отца или Большую Печать. Но это... Любой мелкий воришка, улыбнись ему удача, мог за полдня уворовать куда больше «доказательств».

Ссыпав безделушки обратно в кошелек, Трикс лег на дно лодки. По крайней мере лодка не протекала – уже хорошо. Он жив и на свободе. Он доберется до княжества Дилон, отправится к правителю... кто же там ныне у власти... Джар Дилон умер два года назад, правит... правит его дочь. Или регент, а дочь еще слишком мала?

Кажется, до сих пор регент. Трикс даже вспомнил его – высокий худой мужчина, желчный, с вечно недовольным строгим лицом. Он приезжал в со-герцогство вскоре после смерти Джара, заключал какой-то договор... отец еще говорил, что регент пошел на уступки в давнем споре о пограничных землях.

Если Трикс запомнил регента – почему бы регенту не вспомнить Трикса?

Он пообещает ему вернуть обратно те пограничные земли. И даже отдать еще что-нибудь, принадлежавшее раньше со-герцогу Гризу. Триксу нужна армия, хотя бы небольшая. Когда он вступит на старые земли Солье, то снизит налоги, объявит прощение преступникам, назначит высокую плату солдатам – и вскоре его армия станет большой. Так всегда делается.

Сатор Гриз еще пожалеет...

Трикс уснул.

По всем законам летописей и баллад ему должны были присниться счастливые родители, живые и здоровые, играющие с ним на зеленой лужайке. Или же скорбные родители, преданные и мертвые, взывающие об отмщении. На худой конец, сгодились бы видения грядущих битв и сражений, пылающего дворца со-герцога Гриза и ликующей толпы, приветствующей Трикса на троне.

Трикс спал крепко и без всяких сновидений, как и положено здоровому, но смертельно уставшему подростку.

В исторических хрониках и трогательных балладах отпущенная на волю волн лодка благополучно плывет всю ночь. К восходу солнца течение осторожно прибывает лодку в тенистую заводь, где над водой склоняются плакучие ивы, а на воде цветут кувшинки.

К этому же времени к заводу приходит юная и красивая принцесса, чтобы обнаружить лодку, а в ней – либо запеленатого в шелка младенца мужского пола (кстати, вы когда-нибудь пробовали пеленать младенца в шелка?) с таинственным амулетом на ручке, либо израненного воина в испачканных благородной кровью шелках (шелк является традиционным и почти обязательным атрибутом). Лишь в том случае, когда в лодке мирно спит младенец женского пола или одетая (да, да, вы догадались – в шелка) принцесса, обнаружить лодку допускается мужчине благородного сословия.

На самом деле лодка, отпущенная на волю ночных волн посреди широкой реки, так и норовит перевернуться, налететь на топляк, разбиться о камни или сесть на мель. Также к ней может приблизиться другая лодка, с людьми весьма неблагородными, интересующимися лишь шелками, но никак не завернутыми в них младенцами – у самих по полу десятков ползает и есть просит.

Трикс об этом не подозревал. И проснувшись с первыми лучами солнца, совсем не удивился, обнаружив, что лодка мирно плывет по течению.

(На самом деле за ночь она дважды натыкалась на коряги, а один раз полчаса простояла на мели, откуда ее сняла волна от рыбацкого баркаса, так торопившегося исследовать содержимое лодки, что он налетел на камни и затонул.)

Трикс поднялся и сбросил отсыревший насквозь плащ.

Шелк вообще очень непрактичный материал.

По обе стороны реки простирался умиротворяющий сельский пейзаж. Слева он состоял из полей низкой, едва-едва начинающей желтеть пшеницы, справа – из сочных зеленых лугов. Кое-где виднелись белые струйки дыма, подсказывающие, что этот край обитаем, но людей нигде не было видно.

Трикс перегнулся через борт, придирчиво осмотрел воду и умылся. Потом, осмотрев воду еще более пристально, сложил руки ковшиком и напился. В городе он бы на это не решился, но здесь вода выглядела более чистой. Ну или более разбавленной.

Вчерашний день теперь казался неожиданно далеким – как это всегда и бывает после совсем уж неожиданных и ужасных событий. Но Трикс не слишком привык к неожиданностям и был только рад спасительному ощущению *давности*. По крайней мере плакать о родителях ему хотелось лишь ненамного больше, чем об отважном со-герцоге Диго Солье. Если вдуматься, то мало кто из его предков умер в своей постели...

Трикс развернул полотняный мешочек с едой и осмотрел свои запасы. Немного вареной картошки, немного сушеной рыбы, кусок сыра, полкаравая хлеба и бутыль дешевого вина. Пренебрежения к подобной пище Трикс не испытывал, но и восторга она не вызвала.

Откупорив бутылку, Трикс выпил глоток кислого вина. Инстинкт подсказывал, что речную воду полезно запивать вином...

– Эй! – разнеслось над водой.

На берегу показалась маленькая фигурка, отчаянно махающая руками. Трикс пристал в опасно закачавшейся лодке, всмотрелся. Похоже, это был мальчик... то есть юноша, не старше его самого.

Убедившись, что внимание Трикса привлечено, юноша прыгнул в воду и поплыл к лодке, забирая чуть наискось к течению. Трикс задумчиво огляделся и высвободил одно весло из уключины. Все-таки уроки общения с юными подданными не прошли даром.

Впрочем, причина спешки вскоре стала понятной. Вслед за юношей на берегу показалось несколько мужчин, судя по одежде и зажатым в руках подручным предметам – селяне. Преследователей подвела крестьянская натура – они не неслись по хлебам во весь опор, а старались пробираться как можно осторожнее. Послышались причудливые проклятия – впрочем, не наполненные никакой силой. Да и откуда простым крестьянам знать высокое искусство магии?

Повинуясь взаимному сочувствию всех преследуемых и гонимых, Трикс снова вставил весло в ключину и стал грести навстречу пловцу. Через несколько минут за борт ухватились две руки, следом вынырнула рыжая голова. Юноша шумно выдохнул и спросил:

– Гонятся?

– У них лодки нет, – ответил Трикс.

Юноша кивнул. Опасливо посмотрел на Трикса и спросил:

– Ты меня веслом не огреешь? А то я плавать не умею.

– Ты же сюда доплыл!

– Это я со страху.

Трикс молча протянул руку и, запрокинувшись на другой борт, втянул паренька в лодку. При внимательном взгляде на мальчишку подозрительность, бдительно оглядываясь, отступила. Это был именно мальчик, хоть и высокий, но помладше Трикса и такой тощий, будто на нем ставили эксперименты по выведению новой породы мало едящих детей.

– За что они? – Трикс кивнул на берег.

– За правду, – гордо ответил мальчик. Сел, стянул рубашку и принялся ее выжимать. С легким удивлением Трикс отметил, что одежда мальчика кажется ему смутно знакомой... хотя и начисто лишенной пуговиц и гербов...

– Ты кто? – попробовал Трикс подступить с другой стороны.

Мальчик надел рубашку и попытался сесть ровнее. Сказал:

– Знай же, славный юноша, что ты совершил благородный... э...

– Поступок? – подсказал Трикс.

– Поступок, – с радостью согласился мальчик. – Ты спас от неминуемой расправы и постыдного плена...

– «Летопись баронета Хью Невезучего»... – пробормотал себе под нос Трикс.

– ...наследника престола со-герцогов Солье, Трикса Солье.

Трикс задумчиво посмотрел на мальчика. Тот сглотнул и чуть неувереннее продолжил:

– И это тебе зачтется, и ты будешь отблагодарен, едва только я верну себе корону, земли, войско и богатства...

– Говоришь, плавать не умеешь? – спросил Трикс, перехватывая весло поудобнее.

– Не надо, – быстро сказал мальчик.

– Ты кто?

– Три... – Мальчик осекся. – Иен.

– Какой еще Иен?

– Так это у благородных фамилии, – мальчик пожал плечами, – а я просто Иен. Отец был садовник. Мать ему помогала. От горячки померли, два года назад.

– Почему ты назвался Триксом? – не выдержал и закричал Трикс. – И... и откуда у тебя эта рубашка? Она... она дорогая!

– Ага, – с удовольствием погладив ткань, сказал мальчик. – Это шелк, да?

– Это бархат, дурак! Ты откуда?

– Из приюта славных со-герцогов Солье и Гриза для перевоспитания сирот, – ничуть не смутившись, ответил Иен. – Светлая память со-герцогу Солье, хранят боги обе его души, земную и небесную...

Трикс вставил весло в ключину.

– Вчера утром, когда стражники со-герцога Солье напали на со-герцога Гриза, но были пленены, а со-герцог Солье с горя убили, – быстро затараторил мальчик, – у нас приют сгорел. С трех сторон запылали, еле выскочить успели. Наверно, злодеи какие-то подожгли. А потом приехал рыцарь со-герцога Гриза, сказал, что приюта больше не будет. Нам великодушно раздали одежду наследника Трикса, ему-то все равно уже без нужды. Мы с ребятами потолковали и решили, что пока тепло и лето – надо разбрестись, побродяжничать. А раз

у нас одежда благородная, то почему бы не говорить, будто мы и есть – наследник Трикс, лишенный злодеями трона и скрывающийся в бегах?

– Думаешь, тебе поверят? – завопил Трикс. – А ну, скажи, как звали... двоюродную тетушку со-герцога Рата Солье?

Мальчик наморщил лоб и отчеканил:

– Люнида Солье, год назад умерла от преклонных лет на морском побережье, дама была в молодости красивая, за что много страдала... Мы целый год генеалогию учили.

– Генеалогию... – машинально поправил Трикс.

– Генеалогию. И Солье, и Гриза, и всех правителей всех сопредельных земель. Все как у благородных.

– Ты все равно... все равно ничему не обучен, – пробормотал Трикс. – Только крестьянам и сможешь голову задурить. За столом вилку взять не сумеешь.

– Ха! – Иен гордо поднял голову. – Еще как сумею! Можно штаны выжать?

– Выжми, – глядя на натекшую на дно лодки лужу, разрешил Трикс.

– И малую рыбную, и большую мясную, и даже специальную фруктовую – сумею взять, – выкручивая за борт штаны (тоже казавшиеся Триксу подозрительно знакомыми), сказал Иен. – Нас знаешь как учили? Ого, как учили!

– Много вас в приюте было? – спросил Трикс.

– Шестьдесят трое... шестьдесят три сироты. А еще были две поварихи, дневной надзиратель...

– Подожди. И всем шестидесяти трем дали одежду... Трикса?

– Ага, – натягивая выжатые штаны гордо сказал Иен. – Ох и много же у него одежды было! Полсотни штанов!

– Даже побольше, – растерянно сказал Трикс. – Понимаешь, они же крепкие... от отца еще, от дедушки, даже от прадедушки оставались...

– А мне от отца ничего не осталось. Все сожгли. Горячка. – Иен вздохнул. – А тебя как звать?

– Трикс, – мрачно ответил Трикс.

– Ага, – ухмыльнулся Иен. – Слушай, а ты тоже похож! Слушай, я не против, можешь и ты называться Триксом Солье! Только надо из герцогства убраться, а то здесь народ такой... может и герцогу Гризу выдать. Пострадаем ни за что. – Он хихикнул. – А вот в сопредельных землях – лафа! Я думаю, раз мы на реке, надо в Дилон двигать. К регенту Хассу.

– Точно, Хасс, – пробормотал Трикс. – А я вспоминал...

– Он вместо дочери Дилона пока что правит, – пояснил Иен. – Вместо княжны Тианы.

– Княгини, – машинально поправил его Трикс. – Княжной она была, пока отец ее, князь, был жив. А как он помер, так она сразу княгиней стала... хоть и не правит еще...

Триксу вспомнилось, как два года назад отец с удивлением рассказывал о великодушном решении со-герцога Гриза устроить в городе приют для сирот, пригреть там детей – ровесников Трикса и Дэрика и даже дать им достойное воспитание, – дабы в будущем они могли послужить при дворах со-герцогов.

Мать тогда проронила что-то о пользе благотворительности и даже вызвалась раз в год одаривать сирот кремовыми пирожными собственного изготовления. Выполнила ли она свое обещание, Трикс не помнил. Видимо, нет, потому что сироты славились отменным здоровьем.

Теперь внезапная щедрость Гриза стала понятной. Приют оказался блажью не в большей мере, чем позавчерашняя потасовка в пивной – случайностью.

Если по окрестным землям разбредется полсотни мальчишек, выдающих себя за наследника престола Трикса, – как настоящему Триксу доказать свою правоту? Уже через месяц слова «я наследник престола со-герцогов Солье» будут вызывать смех у самого заху-

далого барона. И раньше после дворцового переворота повсюду объявлялись убежавшие из темниц графы и герцоги, чудом спасшиеся наследники и наследницы, на худой конец – многочисленные бастарды. А уж от верных слуг, просящих подаяние, прохода не было.

Сейчас бы они тоже появились – со-герцоги и со-герцогини Солье, наследники Триксы, рыцари и слуги. Сатор Гриз всего лишь решил перестраховаться. Довести ситуацию до абсурда.

Если только регент Хасс не узнает его...

– Мы должны быть первыми в Дилоне, – сказал Трикс. – Регент должен меня вспомнить.

– Кого вспомнить? – спросил Иен.

– Меня. Трикса Солье.

Иен хмыкнул.

– Я – Трикс Солье! – с напором повторил Трикс.

– Хорошо, хорошо. Ты Трикс. У тебя лодка, ты и Трикс, – согласился Иен. – Только зачем ты хочешь идти к самому регенту?

– По деревням побираться безопаснее?

– Ну... по деревням тоже всякое бывает... – задумчиво сказал Иен. – Слушай, давай выберем какого-нибудь бедного, но благородного рыцаря для начала. Или барона. В княжестве Дилон двенадцать баронов, первый барон – из рода Дилонов, второй барон – Вит Капелан, третий – Лиандр, четвертый – Галан...

Иен затараторил подозрительно ритмично, и Трикс, у которого бароны вечно путались в голове, спросил:

– Это что, считалка какая-то?

– Ага, – кивнул Иен. – Чтобы легче было запомнить. В княжестве два герцогства и одно со-герцогство, три маркизата, двенадцать баронов ленных и четыре барона вольных, королевские земли с рыцарями-управителями... думаешь, легко всех перечислить? А не перечислишь – розги!

– А как ты запоминал королевских рыцарей? – мрачно спросил Трикс.

– Сейчас. Это у меня самое любимое. – Иен откашлялся и затянул: – Рыцарь Догоро живет на востоке, там, где лишь скалы стоят одиноко...

– Понял, – кивнул Трикс. – Только из тебя все равно Трикс не получится.

– Почему?

– Ты рыжий.

– Велика печаль? – искренне удивился Иен. – Думаешь, кто-то запоминал, какого цвета у него волосы?

Трикс печально подумал, что все порядочные герои хроник имели какие-нибудь замечательные приметы. У одного барона была родинка в форме меча, а у одного герцога – даже в форме короны. У маркиза Дакиса на левой ноге было шесть пальцев. На худой конец, сгодился бы волшебный кинжал, перстень с печаткой, пиршественная чаша с гербом...

– Есть хочешь? – спросил Трикс.

Иен с готовностью кивнул.

– Тогда запомни, я – настоящий Трикс Солье. А ты... – Трикс задумался.

– Твой потерянный в младенчестве брат? – с надеждой спросил Иен.

– Нет!

– Тогда твой верный оруженосец?

– Оруженосец положен с четырнадцати лет, – поморщился Трикс.

– У настоящего Трикса, – ехидно заметил Иен, – сегодня день рождения. У нас должны были подать пирог с морковкой и яблоками... Оруженосец, на меньшее я не согласен!

– Становись на колени, – велел Трикс.

Иен послушно встал на дно лодки.

Трикс взял в руки весло и осторожно опустил на плечо Иена. Сказал:

– Я, со-герцог Трикс Солье, правом, данным мне от рождения, беру тебя, Иен, в свои оруженосцы и жалую тебе герб и дворянство. Отныне ты – Иен... Иен, кавалер Весла. Гербом твоим будет серебряное весло на голубом фоне.

– Можно золотое? – спросил Иен.

– Золото на голубом – только для особ благородных кровей, – сказал Трикс.

– Серебряное тоже ничего, – смирился Иен.

– Я, со-герцог Трикс Солье, – продолжал Трикс, – обязуюсь учить тебя и защищать, давать кров и стол... по возможности.

– Еще я должен получить какое-нибудь уникальное право, – напомнил Иен.

– И дарую тебе право сидеть ко мне спиной, – великодушно сказал Трикс. – А то тебе будет неудобно грести.

– Спасибо. А можно получить немного стола прямо сейчас?

2

Старая, но еще крепкая лодка плыла вниз по реке. Двое мальчишек беседовали.

– Если бы у нас был крючок и тонкая жила – поймали бы рыбу, – рассуждал вслух Иен. – Большую.

– И что с ней делать, с живой рыбой? – не понял Трикс.

– Как что? Веслом по башке, потом выпотрошить и съесть. Если посолить, то можно и сырую.

– У тебя нож есть?

– Нет... И соли нет.

– И крючка, и жилы тоже. Приплывем в Дилон, пойдем... где в городе едят?

– Ты чего, совсем дурак? – удивился Иен. – В харчевнях, в тавернах, в трактирах. Есть еще едальные дворы – но там только для благородных.

– Я благородный – дальше некуда.

– Ах, простите, я забыл... – фыркнул Иен. – Тогда пойдем в едальный двор.

– Сколько у тебя денег? – спросил Трикс.

Иен с ответом не спешил, Триксу даже пришлось толкнуть его ногой.

– Три серебряные, – признался Иен. – Надолго хватит.

– У меня тоже. Тоже три серебряные, – сказал Трикс. О кошельке, полученном от Гриза, он решил не упоминать. – Вам вместе с одеждой дали деньги?

– В карманах были. Прикинь, даже карманы не проверили, олухи!

Трикс вздохнул. Герцог Гриз не мелочился.

– Рассказывай мне генеалогию со-герцогов Солье и Гриза, – сказал он.

– Ты же сам Солье, зачем тебе? – ехидно спросил Иен.

– Болван. Думаешь, я это все заучивал? На это герольды есть.

– В году семисот пятом к верховьям реки Дальняя у Серых Гор пришел караван поселенцев из княжества Дилон. Караван вели богатый торговец Крон Гриз и капитан стражи Сел Солье. И хотя не было золота в Серых Горах, но земли им полюбились, и основали они со-герцогство Солье и Гриз...

Трикс подумал, что со-герцогством новые земли стали без малого через полвека, когда правили уже сын Села Солье и дочь Крона Гриза. Король не раздает титулов каждому удачливому авантюристу – впрочем, будущие со-герцогии оказались достаточно умны, чтобы регулярно отсылать королю налог и дважды поддержать его войсками...

– Рассказывай дальше, – велел Трикс.

Конечно, он должен был все это знать и сам, не полагаясь на герольдов и летописцев. Знание родственников (а все благородные люди родня друг другу) не только дань вежливости, но и очень полезно в жизни. Кого-то можно удачно уязвить, подав к пиршественному столу только рыбные блюда, кому-то вовремя польстить, припомнив один-единственный выигранный турнир. И Трикс все это учил, да, конечно же, учил! Слушал летописца, кивал, в нужный момент задавал вопросы и прекрасно мог повторить все услышанное... целый день мог повторить и даже на следующее утро. А потом будто вытряхивал из головы за ненужностью, освобождая место для новой порции имен, дат и историй.

Трикс вздохнул. Сказал:

– Повтори, что там про Третью Великую Войну?

Замок показался к пяти часам пополудни. Трикс встал на носу лодки, поставил ладонь ко лбу козырьком, прикрываясь от яркого солнца. Не самый большой замок, стены высоки только со стороны берега, у воды – совсем низкие, хотя и с множеством бойниц. Над главной башней реял флаг – две золотые рыбы на синем фоне.

– Чей замок? – ехидно спросил Иен.

– Барона Тора Галана, барона-рыбака, – ответил Трикс. Историю близких соседей он худо-бедно помнил. – Особым указом князя Дилона Вразумляющего стены замка были скрыты со стороны реки на три четверти. Дабы не были они выше, чем мачты княжеских кораблей...

Иен обиженно засопел.

– Причалим, – решил Трикс. – Какая разница... барон-рыбак – добрый, это все говорят. Гребки к берегу!

– Уже гребу, – пробурчал Иен. – Я, между прочим, все руки стер!

– Оруженосцу не только не должно перечить своему господину, но даже и скорбным ликом или печальными вздохами показывать, что тяготит его служение... – Трикс оглядел свою одежду. Пуговиц на куртке нет, штаны рваные... – Снимай штаны!

– Ты чего?

– Я должен выглядеть достойно, а твои штаны чище.

– Так что, я с голым задом в замок пойду?

– Снимай, мои наденешь!

Пока мальчишки переодевались, лодку едва не пронесло мимо замка. Триксу даже пришлось самому взяться за весло. Вдвоем они кое-как выгребли к самому концу длинной деревянной пристани.

У берега было совсем жарко, текущая вода не освежала, а добавляла духоты. Стражники, сидящие под навесом из камыша, разглядывали мальчишек со скукой в глазах. Никто даже не пошевелился – ни поприветствовать, ни отогнать.

Трикс и Иен выбрались на влажные, почерневшие доски. Иен принялся наматывать веревку на причальный столб.

– Эй! – Один из стражников, помоложе, поднялся и неохотно вышел из-под навеса. – Шантрапа! Два медяка!

Иен замер, покосился на Трикса.

– С какой стати? – возмутился Трикс. – Указом его величества короля Маркеля, берега реки на два шага от воды являются его королевской собственностью! И любой честный житель вправе причалить где угодно!

Стражник засмеялся:

– Ученые! Гляди, ребята, какая нынче мелюзга образованная!

– Порют мало... – лениво отозвались из-под навеса.

Стражник посерьезнел.

– Причалить – да сколько угодно. Это ты прав, малец. А вот столб причальный – собственность барона Галана. Привязать к нему лодку стоит две монеты в день.

– Но вы можете отпустить лодку по течению бесплатно! – снисходительно добавил его товарищ.

Трикс молча полез в карман и достал серебряную монету.

Стражники замолкли.

– Сдачу, – велел Трикс.

– Это... – Стражник замялся. – Другой нет?

Трикс достал золотой.

Еще трое стражников вышли к лодке. В глазах у них появились и жадность, и опасение. Мальчишки-оборванцы, которые не боятся достать золото при стражниках?

А вдруг они имеют на это право?

– Привяжи лодку, да покрепче! – швыряя серебряную монету под ноги стражнику, велел Трикс. – А ты, – он ткнул в первого попавшегося из его товарищей, – проводишь нас к благородному Тору Галану.

Теперь глаза стражников настороженно шарили по ребятам. До незадачливых охранников причала наконец-то дошло, что у Трикса благородный выговор, а одежда хоть и грязная, но из дорогих тканей.

– Просим прощения, – поднимая и протягивая обратно Триксу монету, сказал молодой стражник. Если вначале Триксу показалось, что он в группе на вторых ролях, то теперь стало ясно – напротив, старший караула. – Гостям барона, само собой, платить не надо. А как доложить-то вас?

– Трикс Солье, наследник со-герцога Солье, – отчеканил Трикс. – Со своим верным оруженосцем, Иеном, кавалером Весла.

Глаза у стражника округлились. Видимо, слухи уже достигли владений Галана.

– Прощения просим, – повторил он, – ваше со-сиятельство. Будет немедленно доложено. Эй, Хомяк, живо к господину барону!

Пузатый стражник поднялся и затрусил к замку, клацая бронзовым нагрудником летних доспехов. Остальные тоже встали навтыяжку.

– Не угодно ли... – молодой стражник замялся, – освежиться? Пиво?

Трикс подумал, что с такими манерами парень в стражниках не засидится, а быстро дорастет до лакея. И даже посмотрел на необожженный глиняный кувшин, соблазнительно стоящий в теньке под навесом. Но ответил достойно:

– Покуда скорбь о моих благородных родителях еще свежа, я не могу предаваться житейским радостям.

Судя по лицам стражников, слова произвели должное впечатление. Трикс переступил с ноги на ногу и задумался, чем бы закрепить эффект. Возможно, поведать о своем героическом бегстве из плена? Но бегство не слишком-то героический поступок, да и не бежал он вовсе. К тому же слишком много чести простым стражникам.

К счастью, замок Галана и впрямь был невелик. Пузатый стражник уже спешил обратно, смешно размахивая руками. Шагов за десять замедлил движение, чтобы отдышаться и торжественно объявил:

– Повелением его светлости высокородного барона Галана...

Хотя Иен и стоял за спиной Трикса, как подобает приличному оруженосцу, но Трикс явственно почувствовал: его новый приятель готовится сигануть обратно в лодку.

– ...со-сиятельству Триксу и его оруженосцу Иену предложено гостеприимство и отдых в стенах замка!

Выдохнув, стражник добавил:

– Велено вас со всей любезностью препроводить в большую гостевую комнату и умыться с почестями. Барон будет ждать вас к ужину.

Кроме слова «препроводить» Триксу все понравилось. В хрониках и летописях слишком часто препровождали в тюрьму или на плаху.

Со всей любезностью, конечно.

Иен бодро прошел от стены с окном до стены с дверью и воскликнул:

– Ха! Восемь шагов! Какая же у них малая гостевая, если это большая?

– Малая – меньше, – разъяснил Трикс. – Это большая, не сомневайся. Мы тут три года назад на вечернюю попойку останавливались, когда к старому князю Дилону ездили. Или четыре, – добавил он, помедлив.

– И все тут поместились? – удивился Иен.

– Почему все? На кровати спали отец с матерью, мне на лавке у окна постелили.

Иен с сомнением посмотрел на лавку.

– Я же тогда меньше был, дубина, – сказал Трикс. – А у дверей спал капитан стражи... А вся челядь – в малой гостевой. А прислуга во дворе и на конюшне...

В дверь постучали, но открыли не дожидаясь разрешения. Вошли два крепких лакея в выцветших ливреях цветов барона Галана: возвышенное желтое на благородном синем. Они с натугой тащили здоровенную деревянную лохань, полную горячей воды. Следом суровая немолодая особа несла два холщовых полотенца и ковшик с куском мягкого травяного мыла.

Трикс приободрился. Все-таки подобающие почести ему оказывали.

Как только слуги вышли, Трикс разделся и бесцеремонно залез в лохань.

– А я? – обиделся Иен.

– Ты сегодня уже купался. Забыл? И вообще, оруженосец всегда моется после своего господина.

Иен засопел, пробормотал, что раз уж он *сегодня* купался, то ему бы и вымыться первому. И уселся у окна, разглядывая двор замка.

Трикс намылился, с особым удовольствием взбил пену на голове. Подумал, что обливать господина водой – дело оруженосца, но приказывать Иену ничего не стал, а сам взялся за ковшик. Все-таки оруженосец Иен неопытный, низкого происхождения и потому от природы непочтителен.

Приведя себя в порядок, Трикс вытерся грубым, но чистым полотенцем, оделся. Сказал:

– Можешь помыться, мой верный оруженосец.

Иен нагнулся над лоханью, подозрительно посмотрел на покрытую грязной мыльной пеной воду. Сунул в воду палец, внимательно изучил и вытер о штаны. Со вздохом сказал:

– Я, наверное, мыться не буду. Я уже мылся сегодня. А два раза в день мыться – это плохая примета.

– Как хочешь. – Трикс не стал спорить. Это даже хорошо, что оруженосец будет чумазее своего господина. – Когда начнется торжественный ужин в мою честь – встанешь за спиной, понял? Когда я подниму правую руку, подашь туда салфетку. Когда протяну тебе тарелку, можешь с нее все доесть, прежде чем передать лакею. И не забывай подливать вино, понял? Бокал должен быть полон.

– Понял, – грустно сказал Иен.

– Ты не бойся, – успокоил его Трикс. – Я буду ровно половину съедать, а потом отдавать тебе. И перед тем как подливать вино, можешь допивать остатки из бокала. Я скажу, что это знак моей особой милости.

Иен повеселел.

* * *

Барон-рыбак совсем не изменился с тех пор, как Трикс с родителями гостил в его замке. Только пузо выросло еще больше, лицо стало багровее, нос покрыла красная сеточка жилок. Галан восседал на позолоченном деревянном троне, положенном по его положению. Маленькую баронскую корону, золотой ободок с одним-единственным красным камнем, он как раз снял и вытирал со лба пот.

Но взгляд барона остался цепким, умным, памятьливым. Он мимолетно глянул в сторону остановившихся перед троном ребят – и Трикс понял, что его узнали.

Узнали, но промолчали.

Баронские чада с домочадцами, сидящие за накрытым к ужину небогатым столом, тоже молчали. И жена – тощая, носатая, с зачесанными в гладкий узел черными волосами. И двое средних детей – сын лет десяти и девочка лет семи, старшие служили оруженосцами или пажами при домах соседних баронов, младших кормили няньки, к столу их не звали. И два младших брата барона – тоже толстые и пропитые, но по причине безземелья и безденежья к тому же еще и мрачные. И капитан баронской стражи – мужчина бравый, весь в шрамах, но в небогатых доспехах и с нервно дергающимся от старой раны правым веком.

Колдуна у барона-рыбака не было. Колдуны не любят селиться в бедных замках мелких баронов. А замок был беден – витражи в окнах потемнели и почти не пропускали свет, с трона кое-где отстали тонкие листочки сусального золота, ковры под ногами протерлись, в канделябрах горело по одной свече, и не восковой – сальной...

Тор Галан медлил. Облизнул губы. Покосился на жену. Поднял взгляд к закопченному потолку. Уставился на носки своих туфель.

Трикс ждал. Либо Галан решится признать беглого наследника, либо объявит самозванцем. Если не признает... ох, кончилось бы дело одними лишь плетями...

Барон-рыбак вдруг улыбнулся, просветлел – и сразу стало понятно, чем он заслужил прозвище Добрый Барон.

– Трикс! Трикс Солье, мой мальчик! Ты жив!

Трикс облегченно выдохнул и только сейчас понял, как у него вспотели ладони.

Барон, приподнявшись в кресле, пристально посмотрел на него:

– Кто твой спутник?

– Иен, верный оруженосец! – отчеканил Трикс.

– Достойный оруженосец! – одобрительно сказал барон. – Не бросить своего господина в беде – славный поступок, который украсил бы и зрелого мужа благородных кровей... Идите ко мне, дети!

Трикс с Иеном приблизились к барону. Галан развел руки, обнял ребят и поцеловал каждого в макушку. От барона пахло вином, чесноком и псарней.

– Будем праздновать спасение благородного Трикса! – провозгласил барон. – Свечей! Вина! Еще цыпленка и тарелку!

Трикс победно посмотрел на Иена и подмигнул.

– Мы подумаем, как тебе помочь, – сказал Галан и потрепал Иена по щеке. – Ах, как вырос, шалопай! Узнаю, узнаю благородную кровь Солье...

– Ваша светлость! – возмущенно воскликнул Трикс. – Барон...

Крепкие пальцы барона нежно легли на его шею.

– Не благодари меня, верный оруженосец, – сказал барон, улыбаясь. – Я сделаю все, чтобы помочь твоему господину.

Иен растерянно посмотрел на Трикса. Пожал плечами.

– Скажи что-нибудь, Трикс! – Барон похлопал Иена по плечу, не спуская пальцев с шеи настоящего Трикса. – Не стесняйся!

– Я благодарен вашей светлости за обещание помощи... – пробормотал Иен. Покосился на Трикса. – Но...

– Вина благородному Триксу! – крикнул барон и встряхнул Иена.

Иен пискнул и замолчал. Трикс и без того онемел. Барон не мог спутать... он же поймал его взгляд...

– Потом! – жарко дохнул в ухо барон. – После ужина поговорим!

Он оттолкнул ребят к концу стола. Как во сне Трикс встал за спиной Иена. Слуга всунул в руки Иена кубок с вином, поставил перед ним щербатую деревянную тарелку с поджаренным цыпленком. Иен оглянулся на Трикса, прошептал с паникой в голосе:

– Я не хотел! Я не виноват!

Но Трикс уже все понял. Осторожный Галан не доверяет даже своим людям и хочет укрыть его, Трикса, от удара наемного убийцы! Вот почему он велел Иену изображать своего господина, а Триксу – прислуживать за столом! Все как в истории с Гранисом, рыцарем Петли и Палки, которому выпала честь быть оруженосцем Декарана Мудрого и принять за него мученическую смерть от четверки коней: чалого, вороного, пегого и буланого, после чего изображавший оруженосца Декаран отвез останки Граниса в свой родовой замок, там поведал вассалам о своем чудесном спасении, собрал новое войско и непременно отомстил бы за храброго оруженосца, если бы не случившаяся эпидемия холеры...

– Бери! – прошептал Иен, протягивая ему полупустой бокал. – Цыпленка будешь?

Вырвавшись из раздумий, Трикс жадно глотнул слабенького винца. Искося огляделся. На них никто не обращал особого внимания, видимо, потому, что и сам Галан занимался другим делом – изучал пасть борзого щенка, принесенного с псарни. Барон улыбался, видимо, прикус ему нравился. А вот второго щенка Галан, удостоив лишь одним взглядом, велел отдать лесничим. Барона не зря хвалили за доброту – многие велели бы утопить породистого пса, но не подарили слугам.

– Отломи ножку, – велел Трикс. – И хлеба. Белого!

Возможно, кто-то и заметил, что чудесно спасшийся юный со-герцог кормит своего оруженосца слишком уж хорошими кусками. Но вслух ничего сказано не было, и Трикс смог утолить голод.

Один раз барон Галан произнес тост, но не за Трикса или его погибших родителей, а «за справедливость!». В утешение себе Трикс решил, что тост все-таки про его спасение, но после этого загрустил. Ужин тянулся долго, хотя после жареных цыплят ни одной перемены блюд не последовало – детей увели няньки, а взрослые пили вино. Трикс с Иеном будто застряли посерединке между детьми и взрослыми: их никто от стола не гнал, но и вино наливать перестали. Лишь когда Иен не удержался и громко зевнул, барон обратил на них внимание.

– Наши молодые гости устали, – торжественно объявил он. – Лигар, сопроводи их в большую гостевую комнату!

Капитан баронской стражи кивнул своему господину (видимо, на вечерней пьянке церемонии были не в ходу) и обернулся к мальчикам. Иен с облегчением вскочил со стула, а Трикс наконец-то смог размять ноги. Стоять на одном месте куда утомительнее, чем идти.

– Благодарю, ваша светлость! – От еды и вина Иен расхрабрился и теперь играл роль юного со-герцога куда увереннее. – Перед сном я буду молить Господа вознаградить вас за гостеприимство!

Трикс помрачнел, но смолчал.

А вот Лигар, идущий за мальчишками к двери, пробормотал себе под нос:

– Бойко сказано... для безродного сироты.

Трикс украдкой поглядел на Лигара. Они уже вышли из пиршественной залы и шли по темному коридору. Лунный свет, неохотно льющийся в узкие окна-бойницы, позволял не наткаться на стены. По-хорошему стоило бы захватить с собой свечу, но слуги барона, похоже, привыкли обходиться без подобной роскоши.

Под ногами влажно хрустел тростник, которым посыпали пол. На взгляд Трикса, тростник давно требовалось сменить – ну какие с этим могут быть проблемы в замке, стоящем на берегу реки? Но барон то ли неумеренно экономил даже на осоке, то ли его совершенно не волновало, что там чавкает под сапогами: свежий зеленый тростник или мешанина из грязи и гнили.

– Вы меня узнали, сэр капитан стражи? – спросил Трикс.

– Я был помощником капитана в те дни, когда со-герцог Солье с семьей проезжал через замок, – велеречиво, но уклончиво ответил Лигар.

– Барон... барон назвал меня оруженосцем для моей безопасности?

Лигар наморщил изрезанное шрамами лицо:

– Быть может. Барон умен. Куда умнее, чем думают соседи...

Он замолчал, явно не желая вдаваться в подробности.

Уже у дверей гостевой комнаты Лигар добавил:

– И куда беднее. Пять лет нас преследуют сплошные неудачи. Шайки разбойников спускаются с гор и грабят караваны, которым барон обещал защиту. Два мага, выясняя свои отношения, заваливают серебряный рудник и выжигают драгоценную сандаловую рощу. Засуха, потом наводнение, потом королевские сборщики налогов... Но барон умен.

Он легонько подтолкнул мальчишек к двери. Дождь, пока они войдут, пока глухо стукнет задвинутый засов, и лишь после этого ушел.

* * *

Первым делом Трикс нашарил на столе подсвечник и резной коробок спичек – экономия барона не простиралась так далеко, чтобы оставить гостей в полной темноте. С третьей попытки – новомодные спички ломались, шипели, истлевали вонючим серным дымом, но не хотели гореть – зажег свечи. Мрачно посмотрел на Иена и спросил:

– Могу ли я сидеть в присутствии вашего сиятельства?

Иен занервничал и воскликнул:

– А я#то что? Разве я напрашивался? Это все барон!

Спорить с этим было трудно.

– Наследник со-герцога – я, – еще раз напомнил Трикс. – Барон тебя знаешь зачем Триксом назвал? Чтобы наемные убийцы, если они затаились среди челяди, убили тебя, а мной пренебрегли.

– Не хочу, чтобы меня убили! – завопил Иен. – Пусть пренебрегают!

– Дурак, это же великая честь – погибнуть за своего господина!

– Я совершенно не честолюбив! – Иен на всякий случай отошел подальше от двери.

– Что поделать. – Трикс пожал плечами. Посмотрел на кровать, сказал: – Наверное, разумно будет мне спать на лавке. А ты ляжешь на кровати. Вдруг в стене есть потайное отверстие, через которое в постель могут запустить гадюку. Или в потолке дырка, через которую льют расплавленную смолу на голову гостя... Ты чего такой бледный?

В дверь стукнули, и Иен из бледного мгновенно стал красным. Зашептал:

– Не открывай! Трикс, пожалуйста!

Трикс на цыпочках подошел к двери. Прислушался. Осторожно спросил:

– Кто там?

– Тор Галан, – ответил ему строгий голос. – Открывай, Трикс.

Трикс посмотрел на оруженосца, развел руками и отодвинул засов.

Это действительно был барон. С пятисвечным канделябром в одной руке и бутылку в другой, красномордый от выпитого за ужином, но на удивление бодрый. Войдя, он немедленно закрыл за собой дверь, вручил канделябр и бутылку Иену, после чего крепко обнял Трикса. Тот только пискнул в могучих лапищах барона. Через секунду барон отстранил мальчика от себя, всмотрелся в лицо. Удовлетворенно кивнул:

– Узнаю, узнаю породу... Я рад, что ты спасся, мальчик.

Трикс облегченно вздохнул. Бросил на Иена гордый взгляд и сказал:

– Родители погибли... Подлый со-герцог Гриз...

– Знаю, знаю... – Барон со вздохом присел за стол. Покосился на Иена, буркнул: – Чего встал, оруженосец? Налей вина господам!

Иен заметался в поисках чаш, а барон тем временем продолжил:

– Твой отец всегда был излишне романтичен, Трикс. Романтика – прекрасное качество, но только не в ущерб бдительности... А вот мать твоя меня удивила. Выпить яда, пронзить себя кинжалом и выброститься из окна! Что значит благородная кровь!

– Еще и кинжалом? – поразился Трикс. Иен, нашедший наконец-то две оловянные чаши, торопливо наливал в них вино.

– Ну, кинжалом она так, оцарапалась. – Галан поморщился. – Но все формальности Высокой Смерти соблюдены – три благородных способа использованы в должной последовательности. Уважаю. Я бы из окна не решился прыгнуть, высоты боюсь... Ну, Трикс, твое здоровье!

Они выпили вина, и даже Трикс, с его невеликим опытом, сразу почувствовал: содержимое этой бутылки гораздо лучше того, что наливали за общим столом.

– И что ты намерен делать, юноша? – Барон вытер усы, с любопытством поглядел на Трикса.

– Я собирался просить помощи у регента Хасса, – сказал Трикс. – В неизмеримой благодарности я бы подарил Дилонам пограничные земли, бывшие предметом давнего спора...

Галан покивал. Вскользь заметил:

– Это, видать, те, что сегодня днем подлый герцог Гриз вернул Дилонам? Сообщив при этом, что только упрямство покойного сопровителя мешало ему уладить пограничный спор ранее.

Трикс насупился. Потом упрямо мотнул головой:

– Я найду, что предложить Дилонам! Они благородные люди и воспротивятся произволу.

– Регент Хасс не слишком-то благороден. Жаден, умен, но не благороден. – Галан отпил еще вина. – А княгиня Тиана пока ничего не решает... Впрочем, если планы регента выдать ее замуж на сторону сбудутся, она никогда ничего не станет решать...

Барон достал из кармана камзола большое зеленое яблоко. Обтер об рукав, демонстративно разломил на две части, одну половину вручил Триксу, сам захрустел второй.

– Что же мне делать? – спросил Трикс.

– А ничего, – ответил барон. – Никто из баронов не рискнет тебя поддержать. Хасс уже свое получил. До Маркеля ты не доберешься. Да и не станет король лезть в мелкие свары через голову Хасса.

– Но вы же меня признали! – горько сказал Трикс. – Барон, все знают, что вы – умный человек, и уважают ваши суждения.

– Да уж, я не дурак, – согласился барон. – Яблочко кушай, Трикс. А то развезет с непривычки, вино у меня крепкое... Я признал не тебя, а твоего спутника. Ты из приюта, мальчик?

– Ага. – Иен тихонько подобрался к столу. – Я оруженосец, я не хотел себя выдавать за Трикса...

– А придется. – Барон выплюнул огрызок и пояснил: – Поддерживать тебя, Трикс, мне слишком дорого выйдет. Если Гриз поймет, что я приютил у себя настоящего наследника, может и насторожиться. Против его армии мне не выстоять, а ведь есть еще и наемные убийцы, наводящие порчу колдуны... говорят, что и с нечистью Гриз якшается. Поэтому мне разумнее всего приютить твоего друга и сделать вид, что я признал в нем настоящего Трикса.

– Зачем? – растерялся Трикс.

– Посуди сам. – Барон словно бы возмутился его непонятливостью. – Фальшивый Трикс не угрожает Гризу всерьез. Но если я постараюсь – станет ему занозой в зад. Так что он пойдет на какие-нибудь маленькие уступки. Есть тут спорные заливные луга... – Барон махнул рукой. – Не важно. Что-нибудь я из этого получу. Полгода, год твой оруженосец будет у нас жить и как сыр в масле кататься.

– А потом? – испуганно спросил Иен.

– Не бойся. – Барон улыбнулся. – Когда Гриз пойдет на уступки, то я публично признаю, что ты безродный бродяжка. Для вида тебя выдерут розгами, но я попрошу палача не слишком стараться. А как отлежишься – определю подмастерьем к хорошему человеку. Или на псарню пристрою. Ты собак любишь?

– Люблю, – просиял Иен.

– Вот и молодец, – добродушно кивнул барон. – Так, значит, и поступим.

– А я? – завопил Трикс.

– Действительно, как же ты. – Барон усмехнулся. – Трикс, поверь, будь у меня возможность тебе помочь – помог бы. Но не могу. Поэтому...

Трикс в страхе ждал. Иен виновато пожал плечами, стоя за спиной Галана.

– Поэтому тебе дадут еды, ты снова сядешь в свою лодку и поплывешь куда глаза глядят. А глядеть они у тебя будут в сторону Дилона. Это большой, богатый город, где умный сирота всегда сумеет заработать на кусок хлеба. К тому же я снабжу тебя рекомендательным письмом. Дескать, ты – внебрачный отпрыск одного из моих родственников. Можно даже так понять, что ты мой племянник... Обучен грамоте и прочим полезным вещам... письмо уже пишут. С такой бумагой устроишься к любому купцу, поверь мне. Дальше уже все зависит от тебя. Заработаешь денег, станешь младшим компаньоном, поплаваешь по морям, выстроишь дом, женишься на дочке своего хозяина... предусмотрительно будет сразу подыскать вдового купца, у которого нет сыновей, а только симпатичные дочурки. Выбирать советую самую молодую, купцы традиционно любят и балуют младшенькую... Лет через двадцать-тридцать разбогатеешь так, что ко мне, старику, входить станешь без стука!

Уверенный голос барона оказал на Трикса какое-то завораживающее действие, будто барон знал толк в волшебстве. Открыв рот, Трикс смотрел на барона, и в голове его проносились какие-то смутные картины: ученичество в пропахшей пряностями лавке, ослепительное синее небо диких жарких стран, удачные сделки, двухэтажный каменный дом с садом и бассейном, симпатичная молодая жена и собственная карета...

– Я же отомстить хочу! – завопил Трикс. – Вернуть отцовский трон! Я не купец, я потомок воинов!

– Купец, воин, какая нынче разница? – удивился Галан. – Мешком золота можно убить куда больше людей, чем копьем и мечом. Вон, Гриз ведь из торгового рода, а твоего папашу перехитрил!

– Я поклялся отомстить, – пробормотал Трикс.

– А я в молодости клялся жениться на Люниде Солье, – ухмыльнулся барон. – Ну и что? Сейчас тебя отведут на пристань и посадят в лодку. Вручат рекомендательное письмо. И – в добрый путь!

Трикс молчал.

– Ты считаешь, что я поступаю несправедливо? – ласково спросил барон. – Наивный мальчик! Я умен, добр и деликатен. Другие на моем месте утопили бы тебя в реке. А самые глупые, пожалуй, выдали бы обратно Гризу.

– Почему самые глупые? – спросил Трикс.

– Не думаю я, что ты убежал. Скорее, Гриз отпустил тебя ради каких-то своих целей. – Барон прищурился. – Ну, ну... Не надо слез. Ты уже почти взрослый, и тебе не пристало проявлять свои эмоции. У меня, быть может, тоже на сердце не сладко! Но я не реву, не ругаюсь, а спокойно с тобой разговариваю!

В дверь постучали. Иен, повинувшись жесту барона, открыл.

На пороге стояла жена барона, держа запечатанный сургучом свиток.

– Написала, – холодно сказала она, не глядя на детей. – Для какого надо было писать-то?

– Для Трикса, – весело сказал барон. – Ну, для настоящего. Который оруженосец.

– Не важно, я внешность описывать не стала, – равнодушно сказала женщина. Протянула барону свиток. Поглядела на бутылку, буркнула: – Не напивайся как свинья, выгоню спать к прислуге.

– А это мысль, – когда дверь за баронессой закрылась, сказал барон. – Прислуга... кхм. Идем, Трикс. Я сам посажу тебя в лодку.

– Вы мне даже переночевать не дадите? – возмутился Трикс. – А как же гостеприимство?

Барон вздохнул и покачал головой. Легонько хлопнул Трикса по затылку. Сказал Иену:

– Неблагодарный мальчик, верно? Трикс, не испытывай мое терпение. Идем!

– Можно мне проводить Трикса... то есть Иена? – внезапно спросил Иен.

Барон с любопытством посмотрел на мальчика. Взял со стола канделябр и сказал:

– А вот ты – неглуп. И по-своему честен. Идем, конечно же.

Потрясенный и растерянный, Трикс плелся за бароном и бывшим оруженосцем по пустым темным коридорам. На душе было гадко. А вот барон, похоже, пребывал в хорошем настроении. Мурлыкал себе под нос какую-то песенку, в которой ему приходилось то и дело пропускать слова, заменяя их на «пам», «пам-пам» и «пам-пам-пам»:

Реталер, доблестный барон, решил собрать оброк
Своим вассалам, пам-пам-пам, поставил крайний срок.
И вот, почесывая пам, отправился он в путь,
Мечтая пам или копье куда-нибудь воткнуть...

Трикс мрачно подумал, что барон и впрямь деликатен – его отец, когда напивался с друзьями, распевал песенку о бароне Реталере как есть, со всеми словами.

На пристани дежурили новые стражники, которые при появлении барона мгновенно удалились в замок. Видимо, все было условлено загодя. Барон с мальчишками подошел к лодке, по-прежнему привязанной у причала. Ткнул пальцем в мешок, лежащий на дне лодки, коротко сказал:

– Еда.

– Спасибо, ваша светлость... – сказал Трикс сквозь зубы.

– Не злись. Вырастешь – оценишь мою доброту. – Барона, казалось, ничего не могло вывести из себя. – Держи свиток. И отправляйся в Дилон.

Трикс взял свиток и спрятал за пазуху. Смерил Иена негодующим взглядом, но говорить ничего не стал, спустился в лодку. Ночь была лунная, светлая, на небе ни облачка – хоть до утра плыви.

– Я отвяжу, – сказал Иен. – Это же моя обязанность как оруженосца.

От возмущения Трикс даже не нашелся что сказать своему коварному спутнику. А вот барон захохотал, хлопая себя по толстым ляжкам. Иен невозмутимо отвязал веревку, забросил в лодку, поднатужился – и оттолкнул лодку от причала.

– Ты... – Трикс только собрался выкрикнуть ему напоследок какую-нибудь особенную гадость, но Иен вдруг разбежался по скрипучим доскам и прыгнул в лодку, едва ее не опрокинув. Трикс схватился за борта и завопил: – Ты идиот! Утопишь!

– Гребь, гребь! – хватаясь за весла, зашептал Иен. – Руками гребь!

Сообразив, что происходит, Трикс принялся грести. Теперь настал черед барона вопить с берега:

– Иен! Трикс! Чертов придурок! А ну плыви назад!

– Не могу, ваша светлость! – гребя изо всех сил и не оборачиваясь, выкрикнул Иен. – Я же дал клятву! Я оруженосец!

Барон несколько секунд хватал ртом воздух. Лицо его опасно побагровело. Потом он проревел:

– Куда катится мир? Дети – вы позор своих родителей!

– Ваша светлость, вы себе другого Трикса найдете! – крикнул Иен. – Нас много разбежалось, вот увидите, скоро еще придут!

И он приналег на весла, больше не слушая проклятия, доносящиеся с берега. К счастью, у Галана и впрямь было плохо с магией – проклятия все были старые, скучные, неработающие.

– Не станет гнаться, – уверенно сказал Иен, когда лодка вышла на стремнину. – Ночью опасно. Да и лодки у них все на берегу.

Трикс растерянно смотрел на оруженосца. Потом спросил:

– Ты чего в лодку-то прыгнул?

– Хорошо, если через год барон и впрямь пристроит в подмастерья, – рассудительно сказал Иен. – А если решит утопить в омуте? Я таких весельчаков хорошо знаю. Он когда хочет, то добрый, а когда не хочет, то очень даже злой. И вообще... Я же твой оруженосец.

– Иен... – Вся обида сразу вылетела у Трикса из головы. – Ты... ты мне теперь не просто оруженосец! Ты мне друг... нет! Ты мне будешь кровный брат! Как юный оруженосец Уолли славному рыцарю Ламу!

– Это как? – Иен посмотрел на Трикса с любопытством.

– А ты песню не слышал? «Балладу про юного Уолли и славного Лама»?

– Нет, – смутился Иен.

– Хорошая баллада, душевная. Я хотел про Уолли и Лама в хрониках почитать, но мне почему-то отец запретил, сказал – рано.

– Давай станем кровными братьями, – согласился Иен. – Только ножа нет. Надо было у барона со стола нож спереть.

– Завтра побратаемся, – решил Трикс. – Все равно – спасибо! Будет знать... старый интриган... А ты уверен, что в тебе нет благородной крови?

Иен засмутился и замотал головой:

– Нет... я же говорю – у меня отец был садовник. Мать ему помогала.

– Ну... всякое бывает, – задумчиво сказал Трикс. – Бывает так, человек живет-живет, а потом оказывается, что он незаконнорожденный сын герцога.

– Я на папу похож, – ответил Иен. – Вряд ли... Давай посмотрим, что нам с собой дали?

– Я посмотрю, а ты гребь, – решил Трикс.

Все-таки пока Иен оставался его оруженосцем, а никаким не кровным братом, так что ему стоило поработать.

В мешке и впрямь была еда, пускай не слишком роскошная: две жареные курицы, два карава хлеба, вареные овощи, бутылка с вином.

– Это просто пир какой-то! – сказал Иен. – И самое главное – у нас письмо есть. Покажешь?

Трикс достал пергамент, ребята развернули свиток и, вглядываясь в едва заметные буквы, стали читать.

Барон не обманул. Из витиеватого текста и впрямь следовало, что податель сего – четырнадцатилетний отпрыск знатного рода (ничего прямо не говорилось, но почему-то складывалось ощущение, что речь идет о племяннике барона), что мальчик обучен грамоте и прочим полезным ремеслам... Печать была подлинная и едва-едва заметно светилась. Магическими печатями снабжал всех своих вассалов король, точнее – его чародеи. Подделывать печать было мало того что трудно, но еще и смертельно опасно.

– Роскошно, – повторил Иен. – Можно наниматься к любому купцу. Даже золотых дел мастер возьмет в ученики.

– Нет, к купцу наниматься не буду. – Трикс смотал свиток и спрятал в мешок. – Попробую убедить регента Хасса.

– Трикс, барон ведь правду сказал. – Иен поежился. – Не надо к регенту! Только хуже будет. Давай наймемся к купцам? Ты наймешься, а потом и меня порекомендуешь. Выучимся, денег заработаем...

– Ты не знаешь, что такое долг чести. – Трикс покачал головой. – Нет, Иен. К утру мы будем в Дилоне и сразу отправимся во дворец.

Иен помрачнел, но спорить не стал. Буркнул:

– Тебе решать... Знаешь что? Давай сейчас ты посидишь, последишь за лодкой, чтобы к берегу не прибило. У меня глаза совсем слипаются. А как полночи пройдет – разбуди меня. Ты поспишь, чтобы свежим к регенту идти, а я буду до самого Дилона за лодкой приглядывать.

Трикс ненадолго задумался. Ему хотелось спать... но Иен поступил так благородно и мужественно, отказавшись от предложения барона... к тому же он прав, лучше поспать утром, чтобы перед лицом регента выглядеть более достойно.

– Спи, – согласился Трикс.

Иен улегся на дно лодки, подложив под голову мешок с продуктами, и мгновенно уснул. Трикс некоторое время сидел, редкими взмахами весел подправляя путь лодки. Периодически он оглядывался назад, но погони не было. То ли барон простил своеволие, то ли не захотел будить стражников и рассказывать им про свой промах.

Хорошо, когда рядом друг! Пусть даже из простого сословия. Сколь часто подлинное благородство... э... как там говорилось в хрониках Ордена Ежедневной Радости? Сколь часто подлинное благородство таится в невзрачном вместилище, словно древнее вино – в запыленной бутылки...

У рыцарей Ордена Ежедневной Радости почти все сравнения так или иначе сводились к вину. Ну, иногда еще к пиву. В сражениях Орден был не слишком прославлен, зато оставил после себя множество нравоучительных баллад и хроник.

Иен зябко поежился во сне. Трикс вздохнул, снял плащ и укрыл своего оруженосца. Некоторое время благородный поступок грел его лучше любого плаща, потом Трикс изрядно заоченел. Человек более заурядного воспитания начал бы грести, чтобы согреться. Но Трикс, как и положено наследнику со-герцога, к черной работе питал глубочайшее, врожденное отвращение. Поэтому он предпочел мерзнуть, пока горизонт не начал светать. Тогда Трикс снял с Иена плащ и разбудил оруженосца.

– Уже пора? – со вздохом спросил Иен, потягиваясь. – Ты чего дрожишь, замерз, что ли?

Трикс гордо промолчал, улегся на дно лодки и обнаружил, что это не слишком-то удобное место для сна. Первую ночь он спал как убитый, сраженный своим горем, но вот

сегодня... сегодня ему точно не уснуть... невозможно уснуть на сырых холодных досках, которые больно врезаются под ребра...

Когда он проснулся, было совсем светло. Его разбудил плывущий в воздухе звон колоколов.

Трикс с трудом распрямился, сел на лавку и огляделся. Лодка была наполовину вытянута на берег и укрыта в высоких камышах, вдали виднелись каменные башни.

Дилон! Великий город, где живет, по слухам, сто тысяч человек!

А где же Иен?

– Иен! – Трикс встал, разминая затекшие ноги. – Иен!

Тишина.

Куда девался оруженосец?

Трикс спрыгнул на берег и обнаружил перед собой небольшую глинистую площадку, на которой были старательно выцарапаны буквы. Чтобы надпись случайно не затоптали, она была огорожена несколькими сломанными и воткнутыми в глину стеблями камыша.

С нарастающим удивлением Трикс начал читать:

**ИЗВЕНИ! ПЕРЕТЬ К ХАСУ ГЛУПО. ТЫ КАК ХОШЬ
А Я КУПЦАМ НАЙМУС! ПОКА!**

– Ну и как ты наймешься? – спросил вслух Трикс. Надпись ответить не могла, и Трикс растер ее ногами.

Потом оглянулся и посмотрел на мешок. Тот явно отощал.

– Мы же хотели побрататься, – сказал зачем-то Трикс, развязывая мешок.

Исчезла одна курица и один каравай.

Ну и свиток с печатью барона, конечно же.

Трикс порылся в карманах. Нет, денег у него Иен забирать не стал.

Вроде как даже и сердиться было не на что. Трикс же сам заявил, что рекомендательное письмо ему не нужно!

– Вот дурак, одно слово – неблагородный, – печально сказал Трикс. Ему подумалось, что хитрый и неблагородный Иен ухитрился за один день стать ему... ну, почти другом. Вначале стать, а потом перестать... – Когда верну себе трон, то прикажу тебя поймать и выпороть! – пригрозил Трикс шумящим на ветру камышам. С трудом оттолкнул завязшую в глине лодку, выгреб от берега. С надеждой посмотрел на заросший осокой, камышом и пушицей берег.

Нет, Иен не показался на берегу, полный раскаяния и умоляющий простить его бегство...

С тяжелым сердцем Трикс вывел лодку на стремнину. Великий город Дилон ждал его милей ниже по течению.

3

В Дилоне Трикс бывал дважды, но оба раза в детстве – лет десять назад (с тех времен запомнился только вкус разноцветной сахарной ваты и смуглый огнеглотатель, потешающий народ на какой-то площади) и четыре года назад (как ни странно, но опять запомнилось изобилие сладостей и капризная Тиана, которая от каждого заезжего мальчишки знатного рода требовала ее развлекать).

Но теперь-то Трикс был взрослым и серьезным человеком, со-герцогом в изгнании, который многое слышал и читал о главном городе княжества! Позволив течению медленно нести лодку вдоль набережных, обложенных каменными плитами шоколадного цвета, Трикс, с достойным его положения интересом, изучал раскинувшийся по обоим берегам город.

Устье реки, плавно расширяясь, тянулось среди бурых холмов, застывшей патокой спускавшихся к воде.

Правый берег был удивительно наряден. Купола храмов белыми сахарными головами поднимались среди яркой леденцовой россыпи крыш. Кое-где вонзались в небо башни магов, украшенные причудливыми барельефами, будто пирожное – кремовыми завитушками. Но больше всего взгляд приковывал княжеский замок на вершине холма – могучие стены и пузатые оборонительные башни цвета жженого сахара; грозный могучий донжон из зеленовато-серого, будто фисташковая халва, камня...

Левый берег населяла беднота, и взгляду там было почти не за что зацепиться – сплошная мешанина мелких коричневых домишек, будто великан раскрошил в ладонях козинаки и высыпал на склон...

Но удивительнее всего были мосты, под которыми проплывала лодка, – на вид невесомые, полупрозрачные, будто мармелад, они были созданы великими магами сотни лет назад из упругого разноцветного стекла. Когда восходящее солнце просвечивало сквозь мосты, на мутные воды реки ложились огромные цветные блики – красные, синие, зеленые, лимонные...

Трикс почувствовал, что у него почему-то урчит желудок, хотя, отчалив от камышей, он успел слопать почти полкурицы. Хотелось чего-то сладкого. Интересно, с чем это могло быть связано? Неужели с тем, что великий князь Дилон, основатель города и могущественный маг, был, по преданиям, невероятный сладкоежка? Говорят, что, умирая, он вселил свою душу в построенный им город...

Уже проплывая под последним, двенадцатым мостом, Трикс сообразил, что так можно и миновать столицу – еще немного, и вольно разлившаяся река вынесет его в эстуарий... хорошо, если там подберут рыбаки, а то и не выгребешь против течения.

Он схватился за весла и через четверть часа непривычной работы, наградившей его первыми в жизни мозолями (благородные потертости от рукояти меча и вульгарные потертости от тесных ботинок вряд ли стоит брать в расчет), нос лодки глухо стукнул об увешанный тростниковыми матами дебаркадер. Старая баржа, поставленная на прикол на самой окраине Дилона, уже многие годы была облюбована рыбаками. В ветхих надстройках, где когда-то хранили товары, нынче перекупщики скупали и сортировали рыбу.

– Чего привез? – звонко выкрикнул пацаненок лет семи-восьми, подбежав к лодке Трикса и приплясывая на месте от избытка энергии. Босые пятки отбивали сумасшедший столичный ритм. – Ага? Чего привез, чего привез?

– Себя, – буркнул Трикс, выбираясь на дебаркадер и захлестывая веревку о деревянный кнехт, выглядевший понадежнее прочих. Утратив к нему всякий интерес, мальчишка кинулся обратно к перекупщикам. – Эй! – Трикса внезапно осенило. – Стой, пацан!

– Ага? – Мальчишка немедленно вернулся. Был он темноволосый, загорелый дочерна, с облупившимися плечами, полуголый, в одних лишь штанах до колен: рваных, но зато выкрашенных в ярко-оранжевый цвет. Дилон славился дешевизной красок. – Чего?

– Лодку хочу продать, – буркнул Трикс.

– Ага. – Пацан бросил на лодку быстрый взгляд и кинулся вдоль дебаркадера, звонко выкрикивая: – Продается ялик, целый, сработан в со-герцогстве года два назад, сосна горная, просмолен хорошо, весла имеются, один золотой – две серебряных!

Трикс только почесал в затылке, с удивлением поглядывая на свой ялик. Потом вытащил мешок и стал ждать. Сильно воняло рыбой. Мимо протащили щелястый деревянный ящик на жердях, в котором мокрой грудой лежало что-то шевелящееся, с широкими шипастыми щупальцами и шероховатой щетинистой шкурой. Из складок мокрого и шевелящегося на мальчика посмотрел свирепый сиреневый глаз.

Не прошло и пяти минут, как к Триксу подошел бородатый невысокий рыбак в грубой холщовой робе и светлой широкополой шляпе. Посмотрел на ялик. Присел, потрогал дерево. Спрыгнул и переступил по дну лодки, что-то для себя проверяя. Спросил:

– Далеко украл?

Трикс подумал секунду и решил не спорить:

– Хозяева не явятся.

Рыбак сплюнул за борт и сказал:

– Золотой.

Но Трикс, преисполненный внезапным доверием к оценке, данной мальчуганом, помогал головой:

– Золотой и две серебряные! Хорошая цена.

Рыбак выбрался на дебаркадер. С сомнением посмотрел на Трикса. Потом опустил руку в карман робы и достал пригоршню монет.

– Ладно, договорились... Серебром возьмешь?

– Возьму, – согласился Трикс.

– Ты уж извини, меди нет, – пробормотал рыбак, отсчитывая ему двенадцать полновесных монет. – Мальцу, понятно, серебром где попало сверкать не стоит...

Не успевший удивиться тому, что простой рыбак в столице может запросто достать из кармана двенадцать серебряных монет, Трикс даже не сразу осознал, что его назвали мальцом. Забросил на плечи мешок с остатками провианта, не проверяя, сгрел деньги и побрел к сходням.

– Ага! – Пацан в оранжевых штанах подбежал к нему и требовательно схватил за руку. – А мне?

Трикс не стал спорить и молча вручил ему серебряную монету.

– Ага... – с восторгом глядя на деньги, выдохнул пацан. – Спасибо...

– Ты где попало серебром не сверкай, «Ага», – сказал Трикс. – Живо голову свинтят.

– Ага, – кивнул мальчишка и мгновенно спрятал руку в карман. – Я не буду сверкать.

А ты в город? Ага?

– Ага-ага, – поднимаясь на берег, сказал Трикс. Тут набережная была не столь помпезна, как в центре, но тоже вымощена – жаль лишь, что плиты раскололись и частью утонули в грязи.

– Я с тобой рядом могу чуточку пройти? – неожиданно спросил мальчишка, идя по сходням следом.

Трикс огляделся. И заметил – ибо наблюдательность входит в достоинства рыцаря, и ей учатся с детства, – что на его юного спутника косятся несколько мальчишек постарше, снующих по дебаркадеру и явно служащих на подхвате у перекупщиков. На берегу тоже толкалась компания подростков, помладше Трикса, но явно способных вытрясти у малыша серебряную монету.

– Можешь, – разрешил Трикс.

Некоторое время они шли молча. Справа тянулся плохо ухоженный берег, слева – унылые нежилые строения, откуда несло рыбными очистками.

– Следом идут, – уныло сказал мальчик, ускоряя шаги и стараясь идти впереди Трикса. – Ага...

Трикс обернулся – и впрямь, отиравшаяся на берегу компания двинулась за ними. Трикс насчитал шестерых.

– Иди спокойно, – решил Трикс. – Сейчас кто-нибудь появится, струсят.

– Ага. Уже появились, – грустно сказал мальчишка. – Сейчас грабить будут.

Впереди действительно появились двое подростков, ровесников Трикса. Судя по всему, предводители идущей сзади компании.

Трикс искал взглядом хоть кого-нибудь, кто мог бы прийти на помощь. Но рыбаки и перекупщики остались далеко позади.

Зато под ногами обнаружилась длинная крепкая жердь. Почти с такой же Трикс занимался под руководством капитана стражи, прежде чем ему впервые дали учебный меч. Трикс подобрал жердь, отер грязь о штаны, чтобы руки не скользили, и взял ее боевым хватом, который в учебниках носил красивое название «молодецкая забава»: двумя руками, сжимая кулаки один над другим на вертикально поставленной палке.

Один из подростков, ширококостный и крепкий, сразу видно – высоким не вырастет, но плечи будут о#го-го! – сплюнул себе под ноги, сделал шаг навстречу и спросил:

– Что, мастер на палках драться?

– Да, – ответил Трикс как можно увереннее. На самом деле никаким мастером он не был, да и с шестом дрался последний раз года три назад. Эх, если бы ему дали меч! А еще лучше – меч и кольчугу!

– Грак, тащи мою палку, – велел подросток, приглаживая курчавые волосы. Его спутник живо метнулся к сараям. Трикс обернулся – идущие следом мальчишки остановились, выжидая. Похоже, ему предстояло драться один на один с главарем. Что ж, рыцарское благородство проникает даже в самые низкие души...

– Ага. Он на палках лучше всех в Рыбачьем дерется, – шепнул Триксу его маленький спутник. – А ты умеешь, да?

Трикс мрачно смотрел, как Грак тащит своему дружку палку. Шикарная палка – длиной метра полтора, как и та, что Трикс подобрал в грязи, но явно из хорошего, прочного дерева, отполированная руками, с вмятинами по краям – на палке дрались часто и в охотку, но она так и не сломалась. А у Трикса была обычная буковая жердь...

– Я умею, – сказал Трикс, чтобы подбодрить то ли мальчишку, то ли себя. – Знаешь, как я умею?

На него вдруг накатило вдохновение. Учитель относился к палке с должным для рыцаря презрением, но если уж ничего другого нет...

– Боевой шест – оружие простое и безыскусное, будто слово воина, – сказал Трикс. – Удары шеста – прямые и честные, нет в них подлости арбалетных болтов и коварства стального клинка. Дерево растет из земли и тянется к небу – так и шест выбивает у врага почву под ногами и отправляет к небесам! Не дерево крепко – несгибаема воля! Шест – продолжение рук воина, удар – продолжение взгляда воина, победа – продолжение пути воина. Движения боя знакомы мне как птице – взмахи крыльев, а рыбе – изгибы плавников!

– Ух ты! – выпалил мальчуган. – Ух ты! Ага! Всыпь ему! Он вечно у всех монеты отбирает! Ага!

Трикс с грустью подумал, что его пламенная речь, достойная занесения в хроники и учебники, пропала даром – надо было громче, громче говорить, может, и противник бы испугался! А так только сопливый мальчишка в восторг пришел...

Но делать было нечего – кудлатый предводитель шпаны с городских окраин уже взял шест и шел ему навстречу. Свою палку он держал иначе – параллельно земле, разведя руки довольно широко. Этот хват Трикс тоже помнил, назывался он «душа нараспашку», и применяли его только опытные бойцы...

В следующий миг кудлатый крутанул руки, будто выкручивая корабельный штурвал, его шест описал круг – и стремительно клюнул Трикса одним концом.

Руки у Трикса будто заработали сами по себе. Его шест взмыл навстречу вражескому, отбил отполированное ударами наверх, целящее в лицо Триксу, и заходил короткими злыми выпадами, слева и справа, сверху и снизу...

В глазах у кудлатого появился испуг. Он начал отступать, отбивая удары Трикса и больше не пытаясь атаковать. Но в Трикса вселился экстаз поединка. Шест в его руках пор-

хал, и даже отбитые удары заставляли врага вскрикивать от боли в руках. А через несколько мгновений он уже не успевал и защищаться – один удар пришелся ему по колену, второй – под дых, третий шел в горло – и не останови перепуганный Трикс в последнее мгновение руку, он бы легко сломал противнику шею или размолотил на кусочки челюсть.

– Сдаюсь! – завопил кудлатый, падая задницей в грязь и отбрасывая шест. – Сдаюсь, сдаюсь, нельзя сдавшегося бить!

Трикс остановился. Настоящий рыцарь обязан проявлять благородство даже к врагам низкого происхождения.

– Чтоб никогда больше не смел заступать мне дорогу! – грозно сказал Трикс. – Ясно? И если обидите этого... – он покосился на малыша, радостно подхватившего шест поверженного противника, – ... этого невинного ребенка, то я вернусь и переломая тебе руки и ноги.

– Какой он невинный ребенок! – возмутился кудлатый, одной рукой растирая колено, а другой держась за живот. – Он здесь не живет, а на пристань бегаёт! А рыбаки его бить не дают, говорят – маленький! Раз маленький – пусть идет к храмам, милостыню просит!

Трикс поднял шест.

– Хорошо, не будем трогать! – выкрикнул предводитель, быстро отползая и пытаясь встать. – Так бы и сказал, что смертельный бой знаешь!

Трикс с гордостью посмотрел на свою палку, забросил ее на плечо. Сказал наставительно:

– Меня учили драться лучшие мастера в северных горных монастырях. Ясно?

– Я так и подумал. – Кудлатый поднялся, мрачно посмотрел на своих товарищей. – Нельзя так... при всех... Мне теперь придется каждому морду бить, чтобы не рыпались...

Не снисходя больше до разговора, Трикс и его сияющий от счастья спутник миновали незадачливых грабителей. На Трикса смотрели с уважением и страхом, видимо, поверженный предводитель и впрямь славился своим умением боя на палках.

– Что ж ты сюда ходишь, если нельзя? – спросил Трикс.

Мальчишка засопел и не ответил. Впрочем, даже далекому ранее от житейских проблем Триксу было понятно – такие места, как рыбный рынок, где ловкий мальчуган может чего-нибудь заработать благодаря острому глазу и ловко подвешенному языку, даже в Дилоне встречаются нечасто.

– Как тебя зовут? – спросил Трикс.

Мальчик молчал.

Трикс повторил вопрос, чуть повысив голос.

Мальчик вздохнул и сказал:

– Халанбери.

– Это в честь древнего героя, который сразил дракона в Серых Горах? – вспомнил Трикс. – Ты что, из благородного рода?

– Ага, шаз. – Мальчишка шмыгнул носом. – Папаша мой – менестрель, вот и назвал спьяну...

– А почему спьяну? Славное имя! Как там пелось... – Трикс наморщил лоб. – «И взмахнул мечом своим Халанбери, завыли в ущельях дикие звери, закричала женщина голосом человечьим, покатила голова с белых плеч ее...» Слог архаичный, но герой-то настоящий!

– Ага... Знаешь, как с таким именем дразнят? – грустно сказал мальчик. Противным голоском воскликнул: – Ты уже сразил дракона, Халанбери? Или только тридцать его дочерей?

– Понятно, – пробормотал Трикс, впервые задумавшись о нелегкой судьбе людей, названных в честь героя. – А как тогда тебя зовут?

– Ага.

– И почему я не удивился? – Трикс пожал плечами. Ему первый раз встретился человек, который предпочел насмешливое прозвище настоящему имени не из-за неблагозвучности, а из-за лишней героичности. – Не переживай. Если станешь рыцарем, то тебе громкое имя пригодится.

– Зато если не стану, то всю жизнь будут смеяться. – Мальчик вздохнул. – Спасибо, что не стал смеяться... А дерешься ты – ужас как сильно! Вот из тебя точно бы рыцарь получился!

Трикс с сомнением посмотрел на мальчишку. Спора нет, сражение вышло славное. Даже капитан бы его похвалил. Но, наверное, так получилось исключительно с перепугу...

Они тем временем миновали рыбные пристани и кварталы, где располагались сплошь одни лишь склады. Потянулись кварталы алхимиков, издалека узнаваемые по запахам горелого и едкой вони эликсиров. Впрочем, и дома мастеров, выпытывающих у природы ее тайны, было нетрудно узнать. Все они строились на один, видимо, утвержденный в магистрате манер: круглый дом венчала конусовидная крыша из толстых тяжелых бревен, выкрашенная в тревожный красный цвет и козырьком нависающая над стенами. Это делало дома похожими на исполинские ядовитые грибы, всем своим видом предупреждающие: не приближайтесь, опасно! Впечатление усиливал густой кустарник, растущий между домами и оставляющий лишь узкие тропки для прохода. Изгородей как таковых алхимики будто не признавали.

– Зачем алхимикам такие крыши? – спросил Трикс. – Для красоты?

– Ага, – с удовлетворением сказал мальчишка. – Для красоты... Чтобы от взрывов по всему городу зараза не разлеталась. Крыша тяжелая, если алхимик взрывается, то она сверху бух! И придавливает весь дом. Только не всегда помогает. В прошлом году одна крыша как улетела – и плюхнулась посередине реки. Рыба кверху брюхом всплыла до самого моря. В городе все ругались, грозили алхимиков выселить, ага! А те в ответ сказали, что перестанут делать краски, спички, отраву и все такое прочее. С них штраф собрали, да и оставили в покое...

Трикс опасливо глянул на здания-грибы и ускорил шаг. Квартал алхимиков был небольшой, он узкой полоской отделял рыбацкий и складской районы от остального города. Видимо, хоть торговцы рыбой и закрепились на правом, аристократическом берегу, но горожане предпочли рыбным ароматам алхимиков с их опасным производством.

Впрочем, за кварталом алхимиков тянулся полоской зелени узкий, но глубокий овраг, когда-то русло речушки, а нынче – естественная разделительная полоса между чистыми и нечистыми обитателями правобережья. Через овраг был перекинут каменный мостик, а уже за ним начинались жилые кварталы. Там набережная враз становилась многолюдной – спешили куда-то пешие; продирались мимо людей кареты; проскакал, предоставив остальным право разбежаться из-под копыт, конный.

Трикс уже начал понимать четкую систему, по которой был устроен Дилон, или, точнее, его правый берег. Узкий склон холмов у эстуария был занят рыбаками-складами-алхимиками – всем тем, что требовалось городу и приносило изрядный доход, но что не хотелось иметь перед своими глазами и носами остальным жителям. Дальше шли кварталы, не оскорбляющие ни взгляда, ни обоняния горожан, которые постепенно переходили в сады, парки и загородные усадьбы. Город, зажатый в узкой речной долине, медленно рос вверх по течению, вбирая в себя пригороды. И пока конца-края не было видно этому неспешному движению одного из самых больших и богатых городов королевства...

Дороги в городе, точнее – в его правобережье, тоже отличались непривычным для взгляда порядком: широкие, на которых могли легко разъехаться две кареты, шли с холмов вниз, к реке. Их пересекали дороги поуже, тянущиеся параллельно реке. На пересечении дорог частенько имелись небольшие площади, порой с фонтаном или памятником

посредине. Трикс, привыкший к тому, что вначале в городе строят дома, а уже потом задумываются, как между ними протиснуть улочку, на это геометрическое великолепие смотрел с подозрением. Насколько же суровым и неподкупным должен быть магистрат, чтобы поддерживать в городе такой порядок! Нет, конечно, это куда удобнее, чем улицы, описывающие две-три петли и возвращающиеся обратно к тому месту, откуда начинались. Но слишком уж попахивает бессердечной тиранией.

Впрочем, на левом берегу все было куда привычнее. Даже через реку Трикс видел беспорядочную мешанину улиц, более или менее приходящую в порядок только перед мостами.

– Ну, пока! – Маленький обладатель слишком большого имени дернул его за рукав. – Пока, говорю! Ага?

Трикс растерянно посмотрел на мальчика. Во всех балладах и хрониках герой, прибывая в чужой город, немедленно выручал из беды какого-нибудь беспомощного местного жителя: голодного ребенка, побиваемую камнями воровку, сумасшедшего прорицателя, старого мудрого воина или плохо говорящего и странно одетого чужеземца.

Все это непременно служило залогом большой и крепкой дружбы. Благодарный ребенок знакомил героя с городом; воровка, умывшись, становилась писаной красавицей и влюблялась в спасителя; прорицатель выдавал несколько ценных предсказаний и начинал таскаться за героем, засыпая его советами; воин обучал секретным ударам; чужеземец оказывался принцем в изгнании и мастером боя на таких странных предметах, в которых никто и никогда не заподозрил бы оружия – к примеру, на кошачьих чучелах или мокрых вениках.

Как-то все шло неправильно...

– И куда ты отправишься? – спросил Трикс.

– А? – Мальчишка даже чуть удивился. – Домой пойду. Я там вон живу... – Он махнул рукой вверх. Каменная дорога петляла между оврагом и домами алхимиков к вершине холма, где среди зеленых садов сверкали белизной и лазурью крыши богатых особняков.

– Ого, – настал черед Трикса удивляться. – Ты там живешь? А я думал, через реку...

Мальчишка переступил босыми ногами, кивнул:

– Нет, я наверху живу. Ага. У меня папа – садовник у магистра гильдии колесников.

– Ты же говорил – он менестрель, – напомнил Трикс.

– Ага. Был, пока голос не пропил, – кивнул мальчик. – Ну, пока! Ты дерешься как настоящий воин. Если будешь сражаться на арене, я за тебя стану болеть!

И он бодро припустил в гору, размахивая руками и не оглядываясь на Трикса.

Трикс вздохнул. То, что он сражается как воин, было приятной неожиданностью. В связи с этим действительно возникали всякие интересные планы.

А вот то, что вслед за оруженосцем его покинул даже мелкий беспутный мальчишка, – это огорчало. Получалось, что никого Трикс особо не интересовал.

Он со страхом подумал, что коварный со-герцог Сатор Гриз был в чем-то прав.

Большие города очень любят молоденьких мальчиков из провинции. Они готовы предложить им массу развлечений: игру в карты и кости; проворных, доброжелательных карманников; продавцов древних карт, любовных эликсиров и редких амулетов; грудастых, обильно припудренных женщин с усталыми взглядами; лошадиные скачки и тараканьи бега; поединки бойцовых василисков и схватки дрессированных крокодилов; замечательные уютные харчевни, где никто не спросит возраста, если мальчик решит заказать вина двойной или тройной перегонки.

Когда у мальчиков кончаются деньги (при встрече с карманниками это происходит очень быстро, в других случаях – растягивается на несколько часов), они редко возвращаются домой. Обычно им хочется остаться в большом городе и взять реванш за неудачное знакомство.

И город щедро предоставляет им возможность остаться. Мальчики начинают играть в карты и кости; тренируют пальцы и лезут в карманы к приезжим; рисуют древние карты и варят любовные эликсиры; оказываются на содержании некрасивых, старых, но богатых женщин; тренируют лошадей и ловят по мусорным ямам самых быстроногих тараканов; убирают навоз за василисками и объедки за крокодилами или выметают полы в харчевнях...

Трикс, не подозревая об уготованной ему судьбе, шел по набережной. Когда четырнадцать лет назад придворный астролог привычно врал Рату Солье, что первенец со-герцога родился под счастливой звездой, он и не предполагал, как близки к истине его слова. Вот и сейчас Трикс, чудом отпрыгнув от несущегося на полном скаку всадника, успел прижать к каменному парапету ныряющую ему в карман руку обаятельного молодого человека, приехавшего в столицу три месяца назад, тут же прогоревшего на скачках и освоившего новую профессию. Обаятельный молодой человек, которому неуклюжее движение Трикса стало в перелом мизинца, вытаращил глаза, побледнел и, держа пострадавшую руку на отлете, быстро двинулся подальше от мальчика. У него не было никаких сомнений, что простоватый с виду паренек специально и очень расчетливо прижал его руку.

А между тем все дело было именно в удаче! Звезды, конечно, на человеческие дела никакого влияния не оказывают. Им, звездам, люди глубоко безразличны. Тем более что все люди рождаются с совершенно одинаковой удачей, вот только проявляется она в разных ситуациях.

Невезучий торговец, который каждый день клянет судьбу, мог бы стать самым удачливым в мире скульптором. Игрок в кости, которому не идет фарт, преуспел бы в выращивании тюльпанов. Землепашец, чьи посевы сжигает засуха, бьет град и пожирает жучок, легко победил бы на соревновании лучников, что проводится в славном городе Ангурине в самую дождливую, ветреную и безлунную зимнюю ночь.

Причина, по которой каждому человеку удача способствует лишь в определенных начинаниях, крайне занимательна. Если бы она стала широко известна, жизнь людей, несомненно, обратилась бы к лучшему!

К сожалению, двадцать лет занимавшийся этим вопросом Абуир, ученый из жаркого Самаршана, был феноменально неудачлив. Когда разгадка была уже близка, переволнованный ученый опрокинул масляный светильник, и пожар поглотил его лабораторию вместе со всеми результатами исследований. Разочарованный Абуир навсегда порвал с наукой, ушел в горы, прибил к лихим людям и уже через два года прославился от моря до моря как самый свирепый, удачливый и бесшабашный разбойник.

Так что никто, включая самого Трикса, не знал, в чем кроется его удача и в какой миг она от него отвернется. Как ни печально, но неизвестным это останется и для нас...

Трикс шел по набережной, глаза на нарядные особняки. Чем дальше Трикс удалялся от рыбаков и алхимиков, тем красивее становилось вокруг. Перед особняками появились уютные палисадники и зеленые лужайки, сами здания обросли балконами и террасами, подперлись колоннами, покрылись разноцветной глазурованной плиткой и резными деревянными панелями. Окна – сплошь застекленные, причем стекла прозрачные, чистые, без пузырьков и трещин. В маленьких парках, выходящих к реке, играли в траве малыши, за ними приглядывали суровые гувернантки в длиннополых платьях и с бумажными зонтиками от солнца. Повсюду сновали торговцы с лотками, заваленными сладостями, фруктами и закупоренными кувшинчиками с лимонной водой. Трикс, который и без всякого волшебства был сладкоежкой, купил большой комок арахисовой халвы, кувшинчик с водой и присел на парапете. Отщипывая липкую сладость, он задумчиво поглядывал на княжеский замок.

Идти к регенту прямо сейчас?

Или найти постоялый двор, отдохнуть, сходить в баню, купить чистую одежду – чтобы выглядеть достойно со-герцога в изгнании?

Сложный вопрос! Согласно хроникам, некоторые благородные люди в его положении не считали нужным наводить лишний лоск – так и шли грязные, оборванные и окровавленные, чем лишний раз демонстрировали серьезность своего положения. Но другие изгнанники предпочитали привести себя в порядок, чтобы показать – дух их не сломлен, а благородство неизменно...

Раздумья Трикса прервало появление двух молодых людей богемного обличья, похожих друг на друга будто братья. Юношам было лет по шестнадцать-семнадцать, одеты они были в штаны из зеленого вельвета, кружевные батистовые рубахи и короткие курточки из коричневого бархата. Завитые белокурые локоны выбивались из-под шапочек, из которых торчали по три перышка: красное, синие и зеленое. У обоих в руках были папки, набитые бумажными листами, а из нагрудных карманов разноцветной гребенкой торчали цветные карандаши. В общем, даже Трикс без труда опознал в них подмастерьев из славной гильдии художников.

Мимолетно глянув на Трикса, юноши присели рядом и откупорили кувшинчики – то ли с водой, то ли с легким вином.

– Жаль, времени было мало, – огорченно сказал один из юношей. – Я только-только сумел палача набросать...

– Ничего, я самозванца рисовал, – похвалился второй, делая большой глоток. – Перерисуешь.

Утолив жажду, они раскрыли папки и стали разглядывать рисунки друг у друга. Любопытствуя, Трикс вытянул голову, вглядываясь в эскизы. Его движение заметили, но подмастерья оказались славные ребята и ругаться не стали. Напротив, развернули рисунки в его сторону и стали выжидать реакции.

– Здорово! – сказал Трикс, чувствуя, что обязан выступить в роли благодарного зрителя, и облизнул липкие от сладостей пальцы.

Впрочем, эскизы и впрямь были неплохи. На одном листе быстрыми взмахами толстого угольного карандаша была набросана фигура палача – голого по пояс, широкоплечего, в закрывающем лицо колпаке и с вьющейся змеей плетью. Колпак и кончик плети были небрежно выделены красными штрихами. Кого лупил палач, было непонятно.

На другом эскизе был изображен мальчишка-подросток, лежащий на животе, с исполосованной спиной. Мальчишка одновременно орал, ревел и гримасничал. Получился он похуже, чем палач, покарикатурнее, но все-таки запоминающимся и живым.

– Мне тоже нравится, – скромно сказал автор эскиза. – Жаль, пороли недолго, регент сегодня добрый был.

– А что с ним случилось? – спросил Трикс, преисполняясь к выпоротому мальчишке невольным сочувствием.

– Десять ударов плети – и три года вразумительных работ. То ли на рисовые поля отправили, то ли подпаском на дальние выгоны. Я же говорю, регент добрый был.

– А за что его?

– Самозванец. – Подмастерье, нарисовавший палача, сплюнул за парাপет. – Приперся сегодня с утра к дворцу и стал кричать, что он – со-герцог Трикс Солье, молит регента о защите и помощи.

– Так ему и надо, самозванцу! – свирепо сказал Трикс. – Регент его сразу раскусил, как увидел?

– Да регент к нему и не выходил. – Подмастерье засмеялся. – Все знают, малолетнего Трикса зарубили, когда он покушался на Дэрика Гриза. Сам Дэрик и зарубил. Так что регент сразу объявил: каждого, кто объявит себя чудом спасшимся Триксом Солье, пороть кнутом и отправлять на вразумительные работы. Говорят, таких хитрецов уже по всему королевству встречают...

Трикс молчал, не в силах произнести ни слова. Уши у него пылали. А подмастерье, не замечая его реакции, мечтательно произнес:

– Эх, жаль меня там не было... Говорят, со-герцогиня, госпожа Реми Солье, все законы Высокой Смерти соблюла и даже с лихвой! Змеиный яд выпила, потом кинжал в сердце воткнула и из окна башни выпрыгнула, а вдобавок еще облила себя светильным маслом и подожгла! Вот бы такое увидеть и нарисовать – как герцогиня, объятая свирепым пламенем и пронзенная острой сталью, с изменившимся лицом падает из окна! Я бы картину назвал – «Пылающая аристократка». Нет, лучше – «Смерть со-герцогини Солье, или Кто падает из окна»!

Бац!

Кулак Трикса со всей силы ударил подмастерье в челюсть. Зубы у парня клацнули, он слетел с парапета и упал спиной на мостовую. Кувшинчик в его руке разлетелся, бледно-розовое, разведенное водой вино брызнуло во все стороны.

– Ты что! Ты чего! – закричал второй юный художник, отступая от Трикса на пару шагов. – Ты ума лишился?

Как правило, подмастерья рады подраться. Но эти двое оказались натурами слишком артистическими, способными любоваться поркой маленьких самозванцев или падением пронзенных и горящих герцогинь, но никак не опускаться до реальной потасовки.

– Вот бы увидеть? – кричал Трикс, бесстрашно наступая на двух парней куда старше и крупнее его самого. – Вот бы увидеть, да?

– Псих ненормальный... – держась за челюсть, пробормотал юный художник. – Псих! Я стражу позову!

– Я тебя вызываю на дуэль! – закричал Трикс, шаря рукой у пояса. Увы, у него не было ни меча, ни кинжала, так что со стороны его движения выглядели так, будто он пытается подтянуть сползающие штаны.

Видимо, эти нелепые движения придали подмастерьям храбрости. Небитый помог битому подняться. Тот сплюнул красным, пошатал пальцем зубы, после чего засучил кружевные обшлага и отважно двинулся к Триксу. Следом пошел и его друг.

Но драки не случилось.

Из начавшей собираться толпы вышел и встал между подмастерьями и Триксом седой кряжистый мужчина в моряцком бушлате. Один его глаз прикрывала аккуратная черная повязка, что делало мужчину похожим на старого пирата из детской книжки. К тому же он прихрамывал, на лице его было несколько давно заживших шрамов, а на поясе – абордажный тесак, какой на суше позволялось носить лишь морякам офицерского чина.

– Суши весла, юнги! – Мужчина смерил подмастерьев строгим взглядом, а Триксу погрозил пальцем. – Что за птичий базар?

Выглядел мужчина так живописно, что и Трикс, и подмастерья невольно преисполнились к нему уважения.

– Этот... эта свинья, – подмастерье указал на Трикса, – эта свинья ударил меня по зубам!

– Если свинья, то «ударила», будь последовательным. – Одноглазый поморщился. – А что скажешь ты, забияка?

– Он оскорбил ма... – Трикс запнулся. – Оскорбил со-герцогиню Реми Солье!

– Ничего я ее не оскорблял! – возмутился подмастерье. – Храбрая тетка, я бы ее в героическом полотне отобразил!

Трикс опять рванулся вперед и был пойман твердой рукой одноглазого.

– Так! – сурово сказал мужчина. – Я вас выслушал и все понял. Слушайте мое решение!

Голос у него был так убедителен, что никто даже не поинтересовался, как можно было все понять из сумбурных объяснений и кто вообще дал право одноглазому моряку выносить какие бы то ни было решения.

– Ты. – Моряк выхватил свой тесак и свирепо указал им на побитого художника. – Ты неуважительно высказался об аристократке. За это и пострадал!

Молодой художник шмыгнул носом.

– Ты! – Теперь тесак указывал на Трикса. – Стремление заступиться за даму благородно, но за драку на улицах нашего славного города полагается наказание плетьюми! Дабы не утруждать правосудие, плети я тебе выдам лично, на палубе своего славного корабля «Асиопа»! Десять ударов плетью-девятыхвосткой!

Толпа вокруг ахнула, и Трикс понял, что наказание обещано суровое. Он попытался шагнуть в сторону, но толпа радостно преградила ему дорогу, а одноглазый моряк крепко схватил его за шиворот и потащил за собой.

– Господин... э... господин моряк! – кричал вслед побитый подмастерье. – Не надо десять! Я же не зверь какой! Пять-шесть будет вполне достаточно!

Нельзя было не признать, что юноша проявил определенное благородство. Но Триксу сейчас было не до благодетных мыслей о великодушии, чьи ростки есть даже в богемных душах. Он болтался в руках одноглазого моряка, едва успевая перебирать ногами, чтобы не упасть. Моряк тащил его по ведущей в гору улице, все дальше и дальше от реки. Несколько увязавшихся следом зевак поотстали, когда моряк злобно зыркнул на них единственным глазом, но все еще волочились следом.

– Господин... – слегка кривя душой, воскликнул Трикс. На эсквайра моряк никак не походил, но надо же было как-то к нему обращаться. – Господин! Могу ли я заплатить пеню...

– Три якоря тебе в глотку, бизань-мачту в седалище! – выругался моряк. – Неужели ты вздумал подкупить капитана Бамбуру, грозу Лилового океана и ужас Хрустальных островов? Получишь еще два удара плетью!

Внезапно Трикс почувствовал легкое сомнение. Суровый моряк тащил его в гору, где очень проблематично было бы найти палубу славного корабля «Асиопа» и грозные плети-девятыхвостки. Да и говорил моряк как-то... уж больно по-моряцки...

– Я стражу крикну! – негромко, но с угрозой произнес Трикс.

– Молчи, дурачок! – понизив голос, ответил капитан Бамбура. – Сейчас...

Он втащил Трикса в переулок, такой узкий, что там не смогли бы разойтись два человека. Высокие, в три-четыре этажа дома заслоняли небо, оставляя лишь узкую полоску, на фоне которой трепетало развешенное на веревках мокрое белье. На окне второго этажа сидел черный кот и орал дурным голосом, требуя, чтобы его впустили.

– Не зевай! – Капитан Бамбура отпустил Трикса, подозрительно глянул налево#направо и открыл маленькую дверь в стене. Нырнул туда и позвал: – За мной!

Трикс заколебался.

– Трикс, быстрее!... бушприт тебе в подмышку! – рявкнул моряк.

Услышав свое имя, Трикс вздрогнул. Секунду поколебался – а потом нырнул в дверь вслед за моряком.

Несколько секунд пришлось ждать, пока глаза привыкали к темноте. Трикс и капитан Бамбура оказались в крошечной комнатке, заваленной пыльными тряпками. Свет едва-едва проникал сквозь ведущую из глубин здания дверь. Помимо света в дверь проникал запах жареного мяса и легкий ровный шум, какой издает толпа, пытающаяся не шуметь. Причем в шуме угадывались детские голоса... Богатое воображение Трикса сразу нарисовало ему

невольничий рынок, на который обосновавшиеся в городе пираты заманивают мальчиков и девочек, после чего ставят раскаленным железом клеймо и продают с аукциона.

Трикс снова с подозрением уставился на Бамбуру.

– Быстрее, молодой человек. – Моряк устремился к двери. – Я едва не опоздал!

Где-то за стенами грянул выстрел и раздался пронзительный женский визг. Трикс вздрогнул.

– Вот видите, со-герцог, у меня три минуты до выхода! – Бамбура снова ухватил Трикса за плечо, протащил через комнату. Коридор, в котором им навстречу пробежали (Трикс часто заморгал) три голых черных дикаря в набедренных повязках и с копьями, молодой парень, держащий вертел с куском жареного мяса, прелестная юная дева в белоснежном платье, почему-то измазанном на груди красной краской, и рыцарь в давно уже немодных цельных доспехах. Впрочем, для человека, несущего на себе сорок килограммов железа, рыцарь бежал подозрительно легко и бесшумно.

– Это что? – беспомощно воскликнул Трикс. Но капитан Бамбура уже впихнул Трикса в крошечную, но зато ярко освещенную каморку. Основным предметом интерьера здесь служило большое, пусть и старое зеркало, на столике перед которым горел целый ряд свечей. Также на столике валялись пуховки, коробочки с пудрой и румянами, тени, тушь для ресниц и прочие вещи, которые Триксу доводилось видеть в будуаре у матери, но никак не в руках мужчины.

У столика стояло продавленное кресло, куда немедленно бухнулся капитан Бамбура. Вдоль стены тянулась узкая кушетка, на которой валялся и похрапывал кто-то тощий и высокий, в данный момент скрючившийся в три погибели.

– Требую объяснений! – не выдержал Трикс. – Кто вы такой?

Капитан Бамбура, бодро прохаживающийся по лицу пуховкой, вымазанной в пудре кирпично-красного цвета, оттянул черную повязку и посмотрел на Трикса обоими глазами. Скрытый повязкой глаз оказался ничуть не хуже своего доступного миру соседа. Другим движением капитан приподнял седую шевелюру, под которой обнаружились черные волосы. Сразу стало ясно, что Бамбуре лет тридцать. Ну, может быть, тридцать пять. Уж никак не старше!

– Ты Трикс Солье, так?

Трикс вздохнул и кивнул.

– Помнишь, два года назад в зимние праздники заезжие актеры играли в замке со-герцога пьесу? «Заблуждения мудрости, или Многие печали маленького эльфа»?

Трикс смущенно кивнул. Пьесу он помнил, хотя, конечно, не слишком-то было достойно почти взрослому человеку смотреть детскую пьеску про эльфов и гоблинов. Отец – так и вовсе над ним посмеивался. Но Триксу понравился и отважный эльфийский принц, сражающийся с королем гоблинов за свою украденную старшую сестру, и сама старшая сестра, и даже коварный король го...

– Вы! – завопил Трикс. – Вы король гоблинов!

Моряк Бамбура откашлялся. Он выглядел польщенным.

– Временами – да, молодой человек. Так вот, я себя чувствую обязанным. Наш театр был в бедственном положении, прямо скажем. Щедрость вашей светлости... и покойной со-герцогини, конечно же... нас спасла.

Трикс покраснел. Он и впрямь уговорил мать хорошо наградить бродячих актеров.

– Мне очень понра... – начал Трикс.

Но тут в дверь застучали. Кажется, сапогами. Раздался рев:

– Бамбура! Почему не на сцене? Альби уже минуту как ищет тебя в трюме, зрители начинают смеяться!

Бамбура вскочил и с быстротой молнии выскочил в дверь. Трикс успел лишь заметить, что орал на грозного капитана маленький толстенький человечек в одеждах шута... слишком шутовских одеждах, чтобы их носил настоящий шут.

Дверь закрылась. Трикс задумчиво посмотрел в зеркало. Что ж, судьба ему все-таки улыбнулась. Пусть он не встретил положенных герою покровителей, но даже на подмостках театра можно перевести дух и подумать, как жить дальше.

Откуда-то совсем близко донеслись аплодисменты. Трикс вздохнул – посмотреть, что происходит на сцене, очень хотелось.

Тело на кушетке пошевелилось и, не поворачиваясь к Триксу лицом, произнесло:

– Поверните картинку на стене, молодой человек. За ней будет маленькая дырочка, в нее и смотрите.

Опасливо поглядывая на догадливого незнакомца, Трикс подошел к небольшой картине, висевшей на стене. Трикс, немного интересовавшийся живописью, посмотрел на картину повнимательнее и решил, что она не стоит холста, на котором нарисована. Неведомый художник изобразил таинственно улыбающуюся женщину на фоне унылого пейзажа. Улыбка у женщины была такая вымученная, что складывалось ощущение – художник несколько часов не давал натурщице отлучиться по естественным надобностям. С чувством пропорции у художника тоже было не все в порядке, а уж преобладание унылых коричнево-желто-зеленых тонов лишало картину всякой привлекательности.

Зато в дырочку, спрятанную за картиной, открывался замечательный вид. Дырочка была проверчена в противоположной от сцены стене где-то над головами зрителей. Далековато, но зато все видно.

И слышно.

– Киль тебе в фарватер! – закричал на сцене капитан Бамбура. – Как ты мог подумать, Альби, что я брошу тебя на растерзание туземцев?

– Гав, гав, гав! – жизнерадостно залаяла маленькая белая собачка, прыгая вокруг Бамбуры.

– Нет, Альби! – воскликнул Бамбура. – Мы не будем сражаться с туземцами, мы победим их хитростью! Скажите, друзья, куда ушли туземцы?

– Туда! – завопил зал тонкими голосами. Трикс всмотрелся в зрителей, потом вернул картину на место и спросил:

– Скажите, а вы играете только для детей?

– Мы не играем, а даем представления, – кисло отозвался человек с кушетки. – Нет, не только. Еще для их родителей и гувернанток.

– А я#то по этим крикам решил, что тут продают малолетних рабов, – признался Трикс.

– Напротив, здесь малолетним рабовладельцам продают старых бедных актеров, – мрачно ответили с кушетки. – Если ты не против, юноша, я поплюю еще четверть часа. Мой выход только в финале, и то меня проносят мертвого на носилках...

Трикс вздохнул и сел в кресло перед зеркалом.

Покосился на картинку.

Нет, все-таки в ней что-то есть...

4

– Какое удивительное коварство! – восхищенно сказал Бамбура. – Отпустить наследника свергнутого властителя, чтобы собственный сын боялся мести и не расслаблялся!

Трикс вздохнул. Честно говоря, он не был склонен так радоваться коварству Сатора Гриза.

– Интрига, достойная пера Гила Гильена, – продолжал Бамбура. – Он бы написал трагедию. Как «Руста и Помпилико»! Или трагикомедию. Как «Юлай и Юлайя»! Или комедию. Как «Клео и Кагана»!

– И назвал бы ее «Трикс и Гриз», – кислым тоном сказал актер, сыгравший в конце пьесы труп туземного короля. – Бамбик, успокойся. Гил Гильен все свои истории придумывал или воровал у коллег. Ничего реального он никогда не писал. Боялся, что какой-нибудь благородный господин разгневется и прикажет высечь его розгами.

Трикс не особо интересовался делами комедиантов, но все-таки кивнул. Эта версия показалась ему куда более реальной.

...Спектакль закончился час назад, и с тех пор Трикс сидел в комнате с зеркалом и притираниями. Компанию ему составляли Бамбура – как уже понял Трикс, для простоты актеры звали друг друга на сцене настоящими именами, – и тощий смуглый мужчина, игравший туземного короля. Звали его то ли Шараш, то ли Жараж, Трикс никак не мог уловить произношения и на всякий случай и сам называл актера неразборчиво, гундося и пришепетывая, будто сраженный неожиданным насморком.

Бамбура вернулся сразу после торжественных похорон Шараша-Жаража, за которыми Трикс с любопытством наблюдал через дырочку в стене. Белую собачонку Альби отважный капитан держал под мышкой. Оба выглядели уставшими. Собачонка обнюхала Триксу ноги, тьякнула и побежала в угол, где стояла мисочка с водой. Пила она жадно, будто благородный рыцарь наутро после праздника, негодуяще фыркала и разве что не ругалась вполголоса по-собачьи. Бамбура же, радостно напевая песню чернокожих рабов: «На волю, на волю, хотим мы на волю...», принялся разоблачаться. Скинул свои моряцкие одежды, оружие, сапоги и повязку с глаза. Отвязал мешочки с тряпьем с плеч и бицепсов, распустил ремень, выпуская на волю тугий животик. Оставшись в пестром штопаном трико, какие носят акробаты и жонглеры, уселся за стол и добродушно подмигнул Триксу. Следом вошел только что похороненный Шараш-Жараж, неся в руке большой кусок жареного мяса, источающий аппетитный запах.

– Очень удобно, – пояснил Бамбура. – В середине второго акта туземцы жарят на костре мясо. Ну, вроде как они поймали моего старшего помощника, тот все равно такой негодяй, что его детям не жалко... Потом рыцарь Кристан мечом, а невинная девица Глиона ором прогоняют туземцев, те убегают вместе с мясом – и мы его делим после спектакля на всех.

– А... это... – Трикс подозрительно уставился на кусок мяса.

– Ну что ты! – Бамбура замахал руками. – Что ты! Где бы мы каждый день брали такого колоритного негодяя на роль старшего помощника? Обычная говядина с рынка... признаюсь, она немного пахла, но мы ее натерли уксусом и прожарили посильнее.

Успокоенный Трикс поел вместе с актерами (Альби требовательным лаем напомнил, что и ему полагается кусок). А потом рассказал свою историю, начиная с того утра, когда отправился к отцу в тронный зал...

– Ты не прав, Ш(ж)араж(ш)! – пылко произнес Бамбура. Трикс опять прислушался, но так и не разобрал имени смуглого. – Если мы придумаем пьесу, в которой расскажем историю бедного паренька, то зрители возмутятся несправедливостью! Народный ропот дойдет до князя, а то и до самого короля!

– Ну да, – кисло ответил Шараш-Жараж. – Только вначале ропот дойдет до Сатора Гриза. Тот пошлет одного-единственного ассасина, который ночью перережет горло и Триксу, и всем нам – на всякий случай.

– Тогда надо пьесу сочинить иносказательно! – Бамбура взмахнул рукой. – Так, чтобы узурпатор ничего не понял!

– И никто тогда не поймет... – дожевывая свой кусок мяса, сообщил Шараш-Жараж. – Я уж не говорю про то, что пьесу сочинить – это не шутка. Это уметь надо! Помнишь,

ты пробовал трагедию сочинить? Про девушку, которая отправилась проведать свою больную бабушку, как ее по дороге встретил разбойник и...

Шараш-Жараж покосился на Трикса и вдруг закашлялся, будто поперхнулся. А откашлявшись, закончил сухо и коротко:

– Ерунда ведь получилась. А ты хочешь о государственном перевороте рассказать, да еще так, чтобы зрители встали на сторону Трикса!

Бамбура неохотно кивнул. Потом произнес:

– И все-таки я отправлюсь к господину Майхелю. Скажу, что случайно встретил на улице своего двоюродного племянника и хочу пристроить его в труппу. Не откажет! Нам давно нужен юноша на детские роли!

– А юноша хочет? – любопытно спросил Шараш-Жараж.

Трикс помрачнел, зато Бамбура от своей идеи пришел в восторг и возражений не слышал. Ободряюще похлопал Трикса по плечам, сказал:

– Сейчас. Подожди чуток.

Он вытер о грязную тряпичную салфетку жирные руки, подтянул сползшие штаны (если человек от природы скорее худ, то после еды ему приходится распускать ремень, если же человек скорее толст, то штаны приходится подтягивать на то место, где должна быть талия) и вышел из каморки.

– Бамбура – добрый человек, – задумчиво сказал Шараш-Жараж. – Однажды он подобрал собачку. С тех пор играет вместе с Альби. Хотя по сюжету у капитана был попугай...

– Господин... Жараш... – неуверенно начал Трикс.

– Что-то ты гугнявишь, будто наш добрый Бамбура. Меня зовут Шаша, – отчетливо выговорил комедиант. – Славное горское имя. Означает – любимец родителей... Скажи, ты и впрямь хочешь пристать к нашей труппе и бродить по дорогам королевства, разыгрывая представления?

Трикс помедлил. Ему было стыдно отвечать честно.

– Ну, ну! – подбодрил Шараж.

– Не уверен, господин Шараж. Если бы и впрямь было можно сыграть пьесу так, чтобы злодеи были посрамлены, а справедливость восторжествовала...

– Нет. – Шараж покачал головой. – Не путай искусство комедианта с жизнью, юноша. Да, порой мы играем на сцене так, что в зале плачут и грубые каменщики, и суровые палачи, и гуляющие девицы. Даже благородные господа, особенно если сядут смотреть представление с бутылочкой старого вина, могут пустить слезу. Но театр – отдельно, жизнь – отдельно. Мир не театр, люди не актеры. Останешься с нами – голодать не придется, веселье в жизни гарантировано, мир посмотришь. Но ты, я полагаю, хочешь иного...

– Я должен вернуть себе отцовский трон. Я обещал. – Трикс помялся, глядя на невозмутимого Шаража. Спросил: – А точно ли не получится пылким словом барда и вдохновенной игрой лицедеев покарать злодеев?

– Не получится. – Шараж покачал головой. – Я мог бы рассказать тебе историю про одного мальчика-горца, который убежал из разоренного поселения, мечтая отомстить врагам. Маленький дикарь прибил к бродячей труппе, и молодой актер, сам немногим его старше, по доброте сердца покровительствовал мальчику, учил играть на сцене и говорить без акцента. Актеру всегда хотелось стать сочинителем, он даже написал пьесу про то, как маленький горец скитался по горам. Как он от медведя ушел, и как от стаи волков ушел, и как от бешеной лисицы ушел... как он могучего барса с помощью тяжелой дубины одолел... – Шараж задумчиво посмотрел на свои ладони, и Трикс вдруг заметил, что руки Шаража покрыты старыми, давно зажившими шрамами. – Ничего не получилось. Никто судьбой горца не проникся.

– Угу. – Трикс кивнул. – А что бы вы мне посоветовали? Ну, чтобы отомстить?

– Князь тебя слушать не станет. – Шараж покачал головой. С сомнением посмотрел на Трикса. – Ты умеешь сражаться?

– Да! – гордо сказал Трикс, вспомнив недавний поединок.

– Я могу дать тебе совет, мальчик. – Шараж помедлил. – Но он потребует от тебя тяжелого труда и долгих лет ожидания. Пять, десять, двадцать лет... не меньше.

Трикс помрачнел. Подобно любому юноше он не любил строить такие долгие планы. Ну как можно загадывать на двадцать лет вперед, если тебе всего четырнадцать?

– Ну? – полюбопытствовал Шараж.

– Если другого выхода нет... – Трикс посмотрел актеру в глаза. – Научите меня!

Шараж кивнул. Кажется, он ждал именно этого слова – «научите».

– Не пытайся доказать свои права, этого у тебя никогда не получится. Запомни, всегда законен тот владыка, что сидит на троне! В лучшем случае ты получишь плети и насмешки. В худшем – место в темнице или нож в спину.

– Что же мне тогда делать...

– Попробуй стать оруженосцем и выслужиться в рыцари. Заново получить дворянство – не за происхождение, а за собственную доблесть и подвиги. Если ты прославишься, то сможешь вызвать своего врага на поединок – будь он даже герцогом. Сталь решает проблемы не хуже, чем слово короля.

Трикс молчал. Нет, мысль о том, как он вызывает подлого Сатора на поединок и, обломив о него копьё, рубит напополам мечом, была сладостной. А если потом еще призвать на благородное ристалище Дэрика и долго гонять вдоль ликующих трибун, охаживая могучей рыцарской дланью...

– Это трудно, – сказал Шараж. – Тебе придется стать воином. Настоящим могучим воином, таким, о котором слагают баллады.

– Баллады... – сказал Трикс. – Скажите, Шараж... а как вы сумели победить свирепого барса?

Шараж вздохнул:

– Как, как... Я же горец! Вначале я его огрел тяжелой острой палкой, а потом воткнул ее в горло и провернул два раза. Кровищи было – как на скотобойне! А как он выл в ночной тиши!

Трикс сглотнул. Он предпочитал не задумываться, из чего получается колбаса и каким образом выглядит победа над свирепым хищником. Конечно, сыну и наследнику со-герцога доводилось ездить с отцом на охоту. Но там, как правило, зверя расстреливали из луков, после чего слуги куда-то уносили тушку (если повезет – тушу), а через некоторое время готовили вкусный обед из свежатины...

– Вы герой, – сказал Трикс. – Спасибо большое. Я постараюсь стать настоящим воином.

Шараж задумчиво смотрел вслед на закрывшуюся за мальчиком дверь. Потом, печально улыбаясь, достал из-под своей койки пузатую бутылку с крепким вином и налил две полные чаши.

В этот момент и вернулся Бамбура – смущенный, но не теряющий оптимизма. Подхватил с пола Альби, радостно лизнувшего актера в нос.

– Майхель сегодня не в духе, – начал Бамбура прямо с порога. – Но ничего! День-другой, он увидит, что в тебе есть врожденная артистическая жилка, и согласится принять в труппу... Трикс?

– Мальчик ушел, – сказал Шараж. – Мы поговорили, и я объяснил ему, что искусством мир не исправишь.

– Зачем? – возмутился Бамбура, опуская собачонку на пол. – И куда он теперь пойдет?

– Думаю, попытается стать рыцарем. – Шараж протянул другу чашу с вином. – Сомнительный выбор, в нем нет ни должного телосложения, ни той душевной простоты, с которой надо колотить живого человека по голове острым железом. Честно говоря, я понимаю, друг мой, почему ты решил пристроить мальчика в нашу трупку. Из него, возможно, получился бы неплохой правитель для мирного и богатого герцогства. Но интриговать, чтобы вернуть себе престол? Освоить торговое дело, разбогатеть до неприличия, разорить врага и купить свои бывшие владения? Стать закованной в железо горой мускулов и мечом проложить путь к трону? Пойти в ассасины, бесшумной тенью прокрасться в спальню Сатора Гриза и забить узурпатора ночной вазой? Нет, это все не для него.

– Но ты посоветовал ему стать рыцарем! – возмутился Бамбура.

– Да, – кивнул Шараж. – Потому как вспомнил одного юного горца, который хотел отомстить, но так и не отомстил. И его друга, урожденного барона Лиандра, по малолетству лишеного престола и прибившегося к комедиантам...

Бамбура вздохнул и сел за стол. Взял чашу с вином, пригубил. Пробормотал:

– Ну и что с того? Виол – хороший правитель. Куда лучший, чем был бы я. В семь лет такую интригу закрутить! Увлечь десятилетнего брата искусством лицедейства и так ему голову заморочить, чтобы он сам, добровольно, убежал с бродячими комедиантами! Еще и одежду старшего брата нашли на берегу речки, и три свидетеля объявились, чтобы официально и без канители признали наследника утопшим! И это все Виол организовал в семь лет! Настоящий талант!

– Талант... – без энтузиазма признал Шараж. – Наверное, таким и должен быть правитель, даже в детстве. Только этот мальчик, Трикс, не смирился. Пусть попробует победить.

– Да как?! – воскликнул Бамбура.

– У него есть один путь. – Шараж усмехнулся. – Если я совсем еще не лишился ума... Но я ничего не сказал о нем Триксу. И давай мы тоже не будем об этом говорить!

Друзья молча сдвинули чаши и выпили вина.

Разумеется, любой нормальный человек стал бы допытываться, какой же выход Шараж увидел для Трикса и почему не рассказал о нем мальчику. Но Бамбура, с десяти лет подвизавшийся при бродячем театре, свято верил в те законы, по которым живет сцена. И главный из этих законов – никогда не забегай вперед, не мешай зрителю насладиться интригой.

Из уважения к прославленному на театральных подмостках капитану Бамбуру мы тоже не станем требовать объяснений – и даже сделаем вид, что не поняли, о чем вел речь Шараж.

В коридорах Трикс заплутал и внезапно для себя вышел в зрительный зал. Видно было, что представления здесь дают часто и для других целей помещение не используют – скамейки в зале были не сколочены кое-как из грубых досок на деревянных чурбанах, а гладко оструганы и снабжены спинками. На досках были выжжены номера, чтобы никто не путался, где ему сидеть, а это уж совсем высокий шик.

Отдельно был выгорожен помост, на котором стояли мягкие кресла – для благородных господ, готовых заплатить двойную цену. Перед креслами имелись даже столики, чтобы во время представления подкрепиться прохладительным или согревающим.

С легким сожалением в душе Трикс пошел к выходу. Ему понравились и Бамбура, и Шараж, наверняка он рано или поздно нашел бы место в труппе и никто бы его здесь не обидел. Но Шараж был прав – так ему не отомстить. Тогда уж стоило принять грамоту от Тора Галана, да и заняться купеческим делом.

Дверь была открыта, и Трикс без проблем покинул зрительный зал. Сурового вида охранник в одеждах северного варвара-наемника, с боевым молотом на перевязи окинул Трикса подозрительным взглядом, но выйти не помешал. У Трикса зародилось подозрение, что это такой же северный варвар, как Бамбура – пиратский капитан, но проверять он не стал.

Тем более что надежный метод проверки был только один: сказать варвару, что у того не было ни братьев, ни сестер. Почему-то это считалось у северян самым большим оскорблением, после которого настоящий варвар обязан был убить обидчика.

Трикс посчитал, что истинное происхождение охранника его интересует не настолько сильно.

Он немного прошел по улице вверх, пока не оказался на маленькой площади с фонтаном. Поросшая зеленым мхом каменная фигура в центре бассейна изображала девушку с кувшином, из которого текла вода. Из одежды на девушке был только мох, и Трикс, присев на каменный парапет, с некоторым смущением поглядывал на статую.

Стать рыцарем?

Благородное занятие, приличествующее даже высокородному правителю в изгнании. Опять же многие баллады и летописи повествовали о том, как лишённые власти и изгнанные властители брали себе новое имя, становились рыцарями, достигали успеха – и после этого победоносно возвращались на трон. Так что совет Шаража никаких возражений у Трикса не вызывал.

Вот только время...

Трикс вздохнул, скептически оглядывая свои тощие руки. Он и меч-то хороший не удержит, хоть и учился немного. Года два-три придется качаться, прежде чем он сумеет носить мало-мальски приличный доспех и размахивать хотя бы мечом-бастардом. Только в детских книжках, вроде «Красных демонов», подросток хватается за оружие и без труда справляется со взрослым бойцом...

Трикс снова вздохнул.

Ну, допустим, он решился. Обидно, конечно, начинать путь с оруженосца, когда по всем законам и уложениям он уже – рыцарь и может в оруженосцы посвящать. Более того, у него свой оруженосец есть... вспомнив коварного Иена, Трикс досадливо взмахнул рукой. Ладно! Пойдет он в оруженосцы! Невелика хитрость – он обучен грамоте, знает рыцарский церемониал и турнирные правила. Такому оруженосцу всякий рыцарь будет рад!

Вот только вначале надо найти рыцаря без оруженосца.

Трикс задумался. В со-герцогстве было не много настоящих рыцарей, все больше пожилые, оседлые, формально числящиеся в страже одного из властителей, а на самом деле – проводящие время в отдыхе от былых ратных трудов. Оруженосцы у них были под стать самим рыцарям – немолодые, многие семейные, дорожащие своим местом и любящие порассказывать о славных ристалищах, которые им довелось повидать. «Тут под бароном убили третью лошадь, но я не растерялся и...»

Но были и странствующие рыцари, как не быть. Они скитались по королевству, то нанимаясь на время в приграничные гарнизоны, то помогая баронам или бургомистрам покончить с шайкой разбойников или выползшими из чащоб и пещер чудовищами (впрочем, большинство чудовищ, к сожалению, предпочитало не ползать, а бегать или летать). Были среди странствующих рыцарей прославленные, чьи титулы можно было произносить несколько минут: «Альдегор тан Сарт, ветеран битвы при Медлоке, потерявший глаз в сражении при Хугридах, победитель достославного сэра Мортиса из Агуады, истребитель Парамейского серого болотного выползня, участник второй магической войны...» И так далее, пока рыцарь не махнет добродушно рукой – хватит, хватит, к чему эти титулы, мы все свои.

Бывали и рыцари ничем особенным не прославившиеся – в сражении при Хугридах сохранили глаза, уши, руки и ноги, выползень вовремя доел деревню и утек в свое болото, от встречи с сэром Мортисом (да и с таном Сартон) удалось вовремя увернуться, во второй магической судьба забросила охранять обоз с провиантом и гулящими девками. Впрочем, и таких в народе уважали. Пойти к рыцарю в оруженосцы всегда считалось за большую удачу. Многие ребяташки из простонародья с детства размахивали палками, пытались

научиться фехтовать, учили гербы и сложные правила благородного обхождения. Стоило в городе или селении объявиться рыцарю без оруженосца, как вокруг начинала виться стайка подростков, надеясь, что именно им улыбнется удача. А рыцари без оруженосцев встречались частенько. То сбежит не в меру гордый пацан, получивший за нерасторопность затрепину тяжелой рыцарской рукой. То, пока рыцарь отважно сражается с каким-нибудь чудищем, а охраняющий поклажу оруженосец стоит в сторонке с открытым от восторга ртом, подкрадется к нему сзади вылупившийся из яйца отпрыск монстра, мелкий, но уже зубастый и голодный. Еще бывает так, что рыцарю нечем заплатить взнос за турнир, и приходится скрепя сердце продавать оруженосца в услужение ближайшему ремесленнику. Разумеется, с твердым обещанием выкупить с призовых денег – но рыцарей много, а приз на турнире один...

Трикс нахмурился, вспоминая истории, которые доводилось слышать от таких вот, лишенных оруженосцев, рыцарей. Конечно, в родном замке, сидя рядом с отцом и твердо зная, что его судьба – быть рыцарем, а уж никак не оруженосцем, Трикс все это воспринимал совсем иначе. Ну, получил оруженосец по спине ножнами от меча – сам виноват, не уследил за похлебкой, оставил господина без ужина. Ну, наткнулся паренек на разбойников, по заданию рыцаря проверяя подозрительные кусты, – так на то и оруженосец, чтобы рыцарь сломя голову в бой не совался.

А теперь получалось, что Триксу самому предстоит стать таким вот оруженосцем... со всеми возможными последствиями. Эта мысль не радовала. Трикс с сомнением посмотрел на здание театра, на огромную красочную вывеску над входом, вещавшую низким слогом: «Только сегодня и вес месяц! Утром – Альби и Бамбура на Хрустальных островах! Вечером – Пылкая страсть Каралевы Варваров!»

Наверное, Бамбура его в театр пристроит. Раз уж на вывесках его имя пишут. Но Шараж прав – тогда придется забыть о родителях, о троне, о мести...

Трикс встал. Перекинул поудобнее через плечо свой мешок и двинулся вверх, к княжескому замку. Нет, не для того, чтобы потребовать справедливости и получить плетей. Трикс уже начал потихоньку понимать, что при взгляде сверху справедливость и плети выглядят почти одинаково. Просто все странствующие рыцари, даже те, кого не слишком-то радушно привечают во дворце, все равно трутся в трактирах поблизости – едят мясо, пьют вино и жалуются друг другу на нерасторопных оруженосцев. Там ему и стоит поискать себе хозяина.

При мысли о том, что у него появится господин, Триксу стало совсем грустно. Но он все-таки не замедлил шаг.

* * *

Славный город Дилон предлагал своим жителям и гостям немалый выбор гастрономических удовольствий. Харчевни – для людей попроще и победнее, закусовые и кабаки – для тех, кому больше хотелось выпить, чем поесть, таверны – для любителей экзотической кухни, едальные дома – для совсем уж высокородной, богатой и пресыщенной публики.

Трикс, поразмыслив, сразу отбросил и харчевни с кабаками – рыцарь не станет есть среди простонародья или напиваться, и едальные дома – там можно было встретить разве что совсем прославленного рыцаря, который вряд ли возьмет в оруженосцы первого попавшегося юнца. Попытавшись представить себя рыцарем – гордым, но не слишком денежным, Трикс понял, что ему нужно найти что-то приличное, но не помпезное; экзотическое, но не вычурное. В общем, достаточно редкий тип заведений.

Но удача улыбнулась ему далеко не сразу. По мере того как Трикс приближался к княжескому замку, улицы становились все оживленнее, а лавочек и едальных заведений все при-

бавлялось и прибавлялось. Прямо на улицах торговали сладостями вразвес. Самой большой популярностью пользовался изюм, который продавали «кулаками» – покупатель засовывал руку в мешок, зажимал в кулаке сколько мог изюма – черного, желтого или оранжево-красного, после чего доставал добычу. Конечно, человек с большой ладонью оказывался в более выгодном положении, но поскольку основными покупателями были мальчишки и молодые девицы – торговцы не оставались внакладе. В лавках выставлялись ткани, причем не только лен, шерсть и конопля, которыми славились окрестные земли, но и дорогие привозные – шелк, хлопок, каменный сатин. В изобилии встречались и лавочки ювелиров – здесь на витринах ничего не выставляли, зазывая посетителей лишь гордой эмблемой цеха золотых дел мастеров – двумя переплетенными кольцами. И конечно, как положено в любом торговом месте, все больше и больше попадалось разменных лавочек. Один или два охранника бдительно следили, чтобы никто не обидел менялу, чью принадлежность к профессии обозначали голые по локоть руки и нашейный знак гильдии из трех монеток на шнурке – золотой, серебряной и медной.

Трикс следовал мимо торговых рядов с любопытством, но зорко выглядывая таверны, которые приглянулись бы рыцарям. Несколько раз ему казалось, что искомая цель найдена, но в таверне с многообещающим названием «Щит и меч» ни одного рыцаря не оказалось, все больше странные тихие люди в неприметных одеждах, которые, сидя за столиками поодиночке и не глядя друг на друга, медленно пили эль. Трикс немного помялся у входа и смущенно покинул таверну. Потом его внимание привлекла пивная «Все спокойно», где среди посетителей было много людей в доспехах. Но доспехи при ближайшем рассмотрении оказались легкими кольчугами, а вместо мечей в перевязях болтались тяжелые дубинки из резинового дерева. Так что Трикс, не собиравшийся наниматься в городскую стражу, с сожалением покинул и это заведение.

И только ближе к вершине холма, почти под самыми стенами замка, Трикс увидел таверну с неприятным названием «Чешуя и когти», у входа в которую неторопливо сгружались с коней два рыцаря.

Всем, от сопливого пастушонка и до мудрого астролога (ведь он когда-то тоже был ребенком), известно, что доспехи у рыцарей бывают разные. И в полном доспехе, красивом и блестящем, сделанном из прочного железного листа, рыцарь не только на дракона не пойдет – он и по городу фланировать не станет. Во-первых, лошадь в отличие от доспеха не железная. Во-вторых, даже под неярким солнышком рыцарь через полчаса перегреется и схватит удар. Тяжелые полные доспехи – только для ристалищ. Запаковался – водрузили на коня – съехался – ударил – разоблачили и посадили остывать.

У рыцарей доспехи были полегче, но все-таки впечатляющие: шлемы с плюмажами, кирасы, стальные поножи, кольчужные наручи и перчатки. Двигались рыцари поэтому медленно и плавно. Оруженосцы – парни лет семнадцати-восемнадцати – подвели коней к дощатому помосту у входа в таверну. Рыцари осторожно переместились с лошадиных спин на помост и неуклюже затопали вниз по ступенькам. Помост скрипел и слегка раскачивался. Лошади уткнулись друг в друга мордами, будто жаловались на своих седоков.

Трикс с сомнением посмотрел, как рыцари прошли в таверну. Поколебавшись, подошел к оруженосцам, обтирающим коней чистыми тряпицами. От тяжелого запаха конского пота свербило в носу. Оруженосцы покосились на Трикса.

Как бы к ним обратиться-то? Учитывая, что он нынче не со-герцог, а непонятно кто, собирающийся наняться в оруженосцы...

– Добрые юноши! – сказал Трикс неуверенно.

– Гуляй, сегодня не подаем, – тут же ответил один из оруженосцев.

Второй оказался доброжелательнее. Порылся в кармане, нашел мелкую медную монетку и протянул Триксу со словами:

- Возьми, купишь себе хлеба.
- Не очень-то он голодный, смотри, какая ряшка, – энергично протирая лошадиный круп, пробурчал первый оруженосец. – Добрый ты...
- Сегодня три года с того проклятого дня, как я нанялся к сэру Хойру. – Оруженосец сплюнул под ноги. – Помолись за меня богам, малец.
- Да? – Трикс помрачнел. – Неужели служба оруженосца так тяжела?
- Смотри у кого, – буркнул оруженосец. – Если звезды к тебе благосклонны, то жить можно. А если твой хозяин напыщенный болван... – юноша опасно оглянулся на дверь, – то будешь все на свете проклинать.
- Так он сам в оруженосцы метит, – хмыкнул неприветливый оруженосец. – Точно! Ты гляди, как напрягся-то!
- Оруженосцы с любопытством уставились на мальчика.
- Не советуете? – спросил Трикс.
- Видимо, слова его прозвучали искренне, потому что насмешек не последовало. Напротив, лица у парней подобрели.
- Ну, как сказать... – протянул неприветливый. – Если есть мечта пойти по воинской части, прославиться, научиться владеть оружием, стать самому рыцарем, снискать себе славу и завоевать любовь прекрасных дам... То, конечно, не советую!
- Не получится?
- Может, и получится, – неохотно признал оруженосец. – Но тебе на самом-то деле придется чистить лошадей, точить мечи, полировать доспехи...
- Воровать курей у селян, – с тоской сказал оруженосец сэра Хойра. – Стоять на стреме, пока рыцарь заигрывает с чужой женушкой. Первому совать голову во всякие подозрительные дырки в скалах. Помогать рыцарю проблеваться, когда коварные враги отравят его чрезмерным количеством вина.
- А такое часто бывает? – ужаснулся Трикс.
- С моим – так два-три раза на неделе, – мрачно ответил оруженосец сэра Хойра. – Хотя, конечно, прославиться и самому стать рыцарем – можно!
- И оба оруженосца замолчали, с любопытством глядя на Трикса.
- Здесь найдется доблестный рыцарь, которого не так часто спаивают враги и у которого случайно нет оруженосца? – спросил Трикс.
- Парни переглянулись. Потом, как по команде, уставились на коновязь у таверны, где спокойно стояли рыцарские кони.
- Сэр Гламор без оруженосца, – сказал неприветливый. – У него оруженосец на переправе с лодки упал.
- Он что, плавать не умел? – удивился Трикс. – Умение плавать должно входить в список достоинств благородного человека!
- Ишь ты, умный... – усмехнулся оруженосец. – Умел. Только не в доспехах. А они как раз плыли к острову, где засели коварные браконьеры, засыпающие их дождем отравленных стрел.
- Еще сэр Паклус, – сказал оруженосец сэра Хойра. – Я вчера слышал, у него опять оруженосец накрылся. Как его звали-то?
- Да разве оруженосцев Паклуса упомнишь? – пожал плечами неприветливый. – Круглолицый такой, веселый, одевался ярко... А что, Паклус опять ходил мага воевать?
- Ходил, – ухмыльнулся оруженосец. – Когда уж самого прищучат?
- Доспехи у него заговоренные и амулет сильный...
- Зачем он ходил воевать с магом? – удивился Трикс. – И что за маг?

– У, маг еще тот! – оруженосец сэра Хойра оживился. – Из старых, из магов Черной Переправы! Те, которые тридцать лет назад сражались во второй магической и выжили. А сэр Паклус – дурак.

– Не дурак, а человек с обостренной честью! – поправил его товарищ.

– А, это обычно одно и то же... Так вот, сэр Паклус как-то повздорил с одним магом. И объявил, что рано или поздно победит его в честном поединке. Только, сам понимаешь, дело это непростое.

– И страдают в основном оруженосцы? – уточнил Трикс.

– Верно! – Парень хлопнул его по плечу. – Ты начинаешь понимать!

Трикс задумался. Потом спросил:

– И как мне их узнать... Гламора и Паклуса? Особенно Паклуса! Чтобы подойти не к нему.

– Умнеет на глазах! – восхитился оруженосец сэра Хойра. – Гламор – ярко-рыжий, веселый, все время хохочет и улыбается.

– А Паклус – маленький такой, кряжистый, бородатый, но лысый, – неприветливый оруженосец хмыкнул. – На гнома чуток похож... только ты это при нем не ляпни, убьет на месте!

Трикс кивнул.

– Спасибо большое. Я попробую.

Оруженосцы с любопытством смотрели, как Трикс храбро входил в таверну. Потом оруженосец сэра Хойра сказал:

– Ставлю три против одного – его не возьмут.

– Даже спорить не стану, – ответил товарищ.

– Ну и здоровее будет, – подытожил оруженосец сэра Хойра.

На этом оптимистическом пожелании они закончили свое участие в судьбе Трикса и вернулись к уходу за лошадьми.

В «Чешуе и когтях», в отличие от «Щита и меча», было шумно и весело. Звенели кольчуги, громыхали доспехи, громко общались рыцари. Трикс насчитал десятка два – и молодых, и старых; покрытых ранами ветеранов и пышущих силой и здоровьем новичков. Пахло полиролью для металла, седельной мазью и, конечно же, лошадьми. Некоторые рыцари были с оруженосцами, некоторые без. Большинство сидело компаниями, обсуждая какие-то свои, рыцарские проблемы. До Трикса доносились отдельные реплики:

– ... тут я ему говорю: давай сразимся, как благородные люди...

– ... разве меч против секиры выстоит? Разве что двуручный...

– ... и сильным ударом поверг прославленного сэра Чобальда наземь...

Трикс с любопытством отметил, что в этом трактире не признавали простых и дешевых прямоугольных столов – только круглые. Видимо, чтобы благородные рыцари не спорили, чье место во главе стола.

Еще здесь не признавали скатертей, тарелок и столовых приборов. Ели с изрезанных ножами деревянных досок, благо пища большей частью была простая – вареное или жареное мясо с овощами и хлебом. Для еды использовали кинжалы – и широкие боевые, с зазубренными хищными лезвиями, и тонкие длинные мизерикорды. Похоже, в этом был какой-то особый рыцарский шик, потому что те немногие оруженосцы, которые удостоились чести сидеть рядом с господами за столом, ели обычными вилками, пряча их после еды за отвороты сапог. Толстый усатый рыцарь, вгрызаясь в тушеную свинячью ногу и обильно запивая ее темным пивом, вещал товарищам:

– А я что вам говорил? Печеное колено дикого вепря – вот настоящая еда!

Трикс сглотнул слюну – его молодой растущий организм был бы не против обедать два-три раза в день, не пренебрегая при этом завтраком и ужином. На него никто не обращал особого внимания, и он мог без помех поискать среди рыцарей сэра Гламора.

Впрочем, долго искать не пришлось. Гламор и впрямь был самым рыжим, самым шумным и самым веселым из собравшихся в трактире. Отполированный рыцарский шлем модной модели «Волчья пасть» стоял перед ним на столе, длинные рыжие кудри красиво лежали на стальном воротнике кольчуги. В данный момент Гламор, размахивая кружкой с остатками эля, рассказывал троим товарищам какую-то историю:

– Попали, значит, маг, рыцарь и вор на необитаемый остров, к дикарям-людоедам...

– Постой, – прервал его один из слушателей. – А с чего это вдруг рыцарь, маг и вор вместе путешествовали?

– Не важно! – отмахнулся Гламор. – Допустим, они искали сокровища. Рыцарь бился с врагами, маг осуществлял поддержку волшебством, а вор вскрывал замки и обезвреживал ловушки. Плыли на корабле, а тот потерпел крушение...

– Ну, если так... – с сомнением протянул скептически настроенный слушатель. – Тогда конечно... Только я бы еще в команду клирика взял. Раны залечивать, то да сё...

– И еще одного рыцаря и одного мага! – вставил второй слушатель. – Хорошая партия – она из шести человек состоит!

– Лучше не мага, а достойного барда! – вступил в разговор третий. – Опытный бард – он любого мага стоит!

– Бард – это голова, – согласился скептик. – Барду палец в рот не клади...

– Друзья! – Сэр Гламор возвысил голос. – Друзья мои! Мы рассматриваем гипатите... гипитети... гипотетическую ситуацию! Ну, то есть на самом деле этого не было!

– И все равно лучше вшестером, – сказал скептик. – Даже ги... гипотетически!

– Согласен. – Сэр Гламор не растерялся. – Их было шестеро. Но один маг, один рыцарь и один клирик потонули в бурных водах при кораблекрушении!

Наступила тишина. Потом все трое слушателей, лязгая железом, встали.

– Не чокаясь, – предупредил скептик. – Как звали-то нашего достойного брата?

Сэр Гламор крикнул и посмотрел в потолок. Потом на Трикса. Подмигнул ему. Сказал:

– Его звали сэр Например.

– Помянем благородного сэра Напримеры... – Скептик одним махом выпил пиво. – Видимо, этот рыцарь был с далеких восточных рубежей?

– С них самых, – мрачно сказал сэр Гламор. – Итак, попали рыцарь, маг и вор на необитаемый остров к дикарям-людоедам. Те их схватили...

– Как это – схватили? – возмутился теперь уже другой рыцарь. – Без боя?

– После долгого и кровопролитного сражения! – быстро ответил Гламор. – Схватили и говорят: мы вас съедим. А отпустим только того, кто совершит три великих подвига: выпьет ведро забродившего кокосового сока, поцелует в глаз циклопа и удовлетворит в постели ненасытную туземную женщину.

– Какие странные обычаи... – задумчиво сказал скептик. – Я еще понимаю – женщину. Многие дикие племена заставляют пленников оставлять им потомство, поскольку это препятствует вырождению. Но зачем целовать в глаз циклопа? Это какой-то варварский религиозный культ?

– Да, и ведро забродившего сока – тоже странно! – вставил молчавший до сих пор рыцарь. – Туземцы и сами очень жадны до выпивки и не разбрасываются ценным продуктом.

Гламор махнул рукой и сел. Выпил пива. Сказал:

– Будем считать, что я закончил свой рассказ... Нет, все-таки зря некоторые пренебрегают толстой войлочной подкладкой в шлеме... Эй, мальчик, ты хотел что-то спросить?

Трикс робко подошел к столу. Честно говоря, сэра Гламор ему очень понравился. Нет, бесспорно, он тоже мог отпустить затрепину оруженосцу... но вот воровать у селян курицу вряд ли бы послал. Скорее, отправился бы на дело сам, посмеиваясь и похихикивая.

– Я имею высокую честь лицезреть благородного сэра Гламора? – спросил Трикс.

Рыцарь усмехнулся:

– Достойное обращение заслуживает достойного ответа. Да, юноша. Я – сэра Гламор.

С некоторым усилием Трикс заставил себя опуститься на одно колено и произнес:

– Благородный сэра! Я смиренно молю вас оказать мне великую честь – принять меня на службу оруженосцем. Клянусь, что не опозорю ваше славное имя и буду сносить тяготы служения с достоинством и смирением!

– Хорошо сказано, – задумчиво сказал Гламор.

– Красиво излагает, – умиленно подтвердил тот рыцарь, что слушал сэра Гламора с наибольшим скепсисом. – Эх! Давненько не встречал такого умного оруженосца. Жалко, что мой от горячки оправился, я бы сам его на службу взял.

Трикс терпеливо ждал.

Сэра Гламор вздохнул, протянул руку и потрепал Трикса по голове. Потом торжественно произнес:

– Я выслушал твои слова, юноша, и счел их красивыми по форме и достойными по содержанию. И будь к тому возможность, я взял бы тебя в оруженосцы и помог бы стать настоящим рыцарем. Но...

– Но? – растерянно спросил Трикс.

– Но ты не рыжий.

Трикс заморгал от удивления. Сэра Гламор снова вздохнул и пояснил:

– Славный юноша, знай же, что когда я стал рыцарем, то дал обет брать себе оруженосцев только из числа тех, кого природа наделила рыжим цветом волос. Ибо в детстве мне довелось испытывать насмешки товарищей из-за неблагородного оттенка моей шевелюры. Немало горести принесли мне глупые простонародные поверья о том, что рыжие отлынивают от работы, склонны к убийству своих дедов и прочие глупости. Поэтому я привечаю рыжих мальчишек и по мере сил помогаю им устроиться в этом жестоком мире.

Трикс поднялся с колен. Развел руками. Сказал:

– Сэра Гламор... неужели нет никакого выхода?

– Нет, – печально ответил Гламор. – И это меня тоже огорчает. Но обет для рыцаря – нерушим.

Он похлопал Трикса по плечу тяжелой рыцарской дланью.

– Удачи тебе, юноша. Надеюсь, ты встретишь достойного господина и однажды мы с тобой преломим копьё на ристалище!

Сомневаться в словах Гламора не приходилось. Этот рыцарь был не из тех, кто способен преступить свой обет.

– И вам достойных подвигов, сэра рыцарь, – печально сказал Трикс.

Никогда он не думал, что благородный черный цвет волос («Волосами в мамку пошел, цвет воронова крыла!») – говорила ему нянька, когда он был совсем маленьким) однажды его подведет. На глаза невольно навернулись слезы, и он поспешно отвернулся, чтобы сэра Гламор не увидел такой недостойной слабости. Ничего не видя перед собой, Трикс сделал пару шагов – и уткнулся в холодный металлический панцирь.

– Сядь, – сухо сказали ему.

Чья-то рука опустила его на крепкий деревянный стул, привыкший выносить тяжесть закованных в броню рыцарей. Другая рука пододвинула здоровенную кружку с пивом.

– Выпей, – шепнул незнакомец. – А то заметят, что плачешь, – смеяться начнут. Рыцари, они как дети. Даже еще хуже. Всегда готовы высмеять чужую слабость... и поплакаться в жилетку.

Трикс глотнул пива – сладковатого и крепкого. Украдкой смахнул с ресниц слезы. И посмотрел на участливого собеседника.

Рядом с ним сидел кряжистый, невысокий – ростом с Трикса, рыцарь лет сорока – сорока пяти. Лысая голова сверкала не хуже надраенного шлема. Над огромной бородой сверкали глубоко посаженные глазки. Взгляд их был на удивление умным и участливым.

– Сэр Паклус... – выдавил Трикс.

– А ты неплохо подготовился, сынок, – сказал сэр Паклус. – Твердо решил податься в оруженосцы?

– Ну... – запаниковал Трикс. – Я...

– Только не ко мне, – мрачно сказал Паклус. – Извини, парень, но служба у меня еще никому не приносила удачи. Позавчера вечером я потерял третьего.

– Мне очень жаль, сэр... – прошептал Трикс.

– Третьего за год, – уточнил Паклус. – Знаешь, мне надоело терять оруженосцев.

– А почему вы их теряете? – неожиданно для себя спросил Трикс.

– Потому что воюю с магом. – Паклус поморщился. – Мне пока везет... а мальчишкам – нет. Хватит с меня! Стыдно возвращаться в Дилон и смотреть в глаза матерям.

– Моя мать погибла, – неожиданно для себя сказал Трикс. – Даже если со мной что-то случится, вам не придется смотреть ей в глаза. А мне, чтобы отомстить, надо стать рыцарем. Помогите мне, сэр Паклус! Возьмите в оруженосцы!

Похожий на гнома рыцарь пытливо посмотрел на Трикса. Произнес:

– А ты, похоже, не из простой семьи...

Трикс промолчал.

– Не проси. – Паклус покачал головой. – Не надо. Я жду торговца, который должен принести мне могущественный артефакт... а после этого вновь отправлюсь к башне мага. Не хватало мне еще тащить с собой необученного мальчишку!

– Но ведь кто-то должен будет держать вашего коня, – сказал Трикс. – Или проверять, не притаились ли в кустах разбойники.

Сэр Паклус побагровел:

– Я не посылаю детей в бой вместо себя! Нет, нет и нет!

Трикс закусил губу. Ему вдруг вспомнился разговор с оруженосцами у таверны.

– Сэр Паклус, – тихо произнес Трикс. – Ведь вам ведомо, что это такое – честь. Помогите мне отстоять честь моего рода! Я – Трикс Солье, наследник со-герцога Рата Солье, коварно преданного и убитого со-герцогом Сатором Гризом.

Сэр Паклус клацнул зубами и в немом удивлении уставился на Трикса. Потом поднялся (став при этом ненамного выше ростом) и достал из ножен двуручный меч.

Трикс сглотнул слюну и встал перед сэром Паклусом на колени.

А что, если сэр Паклус имеет какие-то свои обиды на род Солье? Ведь рыцарь не зря достает свой меч. Он может принять оруженосца на службу, а может и отрубить ему голову. Конечно, такое случается редко...

Сэр Паклус вытянул руку с мечом.

В таверне наступила тишина.

Трикс на всякий случай закрыл глаза.

5

Рыцари, помимо умных и глупых, вспыльчивых и рассудительных, добрых и не очень, делятся еще на две группы. Одна считает делом доблести ночевку под проливным дождем в кустах дикой колючки и кусок размокшего хлеба на завтрак. Другая полагает, что ничего ужасного не произойдет, если рыцарь заночует на постоялом дворе, поспит на кровати и позавтракает яичницей с ветчиной. Отличить их очень просто – от второй группы меньше пахнет и лицо у них более здорового цвета.

Сэр Паклус, на счастье Трикса, был не только рассудительным и добрым, но еще и склонным к комфорту. Поэтому ночевал рыцарь со своим новым оруженосцем в трактире на выезде из Дилона, не слишком роскошном, но все-таки чистеньком и с недавно вытравленными магией насекомыми.

– Это, парень, великая вещь, когда в кружке тараканов не находишь, а по ночам тебя клопы не грызут, – устраиваясь на единственной кровати, сказал Паклус. – А уж самое плохое – когда тебя паразиты под кольчугой грызут и почесаться нельзя. Правда, боевой ярости способствует значительно, что есть, то есть.

– А как их выводили? – взбивая свой соломенный тюфяк, брошенный у дверей (чтобы коварный враг, войдя, запнулся об оруженосца и вынужден был потратить время, перерезая ему горло), сказал Трикс.

– Как-как... – Сэр Паклус почесал волосатый живот. Рыцарь вообще отличался изрядной волосатостью, что стало ясно, когда Трикс помог ему снять кольчугу и рубаху, и Паклус остался в одних штанах. – Магией, конечно. Магия, парень, это великая сила!

– Я думал, вы магию ненавидите, – задумчиво сказал Трикс. – Ну... раз воюете...

– Магию? Ненавижу? – Паклус выпучил глаза. – Да ты, я вижу, совсем недотепа! Как можно магию ненавидеть? Она и в бою для рыцаря первый помощник, и в быту всем нужна. Кто землепашцам погоду предскажет? Маги! Кто монстров огненным дождем окатит или в лед вморозит? Маги! Раны кто вылечит, донесение через всю страну перешлет, обстановку посредством хрустального шара разведает? Маги, маги и еще раз маги! Все может магия.

– Тогда вы не любите магов? – предположил Трикс. Глаза у него уже слипались, но ему было интересно, а Паклус тоже был настроен поговорить. – Или мага? Вот того, которого мы воевать завтра едем...

– Я не люблю магов? – Паклус фыркнул. – Да если бы не маги, нас бы давно Самаршан завоевал. Или северные варвары. Или маги-витаманты, что после второй магической укрылись на Хрустальных островах.

– Тогда мага? – повторил Трикс.

– Радиона Щавеля? Я не люблю Радиона Щавеля? – Теперь Паклус возмутился по-настоящему. – Да будет тебе известно, непочтительный отрок, что во вторую магическую мы вместе с Радионом стояли насмерть у Черной Переправы! И мой меч сдерживал натиск уживленных, пока Радион собирал силы для заклинаний. А потом еще много раз судьба посылала нам совместные подвиги!

– Тогда я ничего не понимаю, – признался Трикс. – Зачем же вы с ним воюете?

– Потому что полтора года назад мы поспорили за чашей доброго вина. – Паклус со вздохом опустил голову на гладко обструганный чурбанчик, заменявший на постоялом дворе подушку. – Радион заявил, что маг – всегда сильнее рыцаря. И в честном бою рыцарю не победить мага. А я сказал, что смогу! С тех пор пытаюсь взять штурмом его башню. Но... пока не получается.

Трикс молчал, переваривая услышанное.

– Та чаша с вином была большая... – задумчиво сказал Паклус. – И, кажется, не одна. Но клятва была – мы оба в этом совершенно уверены! А клятва есть клятва...

Трикс подумал об оруженосцах, которые были оруженосцами. Но промолчал. Все-таки он сильно повзрослел за три последних дня.

– Оруженосцев вот только жалко, – вздохнул Паклус, будто прочитав его мысли. – Я#то и снаряжен получше, и сопротивление к магии имею...

Он вдруг осекся, будто сказал что-то лишнее. Но Трикс, который ничего не понял, молчал.

– Чтобы не было недоговорок! – внезапно сказал Паклус посуровевшим голосом. – Я – на четверть гном. А все гномы сопротивляются магии, это у них врожденное. Что ты имеешь против гномов?

– Я? – растерялся Трикс. – Ничего. Я в летописях читал, что иногда гномы и люди не воевали, а даже вместе сражались. Ну, против эльфов или если добыча ожидалась большая.

– Верно, – подобревшим голосом сказал Паклус. – Если уж честно, то гномы меня своим не считают. У меня бабушка была гномом. Очень редкий социальный казус. А у гномов род наследуется как у людей, по отцовской линии, по материнской – только у эльфов.

– Это, наверное, очень романтическая история, – сказал Трикс. – Ну, бабушка-гном. Да?

Паклус рывком сел на кровати. Схватил свечу, подошел к соломенному тюфяку. Склонился над Триксом, поднес свечу к его лицу и подозрительно всмотрелся. Не обнаружив и следа ухмылки, сконфуженно улыбнулся, потрепал Трикса по голове, загасил грубыми пальцами фитиль и пробормотал:

– Спать уже пора, завтра рано в путь...

– Спокойной ночи, господин, – с некоторым усилием пролепетал перепуганный Трикс.

– Спокойной ночи, оруженосец. – В голосе Паклуса все еще слышалось смущение. Он грузно сел обратно на кровать. Поворочался, укладываясь. Потом сказал: – Ну... романтическая, согласен. Бабушку и дедушку во время кораблекрушения волны выкинули на необитаемый остров.

– И там были дикари? – спросил Трикс.

– Что? Какие еще дикари, остров же необитаемый! Никого там не было. Даже козочек. Дедушка пять лет держался, а на шестой год все-таки сделал бабушке предложение. Ну... не железный он был все-таки. А через год, как раз матушка моя тогда родилась, к острову пристал пиратский корабль – запасы воды пополнить. Дедушка с бабушкой его захватили и уговорили головорезов отвезти их на материк. Бабулю свои бы уже не приняли, это у гномов строго... ну а дед – он строгих правил был. Раз поженился, так поженился. Опять же дочку он любил. До старости самолично ее брил!

Трикс молчал, ошарашенный этой эпической картиной.

– Очень скучаю по дедушке, – продолжал Паклус. – Умер он недавно.

– А бабушка? – решил спросить Трикс.

– Бабушке-то что? Она же гном. По-прежнему на кузне, с утра до вечера молотом машет. Доспехи мои она лично ковала! В них, кстати, тоже защитная сила от магии есть. Бабушка у меня мастерица на все руки... – В голосе Паклуса прорезалась нежность. – Пивные кружки себе кует, заколки для бороды...

– У меня бабушка тоже... любила гладью вышивать, – рискнул вставить Трикс.

– И правильно, – одобрил Паклус. – Каким бы ты высокородным ни был, а умеи что-то своими руками делать. Ну ладно... спи давай.

Глаза у Трикса уже совсем слипались, а язык едва ворочался. Он быстро и крепко заснул.

Паклус еще долго ворочался, разок вставал по нужде, а возвращаясь со двора, с грубоватой симпатией посмотрел на съездившегося на тюфяке Трикса, после чего заботливо укрыл своим одеялом. Ночь была прохладной, с моря тянуло свежестью. Паклус же, как любой человек с примесью гномьей крови, холод переносил стоически.

Давно известно, что лучший способ узнать, процветает ли государство, – проехать по его дорогам. Честолюбивый и жестокий правитель, разорив крестьян и обложив поборами горожан, может воздвигнуть столицу неопишуемой красоты. Правитель ленивый и безвольный, попустительствуя простому люду, может позволить селам и городам расти и процветать, в то время как государство чахнет и гибнет. Но и у того, и у другого в самом большом запустении окажутся дороги, ибо только властитель, сочетающий в себе твердость и уступчивость, волю и терпение, способен накинуть на всю страну сеть дорог, что свяжет ее крепче солдатских алебард, общего языка или даже общей веры.

Дороги в королевстве были. И были они где как. Но в княжестве Дилон, и этого никто бы не посмел отрицать, дороги содержались в порядке. Иногда земляные, иногда мощенные камнем или каменным деревом, с мостами и переправами в нужных местах, с придорожными трактирами, конюшнями и небольшими форпостами стражи. Конечно, в местах совсем уж диких случались и разбойники, и бездорожье (никто не знает, что хуже и что приносит казне больше ущерба), но по большей части путешествовать по Дилону было приятно.

Трикс с огромным удовольствием восседал на смирном чалом жеребце, рыжем с белым хвостом. Жеребец был немолод и потому спокоен, но еще и не стар – так что после закованных в броню рыцарей нес мальчишку на спине легко, будто перышко. Когда Трикс временами поддавал ему шенкелей, конь удивленно поворачивал голову – будто забыв, что на нем восседают всадник. Скорее всего так оно и было. Конь Паклуса, каурый молодой жеребец, гордо вышагивал впереди, а чалый Трикса неспешно следовал за ним. Город Дилон остался позади, и рыцарь с оруженосцем ехали посреди бескрайних пшеничных полей.

– Сэр Паклус, а как вы собираетесь победить Радиона Щавеля? – спросил Трикс, когда ему наскучило любоваться пейзажами. Он по-прежнему был в своей одежонке, поскольку желтые штаны и оранжевую рубашку, оставшуюся от прежнего оруженосца, отказался надевать наотрез. Паклус и не настаивал, буркнув, что вкусы у мальчишки были странные, «ты бы еще на его голубую шляпу посмотрел!».

– Амулет, – коротко ответил рыцарь. Он ехал с непокрытой головой, держа шлем на сгибе руки, а на голову для защиты от солнца приспособив белый платочек. – Тот, который вчера принес горбатый карлик. Если не врет, то четверть часа ни одна магическая атака Радиона меня не проймет.

– А меня? – поинтересовался Трикс. Ему показалась сомнительной сама суть состязания рыцаря и мага, раз уж рыцарь пользуется магическими амулетами. Но он благоразумно решил эту тему не развивать.

– Ты будешь держаться в сторонке. – Паклус приставил ладонь к глазам, всматриваясь в даль. – Ага... уже показалась. Значит, и он нас видит...

– Радион?

– Кто ж еще.

Всмотревшись, Трикс и впрямь заметил на горизонте верхушку башни. Как положено каждому уважающему себя магу, не состоящему на службе, Радион Щавель жил в собственной башне, где и занимался волшебством и чародейством.

Трикс нервно поежился. Ему почему-то представлялось, что ехать они будут долго... несколько дней...

– А в Дилон господин Щавель не выезжает?

– И в Дилон, и в Босгард – это городишко рядом с его башней. Он там вроде как чародеем подрабатывает... ну, не на постоянной службе у магистрата, а так, по мере надобности.

– Может, стоило с ним в городе сразиться? – спросил Трикс. – А то в башне ему куда удобнее обороняться.

– Юноша, ну сколько тебе говорить – это должен быть честный поединок! – вспылил Паклус. – Никаких нападений из-за угла. Никаких засад. Честный бой – приехал, вызвал на поединок, уехал.

Трикс снова вспомнил о тех оруженосцах, что уехать не смогли, и горько вздохнул.

– Будешь держаться в сторонке, – повторил Паклус. – Ничего с тобой не случится... Ты хоть знаешь, что такое магия?

– Конечно. У отца был чародей на службе. Ну... слабенький, – признал Трикс. – Но колдовал понемножку.

– Ну да, да... – Паклус кивнул. – Забыл, что ты благородных кровей. А в чем суть магии, знаешь?

– Конечно. Суть магии – это власть над миром, выраженная в словесной форме. Слова, содержащие в себе волшебную силу, могут менять реальный мир – превращать ничто во что-то, одно в другое, а другое снова в ничто. В общем, что захочешь, то и могут сделать! – жизнерадостно закончил Трикс. И тут же, осознав сказанное, снова помрачнел.

– Правильно, – согласился Паклус. – Так оно и есть. Но ты слишком уж не переживай – это все в теории. А на практике маги вовсе не всесильны!

Некоторое время они ехали молча.

– Хотя Щавель весьма близок к всемогуществу... – с неожиданной гордостью добавил Паклус. – Видишь, башня у него какая? Из слоновой кости! Как положено!

Башня, до которой оставалось не менее двух миль, и впрямь уже была хорошо видна. Трикс потрясенно уставился на молочно-белую иглу, вонзавшуюся в небо, – высотой башня была в сотню локтей. Внизу башню подпирали могучие контрфорсы из черного камня. На всем протяжении украшала затейливая резьба; кроссы, они же краббы, на фронтонах; балкончики, которые поддерживали атланты и кариатиды; многочисленные розетты и аркатуры; окошечки с узорчатыми переплетами и дружелюбно распахнутыми, не менее узорчатыми ставнями; торчащие прямо из стен горгульи и прочие архитектурные излишества. Кроме слоновой кости в декоре использовался только хрусталь – он сверкал на окнах, и какой-то черный камень – им выделялись отдельные, видимо, представляющиеся магу самыми важными в композиции элементы статуй.

Вверху башня из слоновой кости расширялась, образуя жилую часть размером с солидный особняк в три этажа. Тоже затейливый, с башенками-вимпергами на углах, ажурной балюстрадой по краю крыши и даже с ветряком наподобие мельничного.

Почему-то Триксу подумалось, что на эту крышу должны регулярно приземляться ездовые драконы.

– Где же он взял столько слоновой кости? – потрясенно спросил Трикс. – Это же всех слонов в мире надо было истребить!

– Как где? Наколдовал! Да и кость только снаружи, для красоты, внутри башня каменная.

– Разве это можно? Наш маг говорил, что наколдованные вещи прочностью настоящих не обладают, быстро рассыпаются в прах...

– Плохой у вас был маг, – сурово сказал Паклус. – У настоящего волшебника наколдованные предметы – лучше, чем настоящие.

– А мне где нужно вас ожидать? – спросил Трикс. – Я не со страха, я так, для общего развития спрашиваю...

– Видишь рощицу? – Паклус протянул закованную в железо руку. – В ней и пересидишь. Щавель природу любит, деревья файерболами жечь не станет. Вон... видишь, какой цветник развел вокруг башни... сплошной розарий.

На взгляд Трикса рощица была слишком уж близко к башне – от силы миля. Но все-таки укрытие... да и природу маг любит...

– Спасибо большое, – сказал Трикс.

В молчании они доехали до рощицы, где и остановились. Паклус, подозрительно косясь на башню, достал из седельной сумы амулет – здоровенную пятиконечную звезду из рубиново-красного камня. Ловко прицепил ее на шлем, кивнул Триксу – и тот помог рыцарю закрепить шлем на доспехах.

– Древний и могущественный магический символ, – сказал Паклус озабоченным голосом. – Говорят, когда-то он оберегал целый народ. Мощнее его разве что желтая шестиконечная звезда, но на такой сильный амулет нужно разрешение капитула магов.

– А как вы войдете в башню?

– Там дверь есть. Добраться бы... до башни.

Паклус пробормотал что-то, подозрительно смахивающее на обращение к Хрогу, богу гномов. Вытянул из ножен меч, пришпорил коня. Тот, явно раздосадованный таким обращением, с ходу пошел в бодрый аллюр. Вокруг башни не было ни лесов, ни полей, один лишь ровный зеленый луг, неожиданно изобильно поросший алыми розами. Конь скакал по лугу легко, будто по ровной дороге.

Трикс спешился, накинул поводья на удобный кривой сук и, затаив дыхание, стал следить за Паклусом. Его конь меланхолично попробовал траву, счел ее невкусной и стал обнюхивать ухо Трикса. Мальчик на всякий случай отодвинулся. Обиженный таким недоверием конь принялся пастись.

Сэр Паклус, высоко воздев руку с мечом, скакал к башне. Ну, если честно, то не очень высоко. Руки у Паклуса были мускулистые, но короткие. Трикс поймал себя на мысли, что боевой молот или метательный топорик смотрелись бы в руках Паклуса куда уместнее.

Но у рыцарей не принято сражаться молотами. Это удел гномов.

Некоторое время ничего не происходило, и Трикс начал надеяться, что волшебника Щавеля нет дома. Может, колдует для магистрата Босгарда? Или вышел нарвать трав для магических зелий... щавеля для щей...

Однако его надежды не оправдались. Вершина башни вдруг засияла призрачным красным светом. В воздухе над башней появился прозрачный морок – огромное человеческое лицо. Очевидно, это и был Радион Щавель.

Маг оказался упитанным коротко стриженным человеком средних лет. Пожалуй, он бы выглядел вполне мирно, если бы не сурово нахмуренные брови, полыхающие огненными протуберанцами глаза и размеры. Лицо медленно склонилось – Трикс с замиранием сердца понял, что это именно одно лишь лицо, что-то вроде повисшей в воздухе, пустой внутри маски, – и посмотрело на сэра Паклуса.

Рыцарь скакал к башне.

Маг нахмурился еще сильнее. Надул щеки. И дунул на Паклуса с высоты своей башни.

В одно мгновение разразилась буря. Трава на лугу полегла. Деревья над головой Трикса закачались и затрещали. Конь сэра Паклуса встал на дыбы, завертелся. Рыцарь попытался удержаться, но не смог, помешал вздетый к небу меч. Громяющей грудой железа сэр Паклус рухнул на траву. Каурый, презрев воспетые в балладах доблести рыцарских коней, поскакал назад.

– Не работает амулет... – в ужасе выдохнул Трикс.

Однако он был не совсем прав. Лишившийся коня Паклус встал, помотал головой и двинулся к башне. Ему бушующий ураган ничуть не мешал. Видимо, амулет защищал только самого человека, а не его лошадь.

Лицо мага помрачнело. Он перестал дуть. Прищурился. Из глаз вырвались ветвистые белые молнии и стали молотить по лугу. Одна из молний ударила прямо в шлем Паклуса. Из шлема посыпались разноцветные искры.

Но рыцарь упорно шел вперед. До Трикса долетели приглушенные расстоянием ругательства и обещания отдубасить заносчивого мага до полусмерти.

Маг задумался. Потом широко открыл рот и заорал. Вопль был так громок и ужасающ, что его, пожалуй, могли услышать и в Дилоне. Трикс закрыл ладонями уши и закричал в ответ – ибо известно, что лучший способ не оглохнуть от громких звуков, это орать самому.

Но дело, оказывается, было не в крике. Из рта мага, крутясь и вращаясь, вылетали какие-то смятые, спрессованные комки. Они падали на землю, разворачивались – и превращались в омерзительных монстров. Были там и юркие твари, похожие на обезьян, и кряжистые минотавры, и высоченные рогатые демоны, и подпрыгивающие глазастые шары, похожие на комки сырого мяса. Похоже, на монстров действие амулета не распространялось – они радостно бросились на сэра Паклуса.

Впрочем, и рыцарь, казалось, был только рад их появлению. Первого же минотавра он рассек мечом напополам, брошенный обезьяной огненный шар отбил мечом – да так ловко, что огонь испепелил ближайшему демону рога вместе с головой. Размахивая мечом и не подпуская к себе тварей, рыцарь продвигался к башне, оставляя за собой изрубленные страхолюдные туши и лужи разноцветной крови.

– Ура! Ура, да здравствует доблестный сэр Паклус! – закричал Трикс, прыгая на месте. Он внезапно перестал стесняться своего положения оруженосца, напротив, нашел в нем некоторые преимущества. Подвиг совершал Паклус, а он, Трикс, получит полное право говорить: «Когда мы с сэром Паклусом укрощали великого мага Радиона Щавеля...»

Но вот кричать было ошибкой. Это Трикс понял сразу, как только один из минотавров, приземлившийся довольно далеко от Паклуса, обернулся на крики – и бодро затрусил по направлению к рожице.

Первым понял ситуацию чалый, который не зря прожил долгую жизнь под рыцарским седлом. Одним рывком конь сорвал поводья с ветки и поскакал через рожицу к своему каурому собрату, стоявшему на безопасном расстоянии у самой дороги. Триксу осталось лишь проводить его взглядом – и снова посмотреть на минотавра.

Тварь на бегу скалилась жуткой бычьей пастью. Вопреки природе (хотя чего хорошего можно подумать о природе при виде минотавра?) пасть была оснащена острыми хищными клыками. Поросшее грубой рыжей шерстью тело минотавра прикрывал грубый пластинчатый доспех. В руках, будто не полагаясь на свою силу и клыки, минотавр держал длинную алебарду.

Трикс завопил так пронзительно, что даже Паклус, почти добравшийся до башни, его услышал. Рыцарь повернулся, долю секунды колебался, а потом, рассыпая проклятия, кинулся на выручку оруженосцу. Мчался Паклус удивительно быстро для своих коротких ног, но никаких сомнений в исходе забега не оставалось. У минотавра было достаточно времени, чтобы нарубить из Трикса отбивных и слопать их. Может быть, даже слегка обжарив на костре.

Впрочем, вид минотавра наводил на мысли о том, что он согласен есть мальчиков и сырыми.

Первая мысль, которая ухитрилась заползти в голову к Триксу, была довольно разумной.

Умеют ли минотавры лазить по деревьям?

Однако беглый взгляд на ближайшие деревья поверг Трикса в уныние. Самое высокое деревце было в два человеческих роста. Минотавр смахнет его алебардой с верхушки, даже не вставая на цыпочки.

Вторая мысль, как оно обычно и случается в критических ситуациях, была глупой.

Минотавр, как всем известно, это наполовину человек, а наполовину животное. И как всякое монстрическое животное, он боится яркого огня, текучей воды и уверенного человеческого взгляда...

Будь Трикс чуть менее напуган, он бы заметил, как минотавр на ходу перепрыгнул через дымящуюся воронку, оставшуюся в земле от попадания магической молнии, ничуть не озаботившись, пробежал босыми ногами по горящей траве, а потом легко перемахнул через быстрый ручеек.

Но от страха Трикс не видел ничего, кроме злобных, налитых кровью глазок, острых рогов, оскаленных клыков и спутанной рыжей шерсти на морде минотавра. Он выпрямился, пытаясь придать себе горделивую осанку (будь его рост чуть выше – это бы получилось), вперил взгляд в глаза минотавра и закричал изо всей силы (голос дал петуха, но зато вышло громко):

– Стой! Перед тобой человек!

Прозвучало это гордо, но минотавр, конечно же, не остановился. А то, что мальчишка стоял на месте и смотрел ему в глаза, его, похоже, только разъярило. Он запрокинул голову, издал громкий рев и на бегу замолотил себя левой рукой по груди. Железный панцирь грохотал, покрываясь глубокими вмятинами. В правой руке минотавр по-прежнему сжимал алебарду.

Трикс уже ничего не соображал. Убегать было поздно, лезть на дерево глупо, сражаться – просто смешно.

Трикса несло.

– На колени! – крикнул он. – Твоя ярость бессильна перед моей отвагой! Еще шаг – и ты сдохнешь в страшных муках! Твое сердце остановится, а дыхание прервется!

Минотавр остановился и удивленно уставился на Трикса. Чудовище и мальчика разделяло от силы десять шагов. Триксу показалось, что он чувствует зловонное дыхание монстра. Маленькие злые глазки подозрительно смотрели под ноги, будто ожидая увидеть там ловушку.

– Сделай лишь шаг – и ты умрешь, как безмозглый бык на бойне! – пригрозил Трикс. – Моли меня о пощаде, чудовищная тварь, порождение тьмы и хаоса!

Непонятно, что именно разозлило минотавра – сравнение с быком или фраза о тьме и хаосе, откуда он, собственно говоря, и происходил. Но чудовище вновь оскалилось, сделало уверенный шаг к Триксу.

И замерло.

На морде минотавра медленно появилось удивленное выражение. Он выпустил алебарду и принялся обеими руками сдирать с себя доспехи. Крепкие кожаные ремешки, которыми были связаны железные пластины, не выдержали и разорвались, доспехи чешуей осыпались под ноги минотавру. Монстр принялся скрести лапами по груди. Потом несколько раз сильно ударил себя кулаком где-то в районе сердца. Облегченно и шумно выдохнул. Отступил на шаг. С опаской уставился на Трикса.

Трикс с куда большим испугом глядел на минотавра.

Монстр обернулся и посмотрел на башню из слоновой кости, на лицо мага, которое плавало в воздухе и, казалось, всматривалось сейчас в их сторону.

– Вот только попробуй! – пригрозил Трикс. Взгляд его упал на валявшийся под ногами камень – гладкий, обточенный водой и ветром гольш с кулак размером. – Слышал о том, как великий воин Маргон Зеленозубый поразил циклопа одним метко пущенным камнем?

Трикс поспешно вытащил из штанов ремень, нагнулся, схватил голыш и вложил в петлю. Праща получилась не слишком серьезная, да и в балладу о Маргоне Трикс не сильно верил. Но все-таки...

– Хватит одного камня, чтобы разбить твой череп и расплескать вонючий мозг по окрестностям! – заявил Трикс. – Я сам порой ужасаюсь своих деяний! Никто не чувствует себя в безопасности рядом со мной, когда я беру в руки оружие! Не один зверь пал от моей руки!

Если быть более точными, то от руки Трикса пало два зверя – старый подслеповатый олень, который на охоте налетел прямо на копье (мальчик потом полчаса проплакал в кустах бузины) и молодой глупый кролик, которого Трикс сразил именно из пращи. Белка, в которую он целился, благополучно ускакала.

Минотавр снова посмотрел на башню. Маг теперь явно следил за ними. И лицо его было очень хмурым. А еще к ним приближался Паклус, от которого уже отстали немногочисленные выжившие монстры.

На морде минотавра отразились одновременно отчаяние и злоба. Он снова занес алебарду и шагнул к Триксу.

Мальчик крутанул пращу и выпустил камень куда-то без малого примерно почти в сторону монстра.

Камень понесся по такой причудливой траектории, будто Трикс запустил из пращи сумасшедшую птицу, и с таким пронзительным визгом, будто эта птица была крайне недовольна его действиями. Описав дугу, камень попал прямо в лоб минотавру, между глаз, чуть повыше грозно раздувающихся ноздрей.

Голова минотавра разлетелась осколками костей и мелкой серой морсью. Не издав ни звука, поскольку издавать звуки ему теперь было нечем, минотавр рухнул на траву к ногам Трикса.

Воняло ужасно. Все окрест было покрыто липкой серой гадостью с потрясающе мерзким запахом.

Разогнавшийся Паклус отчаянно попытался затормозить, но не успел. Он со всего размаха налетел на обезглавленного минотавра, выставил вперед руки с мечом – и так и упал, пронзив мохнатую тушу и пригвоздив ее к земле.

– Bravo, bravo! – раздалось за спиной Трикса. – Но совершенно излишне, друг мой.

Борясь с тошнотой, Трикс повернулся и обнаружил стоящего рядом человека. Длинный серый плащ и круглая черная шапочка, расписанная таинственными рунами, не оставляли сомнений, что это маг.

– Радион! – завопил Паклус, ворочаясь на теле минотавра и пытаясь вытащить меч. – Вот ты и попался! Сейчас... сейчас...

Он вдруг принялся сморщился от омерзения.

– Что это за вонь? Если ты решил отравить меня...

– О, вонь – это всего лишь последствия излишне красочного заклинания, – небрежно взмахнул рукой Радион. – Сейчас уберем... – Он поморщился и произнес: – Сладкий и чистый воздух, напоенный дыханием далеких цветочных лугов и снежных горных вершин, омыл поле кровопролитной сечи, унося смрад и зловоние...

В воздухе пахло свежестью. Вонь мгновенно улетучилась.

– Я вызываю тебя на поединок! – вытащил наконец-то свой меч Паклус. – Защищайся, самодовольный сноб!

– Сэр Паклус... – увещевающе начал Щавель. Лицо его было вовсе не столь грозным, как по-прежнему витающая над башней призрачная маска. – Сэр Паклус, возможно, мы оставим наш давний спор ввиду открывшихся обстоятельств...

– Ты сдаешься? – победно воскликнул Паклус.

Маг вздохнул, и Трикс понял, что сейчас все-таки произойдет смертоубийство.

– Стойте, господин! – в панике закричал он. – Стойте! Вы о чем спорили? Что вы сильнее мага? А господин Щавель говорил, что он сильнее рыцаря? Или вы говорили, что магу не победить рыцаря, а господин Щавель говорил, что рыцарю не победить мага?

– Ну? – потрясая мечом, произнес Паклус. – Не помню. Какая разница?

– Так возможно, что вы оба правы? – в приступе красноречия спросил Трикс. – Господин Щавель не смог вас победить – вы правы! И вы не смогли победить господина Щавеля – он прав! Вы же были друзьями! Зачем же вам враждовать до смерти?

Рыцарь задумчиво посмотрел на мага.

Маг широко улыбнулся.

– Ты злодейски умертвил шестнадцать моих оруженосцев! – возмущенно сказал Паклус. – Как я теперь могу с тобой примириться?

Услышав про шестнадцать оруженосцев, Трикс едва устоял на ногах.

– Да кто тебе сказал, что они мертвы? – возмутился Щавель. – Уж кто-кто, а ты должен знать, что я всегда выступал за гуманность в боевой магии!

Паклус крикнул. Покосился на уцелевших монстров, толпившихся на безопасном расстоянии и от скуки уже принявшихся задира друг друга. Вложил меч в ножны.

– Ну, если ты мне докажешь, что они живы... – хмуро сказал Паклус. – Тогда... тогда... презренный негодяй...

– Здравствуй, боевой товарищ! – негромко сказал Щавель.

На глаза Паклуса навернулись слезы:

– Здравствуй, Радик! Здравствуй, волшебник!

Старые друзья шумно обнялись. Маг тоже промокнул глаза широким рукавом плаща.

– Что минотавра своего обезглавил – спасибо, – сказал Паклус. – Это Трикс, мой новый оруженосец. Славный парнишка. Негоже такому гибнуть от лап монстра.

– Это не я, – усмехнулся Паклус. – Это он сам.

– Что он сам? Сам себе голову снес? – не понял Паклус.

– Нет. Это твой оруженосец сам убил минотавра. Камнем из пращи.

Сэр Паклус отстранился от мага, посмотрел на минотавра, потом на Трикса, на ремень в его руках. Захохотал:

– Что? Камнем? Из пращи?

– Но ведь славный Маргон Зеленозубый поразил циклопа одним камнем! – воскликнул Трикс, до которого только стало доходить, что именно он сделал.

– Помню, помню, – кивнул Щавель с улыбкой. – Я присутствовал. Один камень, да! Из баллисты и попавший точно в глаз.

– Минотавра из пращи не убить, – твердо сказал Паклус. – Чудес не бывает!

– Почему же не бывает? – Радион Щавель покачал головой. – Ни один маг с тобой не согласится! А твой оруженосец – маг.

Он подошел к Триксу и одобрительно похлопал его по плечу.

– Должен признать, что для начинающего мага у тебя совсем неплохие заклинания.

Трикс сидел на корточках в маленьком саду, разбитом на крыше магической башни. Насчет того, что на крышу башни могли приземляться драконы, он угадал – между башенками был устроен здоровенный насест из толстых брусьев железного дерева, ценящегося драконоводами за огнеупорность. Но помимо насеста нашлось на крыше место и для небольшого садика – росли там в основном цветы: ромашки, незабудки, колокольчики, хотя имелись и огурцы, помидоры и прочая зелень. Самая большая и красивая не то клумба, не то грядка была накрыта стеклом наподобие парника. Под стеклом протекал небольшой ручеек, весело струящийся по кругу, – тут явно не обошлось без магии. На берегу ручейка стоял

маленький красивый домик, а вокруг домика суетились крошечные, не больше пальца размером, человечки. Некоторые собирали грибы и орехи, другие купались в ручейке, а большинство просто валяло дурака. Наблюдателя они не замечали и явно радовались жизни.

– Я и подумал: что мне с ними делать? – громко рассказывал Радион Щавель. Помирившиеся маг и рыцарь стояли у драконьего насеста с полными чашами вина. – Отпустить? Ты обидишься, скажешь – всерьез с тобой не воюю. В ученики взять? Так у них ни малейших способностей к магии! Убить? Нехорошо как-то, не за что. Держать в качестве пленников? Так это в пору приют для незадачливых оруженосцев открывать. Да и побьют все зелья, магические книги картинками разрисуют... пацаны же, что с них взять. Дай-ка, думаю, уменьшу я их до размеров огурца и поселю у себя в саду. Пусть живут дружным коллективом, а там посмотрим.

– Нехорошо! – упрекнул Паклус. – Ребятки о подвигах мечтали, а ты их в каких-то коротышек обратил.

– Я же маг, пакости ближним делать – моя профессия, – рассудительно сказал Щавель. – А подвигам им хватает, поверь. То землеройка нападет, то шмель залетит... Столько приключений, в пору летопись сочинять... Знаешь, что? Давай ты их всех вызволишь! Я им размер прежний верну. Все, что тут с ними было, они помнить станут смутно, как во сне. Головешки-то нынче маленькие, много воспоминаний не удержится. А ты их всех в Дилон приведешь, скажешь – вызволил из плена у коварного Щавеля!

– Мне подачек не надо! – гордо сказал Паклус.

– Какая же это подачка? – удивился Щавель. – Ты и впрямь их вызволил! Что не так?

– Положено в бою... – неуверенно сказал рыцарь.

– У нас и был бой! А хочешь – стукни меня! Только, чур, не в полную силу!

– Ну... не знаю... – Рыцарь заколебался.

– Бери, бери! Тебе все равно оруженосец нужен!

– У меня есть! – насторожился Паклус.

– Трикс? Да с каких пор маги оруженосцами служат?

Трикс искоса посмотрел на Щавеля и Паклуса, после чего продолжил наблюдать за человечками. Один, одетый наиболее ярко, был, очевидно, его предшественником...

– Трикс не маг! Он благородного происхождения и хочет стать рыцарем!

– Как я понял, он хочет отомстить обидчикам, – уточнил Щавель. – А магия, поверь мне, самая удобная штука для мести!

– Но-но!

– Наравне с профессией рыцаря, – быстро поправился Щавель. Ссориться снова он явно не хотел. – Паклус, друг мой... Ты же знаешь, как важны маги на войне. И знаешь, как редко встречается у людей этот дар! Это только у эльфов все помаленьку подколдовывают...

– Не знаю, не знаю... – Паклус засопел.

Триксу даже стало приятно, что за него идет такой бурный торг.

– Ты идешь на эту жертву во имя всего королевства, Паклус!

– Да зачем королевству еще один маг? Время-то мирное!

– Это сейчас оно мирное. Должен тебе сказать, – Щавель понизил голос, – что обстановка в последнее время стала очень напряженной. Витаманты на Хрустальных островах оправались от поражения. Говорят, что путем жестоких экспериментов они научились делать магов из обычных людей. Конечно, маги это слабенькие, ничего выдающегося. Но их тысячи, Паклус! Десятки тысяч!

– Будет врать-то, – совсем по-мальчишески ответил Паклус. – Тысячи?

– Да!

Наступила тишина. Трикс тихонько постучал пальцем по стеклу, пытаясь привлечь внимание своих незадачливых предшественников. Человечки торопливо потянулись в дом. Похоже, решили, что это гремит гром.

– Трикс! – громко позвал Паклус.

Вскочив, Трикс подбежал к рыцарю.

– Слышал, о чем мы говорили? – спросил Паклус.

– Да, – признался Трикс.

– Тогда решай. Чего больше хочешь: со мной остаться или пойти к Радиону Щавелю в ученики?

Трикс заколебался. Рыцарь был явно огорчен таким поворотом дела. И ведь он бросился на помощь оруженосцу, когда был почти у самой башни...

– А могу я стать сразу и рыцарем, и магом? – попытался он схитрить.

– Можешь! – в унисон ответили Паклус и Щавель. Переглянулись. Потом Радион выразил общее мнение: – Только ты станешь плохим рыцарем и плохим магом.

– У меня действительно есть способности к магии? – спросил Трикс.

– Ты знаешь, что такое магия? – вопросом ответил Радион.

– Искусство словами менять мир.

– Верно. А почему слова могут менять мир?

– Не знаю. – Трикс пожал плечами. – Это тайна, наверное? Нужны особые слова?

– Особые, – кивнул Щавель. – Дело в том, мальчик мой, что мир – это лишь представление людей о нем. Когда-то люди договорились считать, что небо – голубое, солнце – желтое, трава – красная...

– Радион, трава – зеленая, – негромко сказал Паклус. – Сколько можно тебе напоминать?

Маг смутился:

– Зеленая, конечно же. Я оговорился. Чтобы пример был нагляднее.

– Вино у нас в чашах какое? – напористо спросил Паклус.

Щавель вздохнул:

– Ну помню, помню! Хватит попрекать, у меня папенька цвета не различал, а я в него уродился! Кровь и вино – красные, трава и жабы – зеленые. «Что льется, то красно, что топчешь, то зелено!»

– Это я ему такое напоминание придумал, – с гордостью сообщил Паклус. – Давай излагай дальше.

– Так вот, – маг откашлялся, – когда-то люди договорились, каким должен быть окружающий мир. И договорились, конечно же, с помощью слов. Придумали для всего на свете объяснение. Но слова-то могут быть разные. И сила в них осталась! Если ты подберешь правильные слова и скажешь что-то очень убедительно, то мир может тебе поверить. И изменится.

– Поэтому магу всегда нужен слушатель, – добавил Паклус. – Хотя бы тупой минотавр. Поэтому умные маги всегда ходят со спутниками. С учениками, к примеру.

– Хорошие маги, – сказал Радион таким тоном, что стало ясно – себя он относит к очень хорошим, – могут и сами себя уболтать. Но, конечно, с напарником – оно лучше. Чем простодушнее и доверчивее напарник, тем лучше магия действует.

Он искоса поглядел на Паклуса и торопливо отхлебнул вина, будто решил, что сболтнул лишнее. Но рыцарь ничего дурного не подумал.

– Какие слова в волшебстве верные, а какие – нет? – задал еще один вопрос Трикс.

– Совершенно верный вопрос, – кивнул Щавель. – И как во всяком хорошем вопросе, в нем уже есть ответ. Верные слова – те, в которые верят! От которых захватывает дух и сладко замирает сердце!

– А почему придуманные слова слабеют? – спросил Трикс.

– Хороший вопрос! – оживился Щавель. – В тебе задатки великого мага! Да, придуманное один раз заклинание можно использовать много раз. Но от частого произношения оно как бы изнашивается, мир в твои слова верит все меньше и меньше, волшебство работает все слабее и слабее. А уж если его записать и начать раздавать кому ни попадя, то через несколько месяцев и самое могучее заклинание превратится в ничто! Поэтому маги свои заклинания берегут и без нужды не используют, чаще импровизируют, для мелких бытовых задач магией не пользуются.

– Решай, мальчик, – сказал Паклус. – Ты оруженосец славный, я бы из тебя сделал рыцаря. Но если решишь стать магом... – Он замолчал, потом грустно добавил: – Что ж, возможно, мы еще встретимся на поле брани в одном строю. И пока ты будешь сочинять свои красивые слова, я со своим верным мечом постараюсь прикрыть тебя от чудовищ.

Трикс кивнул. Подумал. Потом подошел к рыцарю и крепко обнял его.

– Это значит, ты выбрал карьеру рыцаря, мальчик? – растроганно спросил Паклус.

Радион Щавель улыбнулся.

– Нет, сэр Паклус. С вашего позволения я пойду учиться магии у вашего друга, – ответил Трикс. – Спасибо вам большое. Я бы постарался стать достойным оруженосцем и рыцарем. Но, знаете, мне кажется, что магия – это мое.

Паклус кивнул. Печально сказал:

– Ты прав, Трикс. Удачи тебе.

Трикс повернулся к магу и спросил:

– Что мне делать, господин учитель?

Радион прищурился:

– Спустись на два этажа вниз, ученик. Там ты найдешь большую и грязную кухню. Постарайся за вечер сделать ее несколько чище. И помни, что маги не используют магию для презренных бытовых целей.

– Слушаюсь, – сказал Трикс, ничуть не удивившись.

Он бросил последний взгляд на игрушечный домик и пошел к лестнице. За его спиной Паклус шепотом сказал Радиону:

– Очень славный мальчик. Но все-таки учитывай, он немного недотепа!

– О да, – с удовольствием ответил маг. – Я вижу. Из таких получаются самые лучшие волшебники.

И, спускаясь на кухню, Трикс широко улыбался, как человек, наконец-то нашедший свое место в жизни.

Часть вторая Трикс ищет знаний

1

Жизнь молодого человека, попавшего в ученики к волшебнику, делится на две совершенно не похожие друг на друга части.

В одной, невидимой миру, приходится готовить еду, мыть посуду, подметать пол и терпеть долгие и хвастливые рассказы учителя о его подвигах и свершениях. Наградой служат лишь редкие приступы педагогического рвения, временами охватывающие волшебника. Тогда приходится выслушивать долгие и нудные наставления, после чего составлять заклинания – и выслушивать долгие и нудные замечания.

Зато другая часть, видимая миру, куда приятнее.

Поэтому мы начнем свой рассказ с нее.

В черной мантии с изумрудным подбоем, бодрой расхлябанной походкой, ранним теплым утром конца лета в крытый рынок города Босгарда ступил ученик чародея Трикс Солье. В левой руке он крепко сжимал большую плетеную корзинку, в правой – посох из отполированного дерева, выглядевший так здорово, будто он был магическим.

Его появление вызвало среди торговцев и немногочисленных поутру покупателей оживление. В городке все знали, что три дня назад волшебник Радион Щавель при таинственных обстоятельствах (шепотом рассказывали о страшной битве, когда отряд рыцарей при поддержке многочисленных демонов и гномьего хирда осадили башню) обзавелся учеником. Но самого ученика пока никто в глаза не видел. Самое распространенное мнение гласило, что ученик – притворяющийся человеком демон, поэтому на Трикса поглядывали не только с любопытством и уважением, но еще и с опаской.

Не ведая об этом, Трикс нерешительно подошел к мяснику, которого ему накануне подробно описал Щавель. Лысый и мордастый детина, нервно сжимающий в руках исполинский топор, увидев приближающегося Трикса, занервничал и потупился.

– Доброе утро, господин Рубало, – вежливо сказал Трикс. – Господин Щавель сказал «как всегда».

Мясник кивнул, одним ударом вонзил топор в деревянную колоду для рубки мяса и неожиданно ловкими для его ручищ движениями завернул в толстую коричневую бумагу несколько сочных кусков говяжьей вырезки, свиные ребрышки, телячью печенку и два круга конской колбасы. Пакеты были перевязаны бечевой и отправились на дно корзинки Трикса.

– Э... как зовут молодого господина? – вежливо поинтересовался Рубало.

– Трикс.

– Э... могу ли я попросить заплатить за мясо, господин Трикс?

– Господин Щавель сказал «как всегда», – кивнул Трикс, перехватывая оттягивающую руки корзинку двумя руками. Мешавшийся посох пришлось взять под мышку, что, конечно, портило все впечатление.

– Понятно, – печально произнес мясник. – Передайте уважаемому господину магу, что я безмерно его уважаю, но только счет господина мага уже достиг пятнадцати золотых, а я из воздуха делать мясо не умею и золотые – тоже.

– Я передам, – сказал озадаченный Трикс. Честно говоря, он был убежден, что Радион Щавель никакой нужды в деньгах не испытывает. В одной из комнат башни Трикс своими собственными глазами видел три огромных сундука, набитые монетами – правда, почему-то

медными. Но и медные деньги – это деньги. – Я обязательно передам. У господина Щавеля нет нужды в деньгах, он великий маг!

– Зато у меня есть, я всего лишь мясник, – грустно сказал Рубало. – Вы уж передайте, господин Трикс! А то скотину сейчас не резон резать. Вдруг вы придете в следующий раз, а у меня не найдется для уважаемого Щавеля ни свежего мяса, ни колбаски...

Обдумывая эту завуалированную угрозу, Трикс прошел вдоль молочных рядов, купил сыра и налил в пузатую стеклянную бутылку молока. В крынке с молоком сидела маленькая печальная жаба – чтобы молоко не скисало на жаре. Трикс поморщился и решил, что молоко пить не станет. Ну, разве что кипяченое. С молочницей он расплатился мелкой серебряной монетой, которую ему выделил Щавель. Вместо сдачи молочница наложила в полотняную тряпицу плотного комковатого творога и вручила Триксу с таким уверенным видом, что мальчик не стал спорить.

Последним пунктом его назначения был зеленщик – старик-горец, с философским спокойствием взирающий на приближающегося Трикса. Не спрашивая ни слова, старик взял из рук мальчика еще одну серебряную монету, покрупнее, и вручил ему тугие пучки салата, лука и незнакомых травок. Трикс не успел удивиться, что зелень стоит так дорого, как старик произнес:

– Это просто так. Тебе. Юноше надо есть много зелени, в зелени сила.

Трикс всегда подозревал, что сила – в мясе, но спорить не стал. Вежливо поблагодарил старика. Тот кивнул и положил сверху корзины связку редиски и пару огурцов.

– Кушай на здоровье... А это господину магу.

На прилавке зеленщика стоял старый детский горшок, наполненный землей. В горшке рос кустик незнакомой Триксу растения с большими зеленоватыми ягодами. Зеленщик неспешно оборвал с куста десяток ягод и сказал:

– Сегодня только десять за серебряную. Урожая нет.

Прямо на глазах у Трикса ягоды меняли цвет – вначале стали коричневыми, потом лимонно-желтыми. Зеленщик завязал удивительные ягоды в обрывок застиранного полотна и сказал:

– Ты должен до полудня положить сорванные ягоды на лед, иначе они сгниют, и твой учитель рассердится.

– Успею, – озадаченно сказал Трикс. – А почему вы растите куст в ночном горшке?

– В моем народе человек сажает траву в детском горшке, когда к нему приходит старость, – спокойно объяснил зеленщик. – Это значит, что он уже не ждет потомства... Иди, мальчик. И скажи господину Щавелю, что ягоды горного кофе будут только дорожать. Клань воюют, тропы опасны, караваны не отправляются в путь.

Тяжело груженный Трикс, чувствуя себя вьючным архаром из горного каравана, вышел из здания рынка. Уже совсем рассвело, и надо было торопиться, чтобы вернуться в башню до наступления жары.

К счастью, великий маг Радион Щавель не пренебрегал плебейскими способами передвижения. У рынка Трикса ждала легкая двуколка, в которую была запряжена смиренная старая лошадь. При появлении мальчика она с надеждой вытянула голову.

Трикс с натугой взгромоздил корзину в тележку, достал из корзины сочный пучок салата и, оглянувшись – не увидит ли старик-торговец, протянул его лошади.

В больших печальных глазах появилось удивление. Лошадь аккуратно взяла салат с ладони Трикса мягкими теплыми губами. Прожевала. Благодарно фыркнула.

Тот, кто кормил с руки голодную лошадь, знает, насколько это приятно!

То ли в благодарность за угощение, то ли оттого, что путь лежал домой, но к башне лошадь бежала куда живее. Трикс восседал на передке, гордо поглядывая на пробуждающийся город. Отовсюду доносились звуки – нехитрая мелодия воскресного утра. Каню-

чили дети, требуя побыстрее их накормить, жены отчитывали мужей, вернувшихся накануне слишком поздно, мужья отругивались, объясняя, что раз в неделю имеют полное право посидеть с друзьями за кружкой-другой-третьей.

Начинался новый день, люди приступали к простым житейским хлопотам.

Открывались окна и выплескивались в канавы ночные горшки. Бежали к пекарням заспанные ребяташки, сжимая в ладошках мелкие медные монеты. Печально кудахтали куры, ожидающие своего часа в большой деревянной клетке, установленной на подводе. Усатый крестьянин, такой же неторопливый, как и запряженная в подводу лошадь, негромко выкрикивал: «Кура! Жирная кура! Свежая кура из деревни Телепино! Живая, битая, щипаная!» Из домов побогаче выходили служанки и хозяйки, придирчиво осматривали кур, торговались и удалялись с покупкой.

Трикс, закутавшись в мантию и держа посох на коленях, с любопытством наблюдал за горожанами. Сам он был уверен, что его взгляд полон заботы и терпения, с которыми будущий маг должен взирать на простых смертных. А горожане, увы, считали, что ученик волшебника поглядывает на них слишком пристально и при этом с полнейшим безразличием. К сожалению, то, что ты видишь, зависит от того, что ты хочешь увидеть.

Трикс, кстати, ясно видел, что горожане смотрят на него с симпатией и уважением.

* * *

Все великие маги очень ленивы. Конечно, когда появляется очередной Черный Властелин или Темный Повелитель, то даже самому ленивому волшебнику приходится отрывать седалище от уютного продавленного кресла и, опираясь на волшебный посох, будто на обыкновенную палку, тащить свое изнеженное упитанное тельце куда-нибудь в Горы Смерти, Лес Ужаса или Болота Отчаяния. Темные властелины традиционно селятся в таких местах, куда нормальному герою идти долго, противно и мучительно. Обычно к концу путешествия волшебники (те, что уцелели после встречи с Химерой Сырых Подземелий или Огненной Парожарной Диковиной) приходят похудевшие, окрепшие и очень, очень злые. Некоторые становятся злыми настолько, что свергают темного властелина лишь для того, чтобы занять его место, – и в обратный путь уже не отправляются.

К счастью, количество темных властелинов сильно преувеличивается народными легендами, так что большинство волшебников могут жить в такой лениности, на поддержание которой хватает их трудолюбия. Радион Щавель относился к волшебникам хоть и ленивым, но трудолюбивым.

И это было большим счастьем для Трикса.

Между двумя черными каменными контрфорсами притаилась дверь в башню Щавеля – большая крепкая дверь из светлого, в цвет слоновой кости, дерева. Дверь была окована металлическими полосами и снабжена несколькими замками. Но, справедливо не полагаясь на одни лишь запоры, Радион позаботился и об охране. У двери, ковыряясь в зубах острием алебарды, стоял минотавр – мелкий, ростом со взрослого мужчину, с тусклой серой шерстью. Такие водятся в старых золотоносных шахтах и отличаются тем, что среди них изредка встречаются на удивление смышленные экземпляры.

– Здравствуй, Харым! – поприветствовал минотавра Трикс.

– Здры... – прорычал Харым. Человеческая речь давалась ему с трудом, к тому же среди минотавров, охранявших владения волшебника, о Триксе ходила дурная слава – чуть что не так, сразу готов разможить несчастную бычью голову! – Здры... Тры...

Впрочем, Трикс и сам не горел желанием общаться с минотавром. Он быстро протиснулся в приоткрытую дверь, держа перед собой корзину с продуктами. Чудовище за его спиной вперевалку двинулось к лошади – распрячь и отпустить на луг. Благодаря магии Радиона

лошади сами паслись, сами ходили на водопой и даже самостоятельно отправлялись к ближайшему кузнецу, если у них слетала подкова. Но вот снять с себя упряжь лошади все-таки не могли.

Трикс, освобожденный от забот груга, открыл еще одну дверь – легкую, ажурную, из деревянных планок. Дверь вела в такую же решетчатую шахту, идущую сквозь башню мага до самого верха. На дне шахты лежала прочная деревянная платформа, по углам которой крепились тонкие пеньковые канаты, уходящие вверх.

Опустив корзину, Трикс с натугой потянул крепкий рычаг, торчащий из платформы. Под ногами скрипнул какой-то механизм. Высоко вверху зашумело.

Трикс ждал.

Канаты дернулись, натянулись – немного косо, один угол платформы чуть просел. Впрочем, так случалось сплошь и рядом, Трикс уже не пугался. По платформе нарочно были набиты прочные рейки, в которые можно было упереться ногами, компенсируя крен. Еще к платформе крепилось несколько веревочных петель – как полагал Трикс, на тот случай, если канаты совсем уж перекосятся и подниматься на башню придется, повиснув на руках.

Но уточнять этот вопрос ему почему-то не хотелось.

Платформа поскрипывала, канаты похрустывали, вверху – все ближе и ближе – скрежетал механизм. Трикс переминался с ноги на ногу, стараясь не смотреть по сторонам.

Бездарный маг поднимался бы вверх по лестнице. Самонадеянный придумал бы заклинание, слабеющее с каждым днем. А ленивый предпочел потратиться на механика, соорудившего модную в великосветских кругах диковину – лифт, с приводом от ветряка. Судя по тому, что сделано все было не из камня или металла, потрудились здесь не признанные мастера механических диковин – гномы, а люди или эльфы.

Наконец долгий путь вверх был завершен. Платформа рывком остановилась у новой двери. Трикс подхватил корзину и торопливо вышел из хрупкой деревянной клетки в надежный каменный коридор. Как любой мальчишка, выросший во дворце, он был абсолютно убежден в надежности и несокрушимости каменных построек.

Тем мальчишкам, кому довелось убедиться, что и самые несокрушимые крепости способны рассыпаться по камешку, редко удавалось с кем-то поделиться своим знанием.

По узкой галерее с высоким сводчатым потолком Трикс прошел на кухню. И галерея, и кухня выходили на восток и были залиты солнцем, дробящимся в мутноватых оконных стеклах. Разгрузив корзину в ларь для зелени и на ледник, Трикс распахнул обе створки кухонного окна и, обхватив для надежности средник, слегка высунулся в окно. Блаженно зажмурился от яркого света.

Настроение у него было самое замечательное!

Казалось, что башня плывет по зеленому лугу, покрытому красными брызгами роз. Ветер бил Триксу в лицо, волнами гнал далеко внизу траву. Поскрипывали над головой лопасти ветряка. С полузакрытыми веками было нетрудно представить, что внизу – бушующее море, скрипят на ветру снасти, а сам Трикс стоит где-нибудь на носу мчащегося по холодным зеленым волнам корабля. Еще захотелось пофантазировать, что впереди, раскинув руки, будто изображая парящую птицу, стоит красивая девушка и Трикс бережно придерживает ее за пояс. Мальчику даже показалось, что в порывах ветра ему слышится чудное пение на незнакомом языке...

Звон колокольчика резко вырвал Трикса из мечтаний. Мальчик вздрогнул и отшатнулся от окна. Все фантазии немедленно вылетели у него из головы.

(Хорошо известно, что размечтавшегося человека не стоит окликать слишком резко. Конечно, рассказы о том, что душа может не успеть вернуться в тело, – это всего лишь досужие суеверия. Зато фантазии действительно из головы вываливаются – но если они доста-

точно яркие, не исчезают бесследно. Они несутся сквозь все мироздание, пока не попадают в другую голову, совсем в другом мире и времени.

И хорошо, если чужая фантазия пойдет на пользу. А представьте себе, как страдает дикарь, который совершенно ясно понял, как можно изготовить паровую машину или огненный самострел? Или какие комплексы испытает тихий пещерный вампир, которого угораздило поймать мечту конторского служащего о летнем отдыхе под палящим тропическим солнцем?

Но Радион Щавель никак не предполагал, что именно в эту минуту его ученик решил помечтать. Так что укорять мага мы не станем. В конце концов, быть всегда наготове – это прямая обязанность ученика.)

Под аккомпанемент трезвонящего колокольчика Трикс подошел к переговорной трубе, торчащей из стены рядом с дверью. Вынул затычку и громко сказал в трубу:

– Слушаю, господин маг!

Трезвон прекратился. Трикс прижался к трубе ухом и услышал далекий голос Радиона:

– Кофе, ученик! И... и булочку с яблочным джемом.

– Слушаюсь! – подтвердил Трикс. За три дня он уже хорошо узнал и распорядок дня Щавеля, и его вкусы.

Первым делом Трикс поставил на очаг чайник. Потом взял с ледника три желтые ягоды и тщательно перетер их в медной ступке. Ягоды рассыпались мелким порошком, светлеющим прямо на глазах. Дождавшись, пока вода в чайнике забурлила белым ключом, Трикс налил ее в любимую кружку Радиона, белую, глазурованную, с красивым цветным рисунком: белочкой, собирающей с куста орешки. Белочка была в штанишках и с корзинкой. На взгляд Трикса немолодому магу не пристало пить кофе из такой детской кружки, но он благоразумно не высказывался на эту тему.

Налив воду, Трикс стал негромко считать до двадцати. В приготовлении горного кофе очень важно было выдержать правильную температуру – не слишком высокую, но и не слишком низкую. Произнеся «двадцать!», Трикс высыпал порошок в воду и быстро размешал ложкой.

Жидкость вначале стала серой, потом бурой, потом малиновой, а потом, будто смирившись с неизбежным, белой как молоко. Верный признак, что температура правильная и кофе удачный.

С булочкой было проще – Трикс выбрал одну из корзины с хлебом, разрезал на две половинки, подержал их над кипящим чайником, чтобы черствый хлеб хоть слегка размягчился. И почему маг не велел покупать хлеб? Зачем Щавелю экономить, у него три сундука с монетами!

Джем на булочку Трикс намазал прямо пальцем, который потом тщательно облизал. Не потому, что мальчик считал, будто так вкуснее. Просто джема оставалось совсем чуть-чуть, на стенках горшка, и доставать его пальцем было удобнее всего.

Кофе и булочку на блюдце Трикс поместил на поднос и отправился в кабинет Щавеля: на один этаж выше. К счастью, тут пользоваться подъемником не требовалось, имелась и обычная винтовая лестница.

* * *

Будучи наследником пусть половинчатого, но все же герцога, Трикс не испытывал пиетета ни перед книжниками, ни перед библиотекарями, ни даже перед магами. В детстве он частенько бывал в рабочем кабинете их придворного мага Кемура – человека доброго, остромного, пускай и не слишком-то преуспевающего в своей профессии.

Да и в отцовском кабинете, помимо свода королевских законов в толстом кожаном переплете и целой полки ежегодников «Свежие новости», имелся специальный стол с письменными принадлежностями. Нет, не с теми, обычными, которыми отец подписывал указы и распоряжения. А с изящными писчими приборами (ручка из древесины вяза с пером феникса), которыми, по общему мнению, только и подобает записывать магические заклинания.

Но рабочий кабинет великого мага Щавеля решительным образом отличался от всего, что Триксу доводилось видеть. Вместо чинных шкафов с переплетенными в кожу и сафьян книгами – ровные стены, обитые кремовой тканью. Роскошное кресло, в котором так удобно развалиться за рабочим столом, заменял жесткий стул с высокой спинкой. И сам стол из древесины белого дерева и горной березы – простой, без ящичков и каких-либо украшений. На столе – яркая масляная лампа, зажженная, несмотря на солнечный день; стакан с остро очиненными карандашами и стопа хорошей белой бумаги.

Только одна деталь нарушала аскетическое убранство – акварель на стене. Картина изображала юную деву в прозрачных одеяниях, которая выходила на затянутую туманом опушку леса. На тоненькой ниточке дева вела белого единорога с печальными глазами. Триксу нравился единорог, а еще больше – дева, но все-таки такую картину ожидаешь увидеть в женском будуаре, а не в кабинете могущественного мага.

– Господин Щавель, кофе, – сказал Трикс.

Щавель стоял у окна. Хмурился, проглядывая густо исписанный листок.

– Кофе! – сказал Трикс погромче.

– Кофе... – задумчиво повторил маг, не оборачиваясь.

– Хороший, ароматный! – похвалил Трикс. – Только десять ягод за серебряную монету. И, говорят, дорожать будут.

– Хороший, ароматный... – Щавель задумчиво взял кружку. Отхлебнул. Требовательно кивнул на кресло: – Садись! Садись и слушай!

Обрадованный и возможностью посидеть на рабочем месте настоящего мага, и тем, что сейчас ему предстояло что-то узнать, Трикс поспешно устроился на стуле.

– Это... – Щавель откашлялся. – Ну, пока еще недоработано... надо править... В общем, это заклинание для вызывания летающего огненного демона в закрытых помещениях. Слушай!

Трикс заерзал на стуле и стал внимательно слушать.

– Вначале раздался писк – тонкий, на самой границе слуха, будто комариное пение в ночи, – сказал Щавель. – Потом волны жара поплыли по комнате, заставляя пот проступать на встревоженных лицах. А тревога все яснее и яснее проступала на лицах...

Он запнулся. Недоуменно посмотрел на листок.

– Что-то не так, господин Щавель? – спросил Трикс. Ему казалось, что он уже слышит этот тонкий писк, да и температура в комнате явно поднялась.

– Конечно! – Щавель склонился над столом, карандаш забегал по листку, яростно вычеркивая и исправляя. – Подряд, в соседних строчках, «пот проступать» и «тревога проступала». Отвратительно! Школярская, непростительная ошибка! Ну какого демона привлечет такой текст? Вот! Слушай заново!

Трикс кивнул и начал слушать заново.

– Вначале раздался писк – тонкий, на самой границе слуха, будто комариное пение в ночи, – торжественно начал Щавель. – Потом волны жара поплыли по комнате, заставляя пот проступать на встревоженных лицах. А тревога все сильнее и сильнее охватывала окружающих. И вот уже смутные тени забегали по стенам...

Трикс с восторгом и испугом понял, что в ушах звенит, на горячем лбу выступил пот, а по стенам носятся неясные отсветы.

– ...будто предвещающая появление того, кого призвал великий маг...

Щавель замолк. Покачал головой:

– И где были мои глаза? «Того, кого...» Паразитная рифма. Отвратительно! Омерзительно! Правда, мальчик?

– Верно, – согласился Трикс. – Скверно.

– Текст должен литься сам собой, нигде не цепляя слушателя, – бормотал Щавель. – Лишь тогда слова обретут магическую силу... Начали заново!

– Вначале раздался писк – тонкий, на самой границе слуха, будто комариное пение в ночи. – Щавелю явно нравилась первая строчка. – Потом волны жара поплыли по комнате, заставляя пот проступать на встревоженных лицах. А тревога все сильнее и сильнее охватывала окружающих. И вот уже смутные тени забегали по стенам, будто предвещающая появление того, кто был призван великим магом. «Явись передо мной, Гоэлрон, демон огня и молний! Служи мне до тех пор, пока сама смерть не унесет тебя или меня! Даю тебе три правила: не совершай действия или бездействия, которое приносило бы мне вред, повинуйся любому моему приказу, если это не противоречит правилу первому, и оберегай себя в той мере, которая не противоречит первому и второму правилам!» И вот пространство с душевраздирающим стоном лопнуло, выпуская на свет демона Гоэлрона – комок огня с черными глазами-угольками и клыками, сотканными из языков пламени...

Радион замолчал, выжидая.

Трикс затаил дыхание.

Ничего не происходило.

– Что-то не так, – вздохнул Щавель. Похоже, маг уже и сам не ждал удачи. Положив листок на стол, он снова взял свой кофе, отпил глоток. Раздраженно пояснил: – Три недели корплю над заклинанием призыва фамильяра! Знаешь, что такое фамильяр?

Трикс пожал плечами. Он знал, но магу явно хотелось самому все рассказать.

– Фамильяр – это магическое существо, призванное из другого плана бытия. Оно не просто повинуетя магу, но и становится его ближайшим другом и соратником. У него даже могут быть свои магические способности. Большая удача и честь для мага – иметь фамильяра, пусть даже неказистого... Нет, ну что же мешает? Почему фамильяр не возник?

– А имя правильное?

– Ну откуда у магического существа имя? Главное, чтобы оно звучало убедительно. Гоэлрон – вполне так звучит!

Трикс подумал и предположил:

– Может, слова затерты? Может, кто-то уже вызывал так фамильяра? Или эти три правила, которым он должен подчиняться, раньше придумал?

– Чтобы слова затерлись, их должны были сотни людей прочесть. Тысячи! – Щавель патетически взмахнул рукой. – Никакой маг таких умных и красиво сформулированных приказов не разгласит! Эх...

Трикс маялся. Ему искренне хотелось помочь, но он не знал как. А еще ему хотелось самому научиться магии.

К счастью, разочарованный Щавель решил на время прекратить свои ученые занятия и вбить немного мудрости в голову ученика.

– Давай посмотрим, как твои успехи. Вчера я велел тебе магическим образом сотворить гвоздь. Обыкновенный железный гвоздь. Получилось?

Трикс потупил голову.

– Ясно. – Щавель почему-то развеселился. – А ну-ка, попробуй при мне!

Трикс собрался с духом и произнес:

– Что гвоздь? Безделица! Самое простое из творений кузнеца. А без него ни дом не построить, ни полотенце не повесить. Без гвоздя подкова слетит, конь споткнется, рыцарь битву проиграет. Даже в сортире закрыться трудно, если не вращается на крепком гвозде щеколда. Вот такой гвоздь и возник в моей ладони – длиной восемь с половиной сантиметров, толщиной в треть, из блестящего новенького железа...

Трикс закончил и печально посмотрел в свою ладонь. Никакого гвоздя там не было, разумеется.

Щавель обидно засмеялся. Потом потрепал Трикса по голове:

– Ничего, малыш. Начало даже было неплохо. Немного в простонародном духе, со всеми этими прибаутками и рассуждениями. А вот потом – беда. Знаешь, в чем ошибка? Ты гвоздь небось в своем сортире из стены вытащил, измерил, принял за образец?

– А что, нельзя? – удивился Трикс.

– Можно. Если воображения не хватает, так даже нужно. Только запомни – никаких глупых новомодных метров и сантиметров! Никаких числительных! Ты что, можешь себе зримо представить восемь с половиной сантиметров?

– Нет...

– Вот и все. Говори образно, числительные не употребляй. Ты не кузнецу задание даешь. Ты творишь магию! А магия – она построена из чистой красоты, из волшебной гармонии слов!

– Сейчас, – заторопился Трикс. – Я понял, правда, понял! Слушайте! Что гвоздь? Безделица! Самое простое из творений кузнеца. А без него ни дом не построить, ни полотенце не повесить. Без гвоздя подкова слетит, конь споткнется, рыцарь битву проиграет. Даже в сортире закрыться трудно, если не вращается на крепком гвозде щеколда. Вот такой гвоздь и возник в моей ладони – длиной в большой палец, толщиной с... с мизинец, из блестящего новенького железа...

Гвоздя не было.

– Часто ли ты видел гвозди, которые не были бы ржавыми? – небрежно спросил Щавель.

– А! – радостно воскликнул его ученик.

– Действительность приукрашать надо. В этом суть магии. Но украшать ее надо с умом, не идя против суровой правды жизни.

– Что гвоздь? Безделица! – затараторил Трикс. – Самое простое из творений кузнеца. А без него ни дом не построить, ни полотенце не повесить. Без гвоздя подкова слетит, конь споткнется, рыцарь битву проиграет. Даже в сортире закрыться трудно, если не вращается на крепком гвозде щеколда. Вот такой гвоздь и возник в моей ладони – длиной в большой палец, толщиной с мизинец, проржавелый от времени, но все еще крепкий! Ой!

С замиранием сердца, улыбаясь до самых ушей, Трикс показал учителю возникший в ладони гвоздь. Ржавый, слишком толстый, чтобы его заколачивать, но крепкий и настоящий.

– Хватаешь на лету, – одобрил Щавель. – Молодец! Только в следующий раз четче соотноси размеры. А гвоздик хороший, хвалю.

Трикс вертел в руках гвоздь с видом победителя. Пусть его никуда и не применишь, вколачивать слишком тяжело, но вот же он – настоящий ржавый гвоздь! Магия сотворила железо из ничего!

– Господин Щавель, – задумчиво сказал Трикс. – А нельзя ли нам наколдовать немного монет? А то мясник грозился, что в следующий раз...

– Трикс, – Щавель вздохнул и сел на свой жесткий неудобный стул, – знаешь ли ты, что наш мудрый герцог запрещает своим магам? И что запрещают все прочие умные короли, бароны и маркизы?

– Не знаю.

– Создавать деньги из ничего! – рявкнул Щавель. – Потому что существует такая вещь, как девальвация денежной массы!

– Что это? – поразился Трикс. – Злой демон?

– Хуже. Думаешь, регенту не хочется начеканить побольше звонкой монеты и скупить, к примеру, окрестные земли? А он не чеканит. Почему? Да потому, что если денежек станет много, то цена денег упадет!

– У денег есть цена?

– Конечно. Вот сейчас в городишке Босгарде в обороте... ну, допустим, сто золотых монет, тысяча серебряных и десять тысяч медных. Курицу отдадут за серебряную...

– Если поторговаться – то двух! – вставил Трикс.

– Я привожу пример, – поморщился Щавель. – Не хватало еще мне, великому магу, забивать голову такой презренной вещью, как цены на курей. И все знают, что один золотой талер равен десяти серебряным, а один серебряный – десяти медным монетам.

– Одиннадцати.

– Это инфляция, – опять непонятно сказал Щавель. – Итак, есть своя цена и на деньги. Если регент решит начеканить еще золота или серебра – никто ему и слова не скажет. Ибо золото и серебро – металлы редкие, добываются гномами в глубоких копиях и охотно берутся торговцами в любой стране. Среди наших монет тоже попадаются иноземные: динары, реалы, экю – и никого это не смущает. Было бы золото чистое да вес приличный. А вот медь – металл попроще. И начеканить на него можно хоть в сто раз больше монет! Только тогда курица твоя будет стоить по-прежнему одну серебряную монету, но медных за нее попросят не десять, а сто! Нет, не сто. Тысячу!

Устрашенный перспективой ходить с мешком вместо кошелька, Трикс жалобно спросил:

– Ну а если серебряные наколдовать? Или золотые?

– А вот тут, мальчик, вступает в свои права суровый закон магии, – вздохнул Щавель. – Ты думаешь, гвоздь твой возник из ничего? Нет, малыш. Возник он из того железа, что вокруг тебя. Из крупиц железа в камне, в пыли, в воздухе. В тебе, если уж на то пошло, ибо даже в человеческой крови есть железо. К сожалению, золото у нас под ногами не валяется. Да и железо тоже... будешь делать следующий гвоздь – магия выкачает железо из твоей крови, так и помереть можно.

– А если превратить железный гвоздь в золотой?

– Увы. Превратить можно только в то, что легче. Золотой гвоздь в железный – легко! А железный в золотой – никогда! Закон магии. Постарайся – сделаешь гвоздь деревянным. А вот серебряным или золотым – нет. Даже медным не сделаешь!

– Но медь-то – она дешевая! – воскликнул Трикс. – Хотите, я в город съезжу, куплю медного лома...

– Трикс! – вздохнул Щавель. – Поверь, что троны занимают не дураки. Магам категорически запрещено расплачиваться медными деньгами.

Трикс разинул рот. Ему вдруг стало ясно, почему на базаре никто не давал ему сдачи с серебра.

– Да, – кивнул Щавель. – У меня стоят три сундука меди. Как-то раз проезжал мимо старого медного рудника, наколдовал... Но тратить их мы не можем.

Он помолчал и с грустью добавил:

– А золота и серебра у меня больше нет.

– Давайте из монет утварь сделаем? – предложил Трикс. – Тазы, чайники, ведра... На базаре можно хорошо продать!

Щавеля перекосило.

– Чтобы я, могучий маг, творил посуду для простолюдинов? Да ты представь, сколько сил и времени уйдет на простой чайник! Проще кузнецам продать, пусть плавят и куют. Это, кстати, можно. Но стыдно. Магов, которые по горным отвалам добывают остатки металла и продают, презрительно называют рудными магами.

– В таких случаях мой отец говорил, – рассудительно сказал Трикс, – «то, что нам плохо, за морем хорошо». Это когда поймали контрабандистов с тремя возами дурман-травы. У нас-то ее жечь положено, да уж больно трава была хороша. Мы ее и продали. Пиратам. А те вроде витамантам на Хрустальные острова перепродали. У тех-то трава в цене.

– Предлагаешь перепродать монеты через посредников? Это приравнивается к фальшивомонетничеству! – строго сказал Щавель. Но почему-то он вовсе не выглядел рассерженным.

– Если в нашем королевстве – то да. А если врагам – то это, напротив, экономическая диверсия во славу Регента и Короля. Еще можно дикарям монеты на жемчуг обменять. Им-то все равно, они из них бусы понаделают.

– Ну-ну, – буркнул Щавель, улыбаясь. – Какой способный ученик попался. Иди-ка ты лучше... – Он задумался, явно подыскивая работу. – Иди-ка ты лучше на лужок, собери пару букетов цветов. Розы не рви, надоели! Один пусть будет из маков и ромашек, а второй из васильков и тюльпанов. И чтобы оба были красивы! Развивай в себе эстетическое чувство. И... и потренируйся в магии, что ли. Возьми ржавых подков из кладовки, сделай два десятка хороших гвоздей, подъемная клеть расшаталась, надо чинить. Времени у тебя – до захода солнца.

С букетами Трикс справился быстро. Стыдно признаваться, но уроки цветоводства и букетологии он любил. Может, и не мужское это дело, но ведь стыдно было бы рыцарю подарить прекрасной даме букет желтых цикламенов, означающий стремление к разлуке.

Так что два букета, развивающих эстетическое чувство, Трикс даже под косыми взглядами минотавра, охраняющего башню, собрал быстро. Тот, что из маков и ромашек, вышел особенно хорошо. Он должен был символизировать глубокое и искреннее уважение к наставнику. Второй, из васильков и тюльпанов, получился растрепанным, и Трикс решил, что это знак его собственного невежества, которое он стремится побороть.

В животе урчало; выходя из башни, Трикс перекусил лишь булкой с куском сыра. Но не отвлекаясь на такую ерунду, мальчик довольно быстро наколдовал десять гвоздей – острых и в меру тонких. Потом, расхрабрившись, сотворил еще и ломоть хлеба – свежего, ноздреватого, посыпанного по корочке тмином.

Хлеб вышел совсем как настоящий. Трикс повертел его в руках, вдохнул аромат, откусил. Вкусно.

Он задумчиво съел хлеб. К сожалению, по-настоящему насытиться им невозможно. Из всего сотворенного магическим образом в пищу годилась лишь вода. Все остальное пользы организму не приносило. Впрочем, не приносило и вреда, а значит, можно было на время обмануть голод.

Хотелось сотворить что-то великое. Настоящее. Чтобы магистр Щавель разинул рот и сказал: «Трикс, ты молодец! Ты будешь великим волшебником!»

А что, если...

Трикс лежал в траве, жевал травинку и вспоминал про безуспешные попытки Радиона вызвать фамильяра. В чем была проблема? Все звучало так красиво и умно... Наверное, дело не в самом демоне, а в тех мудрых правилах, которые должны были обезопасить мага от вызванного им существа. Правила и впрямь хорошие, всеобъемлющие, но не значит ли это, что они уже использовались кем-то из магов? Вот и затерлись...

Ну а как, скажите на милость, иным образом обезопасить себя? Вызвать существо беспомощное, не способное причинить вред? А зачем такое нужно...

Трикс хмыкнул. Надо идти другим путем! Законы и правила – это как цепи, надетые на разбойника. А люди ведь не только потому не делают друг другу зла, что боятся наказания. Они еще могут хорошо друг к другу относиться, дружить, любить...

Нет, наверное, Шарбапал, демон огня и пламени, к призвавшему его магу относиться с любовью не способен. Но ведь фамильяры могут быть разными, в том числе и симпатичными...

Трикс мечтательно посмотрел на качающийся на ветру тюльпан. И произнес:

– Среди огромного цветочного поля, в лепестках тюльпана, жила Аннет – прекрасная фея цветов. Лепестки васильков и ромашек служили ей одеянием, на завтрак она пила росу и нектар, а на обед ела пыльца маленьких желтеньких цветочков. Ростом она была с палец – да-да, с указательный палец на руке, и была она диво как хороша – нежная, голубоглазая, белокурая. Если бы вы могли ее увидеть, вы бы воскликнули: «Ах, какая красивая девочка!» Но Аннет редко показывалась людям. Днем она дремала в венчике тюльпана, а ночью танцевала в лучах лунного света и распевала веселые песенки. И так длилось до того самого дня, когда привлеченная чьим-то вдохновенным голосом она выглянула из тюльпана, увидела прекрасного юношу – и влюбилась в него так искренне и крепко, как могут только феи, до тех пор, пока сама смерть не разлучит их... А!!!

Маленькое милое личико, обрамленное пухом белокурых волос, высунулось из тюльпана и с обожанием посмотрело на Трикса. Потом показались две маленькие ручки, схватились за лепестки – и на свет появилась крошечная девочка, одетая в платье из лепестков васильков. Свесив босые ножки с цветка, она села и подперла голову рукой.

– Ты так хорошо говоришь, – тонким, но отчетливым голоском сказала девочка. – Ты такой милый. Знаешь, я тебя так люблю. Я готова весь день тебя слушать. А ночью я стану танцевать для тебя в лунном свете.

– Я... я... мне надо идти... – отползая, пролепетал Трикс.

– Пойдем, милый, – согласилась фея. Потянулась – у нее за спиной распустились прозрачные крылышки, и она взмыла в воздух. Повисла над Триксом. – Куда ты, туда и я. Только одну минуточку, я еще не обедала.

Со стрекозиным жужжанием девочка спикировала в метелки какой-то травы с пятипальными листочками и бледными желто-зелеными цветами.

Трикс вскочил. Утер выступивший на лбу пот. Было тихо, никаких фей не наблюдалось.

– Голову напекло... – с надеждой сказал Трикс. Похлопал по карману – заколдованные гвозди были на месте. Подхватил букеты.

С макового цветка взмыла вверх крошечная фея. Летела она как-то отяжелело, неровно, ее слегка покачивало из стороны в сторону. Фея плюхнулась на букет, улеглась посреди цветов. И захихикала.

– Ты чего? – убито спросил Трикс.

– Ниче... – Фея хихикнула и замотала крошечными ножками. – Ты такой прикольный... Тебя как зовут?

– Трикс...

– А меня Аннет... Хи-хи!

– Ты чего хихикаешь?

– Я как поем, меня сразу на хи-хи пробивает. – Девочка сладко потянулась. – Посплю, ладно? всю ночь танцевала, танцевала в лунном свете...

Магистр Радион Щавель долго и пристально изучал спящую на ладони Трикса фею. Потом спросил:

– Чем, говоришь, она питается на обед?

– Травка там такая росла... невзрачная. У нее листики такие. – Мальчик растопырил пятерню. – И цветочки... махонькие, невзрачные, желто-зеленые.

– Ты бы еще маковым соком ее кормил. Поздравляю, мой мальчик. Ты осёл. Ты первый в истории маг, у которого фамильяр – фея-наркоманка.

– И что... что мне теперь делать?

– Как что? Сам ведь сказал: пока смерть не разлучит их. Можешь броситься с башни. А можешь прихлопнуть ее тапком или утопить в ночном горшке.

– Нет... – Трикс замотал головой. – Как я могу? Она хорошая и беззащитная. Она меня любит.

– Тогда терпи, – безжалостно сказал Радион. Посмотрел на несчастное лицо Трикса и добавил: – Вообще-то феи цветов живут недолго. Одно лето. Но беда в том, что цветы вокруг моей башни тоже магические, они растут и цветут каждый год, даже под снегом. Что получится из такого ералаша – я даже представить себе не могу. Может, она осенью и помрет. А может, еще и тебя переживет.

– А она полезна? – Трикс не удержался и всхлипнул. – Можно ее к чему-нибудь приспособить?

Магистр Щавель задумался.

– В природе, полагаю, эта пигалица опыляет цветы. Возможно, ее магические способности позволяют как-то влиять на рост растений. Как очухается – расспроси. Мне она отвечать не станет, это твой фамильяр. Будь она хоть немного побольше, – Радион хмыкнул, – можно было бы приспособить ее к кухонным работам. Она бы, конечно, сильно страдала, но из любви к тебе управлялась бы как могла. Не знаю, мальчик, не знаю. На будущее это послужит тебе хорошим уроком.

Трикс молчал, сознавая правоту учителя.

– Гвозди давай сюда, – велел Щавель. – Я сам почию подъемник. Что-то подсказывает мне, что тебе не стоит поручать столь сложные задания, как соединение двух досок посредством гвоздей. А букеты поставь в сортиры. Этот, с тюльпанами, ко мне, а второй в свой. И не забывай менять их каждые два дня.

Он еще раз посмотрел на фею и вздохнул:

– Ты точно не желал, чтобы она умела становиться... э... крупнее?

– Нет...

– Салага, – печально сказал Щавель. – Я боюсь даже рассказывать коллегам. Смеяться будут не над тобой, а надо мной. А завтра я ждал гостей... маленький симпозиум...

Он задумался.

Потом протянул руку и осторожно пощекотал фее животик.

– Любимый... – нежно сказала фея и потянулась. Открыла глазки, нахмурилась и вскочила. – Это еще что? Я порядочная фея!

– Я всего лишь хотел тебя разбудить, – сказал Щавель. – Скажи-ка, что ты умеешь?

Фея, надувшись, молчала.

– Трикс, спроси ты.

– Аннет, что ты умеешь делать?

– Танцевать в лунном свете, милый! – проворковала фея.

– А еще? Цветы выращивать?

– Я фея цветов, а не садовник! Пусть сами растут.

– Понятно, – резюмировал Радион. – Абсолютно бесполезный фамильяр.

– Она красивая! – вступился за фею Трикс, за что заслужил полный обожания взгляд

Аннет.

– Надо будет подарить тебе хорошую лупу, – сказал Радион. – Ладно, мой мальчик. По крайней мере ты доказал, что твои способности растут. Вызов фамильяра... любого фамильяра... это сильное волшебство. Жаль, что нельзя с помощью магии преодолеть наши финансовые трудности.

Он задумчиво посмотрел на Трикса – и тот узнал этот взгляд. Взгляд этот называется «куда-бы-тебя-услать-с#глаз-моих-подальше». Мать так смотрела на него, когда он врвался в ее комнаты в разгар милой беседы с подружками, отец – когда Трикс околачивался в тронном зале во время душевных разговоров с друзьями – о рыбалке, охоте или непонятных «простительных правителю шалостях». Мать, правда, шалости эти называла непростительными, но в детали Трикса не посвящали.

– У меня есть небольшой домик в Дилоне, – сказал маг. – Я собирался отправиться туда дня через три. Но у меня возникла чудесная мысль. Раз уж ты теперь такой самостоятельный, и даже с фамильяром, то отправлю тебя в столицу одного. Загодя. Приберешься, помоешь полы, посуду... запасешь продукты. Можешь набить карманы медными монетами из сундуков. Усек?

– Усек, – кивнул Трикс. – Никто ведь не знает, что я маг, правда?

– Официально ты пока не маг, – поправил его Радион. – А деньги... если что, то это твои деньги. Ты же понимаешь?

Трикс кивнул.

– Фею никому не показывай, – добавил магистр. – Пусть сидит у тебя в кармане. Или за пазухой.

– За пазухой, за пазухой! – радостно закричала фея. – Ближе к тебе, милый!

Трикс покраснел и оттопырил нагрудный карман на мантии. Фея поняла все без слов – вздохнула и перелетела в карман.

– Можешь проковырять там дырочку, чтобы было интереснее... – сказал Трикс. – Ай! Ты куда ковыряешь?

– Внутри, милый. Мне приятнее глядеть на тебя!

– Ковырай наружу! Нечего тебе на меня все время смотреть!

Радион Щавель возвел глаза к потолку. Пробормотал:

– Нет, надо признать, в чем-то выбор правильный. Они созданы друг для друга...

Трикс!

Трикс всем своим видом выражал готовность слушать и повиноваться.

– Не подведи меня, ладно? – попросил Щавель. – Соберись. Сконцентрируйся. Делай все, хорошенько подумав. Отправишься завтра с рассветом, к вечеру будешь в Дилоне.

– Я не подведу вас, учитель! – пылко воскликнул Трикс.

2

Нет ничего приятнее в жаркий летний денек, чем сидеть под старым развесистым деревом, пить из глиняного кувшина холодный сидр и взирать на путников, которые тащатся в пыли по солнцепеку.

Особенно если день уже клонится к вечеру, а путник, ведущий под уздцы усталую серую лошадку, на которую были навьючены два тяжелых тюка, явно шел издалека – к примеру, из Арсонга или Босгарда.

– Устал малец-то, – сказал один из наблюдателей, достойный всяческого уважения плотник. – Небось подручный торговца.

– Не похож, больно взгляд честный и простой, – возразил его товарищ, по причине отсутствия постоянной работы и денег питавший к торговцам неприязнь. – Плесни?

За разливанием сидра они не обратили внимания, как парнишка с лошадьёю свернул на ведущую вверх, по склону холма, дорогу. Вверх от реки шли кварталы домов побогаче, жила здесь еще не знать, но уже и не мастеровой люд. Вместо двух-трех деревьев, которые по обычаю высаживали у каждого дома, эти дома со стороны дороги имели палисадники, а за собой скрывали уютные зеленые сады. В меру богатства и тщеславия хозяев одни сады были засажены полезными во всех отношениях яблонями и сливами, другие – деревьями хоть и красивыми, но годными лишь на дрова.

Свераясь с листком бумаги, на котором магистр Щавель аккуратно вычертил маршрут, Трикс дошел до ветхого забора, покосившегося от старости и покрашенного давно облупившейся и посеревшей белой краской. Калитка была небрежно закрыта на щеколду, которую ничего не стоило открыть снаружи. Разросшиеся кусты и деревья почти полностью скрывали стоящий в глубине сада домик. Несмотря на явное запустение, стекла в окнах были целы, а вольно растущие на клумбах цветы явно не знакомы с ножницами воришек. И немудрено – по саду, хорошо заметный даже при дневном свете, порхал сторожевой огонек. Когда Трикс отпер калитку и вошел, огонек устремился к нему. Трикс остановился.

Сторожевые огоньки – вещь не слишком редкая, доступная и слабенькому магу, и состоятельному горожанину. При некоторой ловкости и силе хороший вор способен и обмануть огонек, и прихлопнуть – некоторые предпочитают рукавицы из кожи саламандры, а некоторые ведро с водой. Но от мальчишек, ворующих цветы в садах, или от мелких воришек, которые тянут все, что плохо лежит, огоньки защищают неплохо.

Огонек подлетел к Триксу. Он был размером с крупный апельсин, такой же оранжевый, только не твердый, а просвечивающий, будто из горящего воздуха. При некоторой фантазии в кружащихся бликах пламени можно было увидеть подобие лица.

– Я послан твоим хозяином, – сказал Трикс. – Вот знак его, вот перстень его, вот бумага с его подписью.

Огонек покрутился у протянутой руки Трикса. Большой палец мальчишка держал поднятым – это и был знак, на пальце болтался простенький серебряный перстень, а нарисованная магистром карта и содержала ту самую подпись – пышную, витиеватую. Удовлетворенный осмотром, огонек коснулся бумаги – та вспыхнула и мгновенно рассыпалась пеплом в руках Трикса. Огонек засветился ярче и унесся патрулировать сад. Некоторые маги поручали огонькам и иные функции, кроме охранных, – показать дорогу, осветить в темноте. Но Щавель считал, что охранник, занимающийся другими делами, – это никудышный охранник.

Трикс завел в калитку лошадь, провел по посыпанной песком дорожке в конюшню. Вздохнул и стал разгружать тюки. Работа ученика мага – это, как мы уже говорили, на девяносто процентов переноска тяжестей, мытье и прочая работа по хозяйству.

Только через час, когда солнце уже начало клониться к закату, усталая лошадь была почищена и накормлена, тюки разобраны и занесены в дом. Вылив из бочки у крыльца застоялую дождевую воду, Трикс натаскал свежей – в саду был свой колодец, восхитительная роскошь, – занес в дом дорожную куртку и строго велел нагрудному карману: «Не подглядывай!», после чего разделся и вымылся сам. Благодаря Радиону его гардероб стал побогаче, так что он надел чистую рубашку и штаны, посмотрел на себя в маленькое зеркальце в передней и счел результаты сносными.

Нельзя сказать, что за неделю, прошедшую с тех пор, как он превратился в беглеца и изгоя, Трикс сильно вырос. Нельзя даже сказать, что он вырос не сильно. Но вот глаза стали серьезнее, губы жестче. Это по-прежнему был мальчик, но уже не мальчик из дворца.

Входя в Дилон, Трикс был абсолютно уверен, что, добравшись до домика Щавеля, немедленно упадет в кровать и уснет. Ну, разве что поужинает захваченными с собой яблоками и хлебом, и все. Но вымывшись и переодевшись, он вдруг осознал, что силы вернулись

и ему вовсе не хочется спать. Хочется погулять, увидеть город. Он посмотрел на куртку, хранившую обиженное молчание, и со вздохом набросил ее на плечи. В кармане что-то завозилось.

– Присматривай тут! – строго велел Трикс сторожевому огоньку, запирая за собой калитку. – Я скоро вернусь.

Огонек в наставлениях не нуждался, а возвращение или невозвращение Трикса было ему абсолютно безразлично. Но на вечеряющей тихой улице, в старом разросшемся саду очень хотелось хоть с кем-то поговорить. А фею Аннет Трикс по возможности старался игнорировать.

Трикс вышел за ворота и осмотрелся.

Он уже понял, что эта окраинная улица на склоне холма когда-то была застроена загородными домами, где жили либо наездами, утомившись от городской суеты, либо во время кратких визитов из других городов и сел. Потому и дома здесь были небольшие, большей частью сейчас нежилые (только кое-где патрулировали сторожевые огоньки), и людей не наблюдалось. Сейчас улица уже вросла в город, стала просто окраинной улицей, но тут все равно было тихо.

Можно было пойти вниз, к реке, где на шумных набережных всю ночь фланировал народ, предлагали еду и выпивку мелкие торговцы, а фокусники и акробаты пытались заработать на постой.

Можно было двинуться вверх по темной улице, где лишь на редких перекрестках горели фонари. В принципе таким образом Трикс поднимался к самым богатым кварталам города, возможно даже – к княжескому дворцу.

А можно, конечно, было и вернуться. И все-таки лечь спать. В доме Трикс нашел несколько вполне приличных свечных огарков и две книги: «Энциклопедия заблуждений начинающего мага» и «Хроники княжества Дилон».

Трикс подумал и наклонил голову.

– Аннет?

– Милый? – Фея мгновенно высунула личико из кармана. – Хочешь, чтобы я потанцевала? Луна еще не взошла...

Если она и сердилась на Трикса за то, что всю дорогу провела в его кармане, то ничуть этого не показывала.

– Я вот размышляю, куда пойти? На набережную? Вверх? Или в доме остаться?

– С тобой, Трикс, везде хорошо!

– Да мне бы совет...

Фея наморщила лобик и посмотрела вниз по улице.

– Там весело, – сказала она. – Ты сможешь купить себе горячий пирожок с повидлом или пончики с сахарной патокой. Тебе надо хорошо кушать, Трикс, ты ведь растешь!

Трикс поморщился от такой заботливости. Но упоминание пирожков и пончиков действительно было серьезным аргументом. В Дилоне все становилось сладкоежками, таковы, вероятно, были наложенные при его строительстве чары.

– Хорошо, пойдем вниз, – сказал мальчик. – Только ты не высовывайся! Никто пока не должен знать, что я – волшебник! А то будут мне такие пирожки...

Будь Трикс старше и опытнее, он бы вспомнил народную присказку: «Выслушай фею внимательно и сделай все наоборот!» Ах, какие удивительные приключения ждали его, отправься он вверх по улице! Волшебные, сказочные, достойные пера великих сказителей древности!

Но он пошел вниз, и мы уже никогда не узнаем, почему визирь Самаршана повелел отрубить голову своей любимой наложнице, кто был такой Багир Великодушный и чем зна-

менит Алмаз Средоточения. Быть может, кто-то другой однажды расскажет эту историю, я же умолкаю и готовлюсь к описанию пирожков и пончиков.

Трикс спустился к самой реке. Улица постепенно становилась все более оживленной. На лужайках за палисадниками вечеряли за кувшином вина или сидра благовоспитанные граждане, перед заборами резвились их отпрыски, играли в ножички, мячики, шарики, камешки, палочки, *сыпани-песочек* и *раскуй-кандалы*. Трикс, как подобает взрослому и серьезному человеку, прошел мимо детской возни со снисходительной улыбкой, лишь один раз не удержавшись и ловко отбив выскочивший ему под ноги тяжелый каучуковый мяч.

Набережная начиналась маленькой площадью, посередине которой высился бронзовый монумент – обнаженная юная дева с распущенными волосами сидела на статной лошади. Руки дева простерла перед собой, а на губах ее играла улыбка, заставляющая подзревать, что распущены были не только волосы, но и их обладательница.

Уже догадываясь, что за памятник перед ним, Трикс обошел постамент и прочел: «Благородной и великодушной княгине Кадиве от благодарных и восхищенных горожан».

Княгиня Кадива прославилась в Дилоне лет пятьдесят назад. Ныне здравствующей, но еще не правящей по малолетству Тиане она приходилась родной бабушкой. Возвышение княгини, до той поры не слишком-то известной, произошло после того, как ее муж, правящий князь, решил повысить налоги на соль, сахар и спички. Народ возмутился и грозил бунтом. Князь на попятный идти не хотел. Когда же и княгиня стала молить супруга прислушаться к гласу народа, он, будучи изрядно навеселе, ответил: «Проедешь по набережной голой – отменю налог!»

Многие считают, что князь, хотевший и бунта избежать, и лицо сохранить, искренне надеялся на многочисленные лазейки, которые не были оговорены в его требовании. К примеру, Кадива могла проехать по набережной голой, но в карете или паланкине. Могла распустить свои дивные волосы и проехаться, укрывшись ими. Могла проехать глубокой ночью, предварительно повелев страже разогнать зевак. Короче говоря, у Кадивы было множество возможностей. Но она ими не воспользовалась. Оседлав белоснежную кобылу, герцогиня проскакала от дворца до набережной, а потом и по набережной вперед-назад в абсолютном неглиже, для гарантии связав пышные волосы в толстый узел на голове.

Шокированный князь отменил налоги на соль, сахар и спички вообще, после чего ушел в полуторанедельный запой. Когда же он протрезвел и попытался помириться с супругой, ставшей после своего подвига всеобщей любимицей, та потребовала от него полностью отменить налоги на мыло, «дабы подданные чисты были и болезней избегли». Князь уперся как тролль, которого пытаются выгнать из-под моста на солнечный свет. Княгиня немедленно разделась и стала носиться голой по городу, заявив, что не вернется, пока требование не будет исполнено.

Искренне любивший супругу князь отменил налоги на мыло, что и впрямь привело к уменьшению эпидемий. Ведь мужья теперь требовали от жен блистать такой же чистотой, как и благородная Кадива, да и сами поневоле привыкали мыться почти каждую неделю.

Истории известны были еще два подвига Кадивы такого же рода: постройка в городе начальной школы для детей из бедных кварталов и организация общедоступного городского пляжа. Во всех остальных случаях сочувствующая князю стража успевала задержать княгиню у ворот замка.

Дальнейшая судьба Кадивы туманна. Говорят, что она внезапно и тяжело занемогла, после чего ее прекрасное тело обезобразили нанесенные волшебниками лечебные татуировки. Так ли это или нет, но гильдия магических рисунков и впрямь после этого стала пользоваться благоволением князя, а Кадива провела остаток дней, одеваясь в глухое платье до пят, лишь иногда позволяя себе поддернуть подол и показать какому-нибудь пажу левую

пятку – говорят, единственную часть тела, где по недосмотру волшебников не были бы вытатуированы пауки, скорпионы или иная гадость. Через три года, подарив князю наследника, она тихо скончалась. Говорят, согласно ее воле, Кадиву похоронили голой в хрустальном гробу. Впрочем, мало ли каких гадостей не говорят про известных людей? А следующую жену князь взял из глухой горной деревушки, славящейся скромностью нравов и обычаем женщин носить на лице занавеску из темной кисеи...

Как бы там ни было, но вскоре после смерти Кадивы городской магистрат объявил сбор средств на памятник, и князь не решился идти против воли народа. Единственной уступкой горожан стало то, что тело княгини прикрыли распущенными волосами. Так, и не в первый раз, нравственность победила правду.

Надо сказать, что Трикс не столько пытался разобрать стройную фигуру княгини, скрытую распущенными волосами, сколько с искренним удовольствием разглядывал ее лицо. Девушка на лошади выглядела очень милой. Ну, староватой, конечно, ей было уже за двадцать, но, несомненно, милой.

Трикс, искоса поглядывая на прекрасную княгиню, обошел памятник и погладил свисающий вниз кобылий хвост. Отполированный множеством рук, он, по легенде, приносил удачу в любви каждому прикоснувшемуся. Еще большую удачу приносила встреча глубокой ночью с призраком княгини, который, если верить слухам, скачет в ночь перед повышением налогов по набережной и громко стенает, взывая к милосердию правителей...

Но сполна насладиться созерцанием княгини Трикс не сумел. Кто-то больно щипнул его сквозь дырочку в куртке и зашептал из нагрудного кармана:

– Хватит пялиться! Хорошо воспитанному мальчику не подобает глядеть на такие безобразия!

– Я вовсе не гляжу! – зашептал Трикс. – И вообще... чего ты мне указываешь?

– Я твой фамилляр! Я обязана... обязана... – Фея сбилась. – Я обязана о тебе заботиться! – И тут же непоследовательно добавила: – А еще я не обедала, я очень голодная, ты меня не покормил!

Трикс смутился. Он и впрямь днем почти забыл про Аннет.

– Пойдем, я чего-нибудь тебе найду, – пообещал он.

Недалеко от памятника, в круге света от большого масляного фонаря, обосновались торговцы. Трикс придирчиво осмотрел их ассортимент: один продавал медовые пряники, другой – изюм и орехи, третий – вафельные трубочки с кремом. На всякий случай Трикс купил всех лакомств – карман оттягивали незаконные медные монеты, потом уселся на скамеечке под деревьями, где было потемнее. И осторожно высыпал в карман кусочек пряника, изюминку с орешком и даже кусочек трубочки с кремом.

– Ой, – сказала фея. – Крылья...

– Что крылья?

– Кремом замазал...

– Извини!

Некоторое время царил тишина. Трикс грыз свою трубочку.

– Прости, милый, а ты не видишь поблизости... цветочков? – спросила фея.

– Нет, – твердо ответил Трикс. – Не вижу. Да и не думаю, что дурман-трава будет расти в городе!

– Это точно, ей и вырасти-то не дадут, – грустно сказала фея. Высунула головку из кармана, огляделась.

Кроме торговцев сладостями и редких парочек, площадь с памятником Кадивы служила излюбленным местом встреч влюбленных – вокруг, почитай, никого и не было. Только какой-то несуетливый тощий парнишка стоял, привалившись к огромному клену, и насвистывал незнакомую мелодию. Возможно, ждал подружку? Впрочем, пока ему не везло –

несколько раз к нему подходили, но это были молодые люди немногим старше. После короткого разговора они уходили, что-то пряча в карманы. Трикс подумал, что паренек, видимо, тоже торговец. Только очень скромный и ленивый.

– Милый, я прогуляюсь, – нежно проворковала Аннет.

– Ты что?

– Не бойся, я отведу глаза. Всем, кроме тебя.

– А ты умеешь?

– Когда я хочу есть, я многое умею, – мрачно ответила фея и выпорхнула из кармана.

С замиранием сердца Трикс смотрел, как фея летит через площадь к ленивому торговцу. Маленькое тельце слегка светилось, и не заметить ее было решительно невозможно.

Но никто ее не замечал.

Описав вокруг клена несколько кругов, фея решительно юркнула торговцу в карман. Прошла томительная минута. Трикс нервно дожевывал пряник.

Фея выпорхнула и полетела обратно. Только уже не напрямую, а будто пританцовывая в воздухе. Временами в ночи раздавался ее смех – тонкий и мелодичный.

Торговцы сладостями закрутили головами и на всякий случай принялись улыбаться в ожидании покупателя.

– Ты что! – воскликнул Трикс, когда Аннет подлетела к нему и уселась на оттопырившийся карман. – Не смейся! Тебя слышат!

– Смешно ведь, – с сожалением сказала фея, но хихикать перестала. – Ты... ты... не сердись. Хочешь, я тебя поцелую?

– Ты чего наелась?

– Так... всякого разного... самаршанского отборного, двойного моряцкого...

– Это что, парень дурман-травой торгует? – в ужасе воскликнул Трикс.

– Нет, опилками! – Фея встала в полный рост, затрепетала крылышками и пихнула Трикса кулачком в подбородок. – И не смей мне указывать! Такова моя... хи-хи... натура!

Она вдруг свалилась с кармана и шлепнулась Триксу на колени, что вызвало у нее новый приступ смеха.

– Это крем! Крем налип на крылышки! – воскликнула она. – Трикс, дай печенюшку? Сладенького хочца!

Трикс сгреб фею в кулак и засунул в карман, где Аннет немедленно захрустела обломками вафель.

А сам Трикс решительным шагом двинулся к торговцу.

Конечно, разбираться с торговцами дурман-травой – дело городской стражи. Но парень выглядел хоть и чуть повыше Трикса, но тощим и неопасным. Накостылять ему по шее, будет знать, как фей сбивать с пути истинного!

В запале Трикс даже не подумал, что парень не видел феи и был, несмотря на неприглядность своего ремесла, ею попросту обворован.

– Молодой господин желает... – тонким голосом произнес торговец при его придвижении. И вдруг замолчал.

Трикс тоже остолбенел и не мог выговорить ни слова.

Перед ним, одетый в темную рубаху и темные штаны, в мягкой темной шапочке, скрывающей рыжие волосы, стоял Иен! Его беглый оруженосец!

– Mamочка, – тихо сказал Иен.

– Я тебе не мамочка, – с восторгом воскликнул Трикс. Нет, все-таки правду пишут в хрониках, что судьба жестоко карает предателей! – Я твой преданный господин!

– Ты что, предан этому задохлику? – возмутилась из кармана фея.

Но Трикс на нее внимания не обратил. Схватил Иена за шиворот и отвесил оплеуху. Воскликнул:

- Как ты смел!
- Да он трус позорный! – снова возмутилась фея. – Стоит и не пикнет! Триксик, милый мой, дай я его укушу за нос!
- Ты дал мне обет!
- Ну, если пацан тебя накормил, – рассудительно сказала фея, – то он заслуживает снисхождения...
- Ты должен служить мне днем и ночью, без ропота и стенаний, без отдыха и расслабления!
- Нет, ну, Трикс, послушай, на таких условиях он быстро загнется! – возмутилась фея. – Ты же понимаешь, я всегда на твоей стороне, но...
- Замолкни! – рявкнул Трикс, и Аннет обиженно замолчала.
- Я и так молчу, – понурился, сказал Иен.
- До Трикса дошло, что Аннет по-прежнему остается для Иена невидимой и неслышимой.
- Вот и молчи, – уже спокойнее сказал он. – Ты сбежал – раз. Ты меня обокрал, присвоил грамоту – два. Этого уже довольно, чтобы отсечь тебе голову... нет, это слишком почетно. Чтобы повесить тебя! Или утопить в реке!
- Иен поежился.
- Но самое главное, – продолжал Трикс, – что ты нанялся торговать дурью! Ты меня опозорил! Проступки оруженосца, как существа изначально не имеющего чести, ложатся на его господина!
- Я не хотел... – Иен всхлипнул. – Трикс... я не хотел. Я боялся в Дилон с тобой идти. Я же не благородный, мне погибать за честь и славу непривычно. А рекомендательное письмо тебе все одно не нужно было, ты же правды искал, а не богатства...
- Ну и как, нашел богатство#то? – ехидно спросил Трикс.
- Иен подавленно молчал.
- Ты зачем к бандитам устроился на работу?
- А кто ж знал, что это бандиты? Купец как купец, приезжий из Самаршана... Специями торгует. Я ему два дня помогал пряности мешать, с поручениями бегал. Потом он мне пакетиков надавал, стой, говорит, и торгуй. Я только на третий день понял, что в этих пакетиках... Честное слово!
- Да уж какая у тебя честь... – Трикс задумался.
- Ты меня убьешь? – печально спросил Иен. – Или страже выдашь? Лучше убей, а? Говорят, тех, кто дурью торгует, в шахты ссылают... а там...
- Трикс, я чего-то не поняла, – подала голос фея. – А что, торговать травкой – это плохо?
- И что мне с тобой делать? – Трикс выпустил наконец Иена. Тот покорно стоял, не пытаясь убежать.
- А что в хрониках написано?
- Трикс задумался. Потом признал:
- Разное. Гипур Великодушный, к примеру, предавшего его оруженосца привязал к хвосту кобылы.
- И пустил ее вскачь? – испуганно предположил Иен.
- Хуже. Две недели кормил лошадь как на убой, а из стойла не выводил. Говорят, оруженосца потом в золотари определили, потому как запах вьелся навсегда... Хотя вот был еще Жвидон Суровый, так он просто выпорол оруженосца плетью и простил.
- Вот суровость – она мне всегда больше великодушия нравилась! – оживился Иен.
- Трикс, – подала голос Аннет. – Трикс, будь добрее! Миром правит любовь! Нет – войне, да – любви!

– Да ты лучше помолчи! – адресуясь сразу и к Иену, и к Аннет, произнес Трикс. – Ладно... Я... я тебя прошу. Подвергну наказанию, но прошу.

– Какому наказанию? – насторожился Иен.

– Суrowому, – вспоминая запущенный сад и грязные полы в домике Щавеля, Трикс ухмыльнулся. – Ладно, пошли.

– Не могу, я же на работе!

– Что?

– К тому же, – Иен печально посмотрел куда-то за плечо Трикса, – за мной тут приглядывают...

Трикс обернулся, хотя и понимал, что рискует попасться на старую как мир уловку.

Но Иен не обманывал.

За спиной Трикса стояли двое. Один – смуглый длинноволосый бугай, среди чьих предков явно были выходцы из жаркого Самаршана. Другой – худой лысый доходяга с бледными бесцветными глазами. Оба молодые, но какие-то помятые. Рядом друг с другом они смотрелись так смешно, что сразу становилось страшно.

– Ты чего пристал к человеку? – спросил лысый. – Эй, малыш?

– Он не умеет говорить, – предположил бугай, с хрустом разминая пальцы. – Языка у него нет.

– Нет, он что-то чирикал. – В руках доходяги вдруг появился нож с тонким как шило лезвием. Кончиком клинка доходяга принялся выковыривать грязь из-под ногтей. – Но все можно поправить...

Трикс сглотнул и сказал как можно тверже:

– Этот юноша – мой ору... слуга. Беглый слуга. Я забираю его с собой.

– Смешно, – сказал бугай.

– Забавно, – согласился доходяга.

Трикс с ужасом понял, что никакая магия ему не поможет, даже если он с перепугу найдет нужные для заклинания слова. Маги не правят миром именно потому, что каждое заклинание надо произнести. И чем оно сильнее, тем дольше надо говорить.

А с вырезанным языком, да и просто с ножом в груди, говорить очень трудно. Это знают все маги и потому предпочитают отправляться на поиски приключений с двумя-тремя рыцарями – не обладающими даром красноречия, но зато умеющими управляться с тяжелыми железьяками...

– Ребята! – Из кармана Трикса вдруг выпорхнула фея, и по округлившимся глазам смешной парочки стало ясно: они ее прекрасно видят. – Давайте жить дружно! Будем делать любовь, а не войну!

– Ф#фея! – прошептал бугай.

Все знают, что от фей ничего хорошего ждать не приходится. И уж особенно тогда, когда они желают добра. Их добро обычно заканчивается долгим сном в заколдованном замке, неприятными трансформациями в квакающих или попискивающих животных, а в самых запущенных случаях – интересной жизнью в качестве предметов домашнего обихода.

– Мир! Любовь! Танцы под луной! – выкрикнула фея, размахивая ручками. При каждом движении с крошечных пальчиков срывалась серебристая пыльца и светящимся облаком окутывала недружелюбную парочку.

Вначале у лысого начали расти волосы. Они были нежно-зеленые, похожие на свежую траву. У бугая волосы стремительно заплелись в тонкие косички. Нож в руках тощего и уже не совсем лысого превратился в курительную трубку. Темные одежды, удобные для нехороших ночных дел, обернулись пестрыми просторными балахонами. В воздухе над голо-

вами бандитов повисли крошечные разноцветные радуги, откуда-то заиграла приятная, хоть и заунывная музыка.

– Возьмемся за руки! Будем любить друг друга! – продолжала фея.

Видимо, этот призыв испугал бандитов особенно сильно. Они с воплями кинулись наутек. Влюбленные на лавочках постарались вжаться друг в друга. Откуда-то издалека пронзительно и заливисто зазвучал свисток стражи.

– Бежим! – выкрикнул Трикс.

К его удивлению, Иен не колеблясь кинулся за ним. Фея тоже неслась над головой Трикса, трепеща прозрачными крылышками и заливисто хохоча.

– А говорила – ничего не умеешь! – выкрикнул Трикс на бегу.

– Когда хорошо поем, то кое-что умею, – без тени стеснения ответила фея.

Конечно же, их никто не преследовал. Стражники в Дилоне вовсе не считали своей обязанностью беготню по городским холмам. Порядок восстановлен, нарушители спокойствия разбежались, жертв и разрушений нет – чего еще желать горожанам от стражи?

Через час, когда уже совсем наступила ночь и даже набережные почти опустели, Трикс и Иен сидели на маленькой кухоньке в доме волшебника и пили чай. Стараниями Иена (ради справедливости скажем, что Трикс все-таки немного помогал оруженосцу, например, заварил чай) кухня приняла почти приличный вид. Из ящиков была выброшена проросшая картошка и загнившая морковь, сковородки и кастрюли начищены, пол чисто выметен. Мыши, разгулявшиеся за те месяцы, пока никто не заглядывал в домик, попрятались по норкам. В общем, можно было спокойно ужинать.

– Я даже не знаю, что с тобой делать, – огорченно говорил Трикс, опустошая найденную в буфете банку засахарившегося вишневого варенья. – Ума не приложу.

– Трикс, я больше так не буду! – клятвенно пообещал Иен. – Сам не знаю, чего меня дернуло...

– Да не в этом дело, – отмахнулся Трикс. – Раз я тебя простил, то, значит, простил. Дело-то в другом. Я же теперь маг и чародей, видишь? Начинающий...

– Ага. – Иен покосился на фею, сидевшую на крае стола и болтавшую ножками. Фея слабо светилась, а вокруг нее вилась мошкара. – Вижу...

– Ну и как я могу тебя взять на службу? Будь я настоящий волшебник – взял бы тебя в ученики. А вот ученику волшебника ученики не положены. И оруженосцы тоже.

– А слуги?

– Щавель возмутится, – мрачно сказал Трикс. – Он всегда говорит, что работа волшебника требует уединения. Потому и сам слуг не держит.

– По-моему, он врет, – сказал Иен, выскребая почти пустую банку из-под апельсинового джема. – Он скупердяй, наверное.

– Да нет же, – заступился Трикс за учителя. – Он ничего так. Бедный только...

– Волшебник? Бедный? Наколдовал бы себе золота!

– Золото нельзя наколдовать, – вздохнул Трикс. – Давай дождемся, пока он приедет. Он добрый... для волшебника. Может быть, он тебя здесь поселит? Чтобы ты дом сторожил.

– Я бы с удовольствием! – воскликнул Иен, оглядывая кухоньку. – Крыша крепкая, не течет. И зимой, наверное, тепло.

– Мальчики... – Фея повернулась к ним и вздохнула. – Ну как вы можете обсуждать всякую ерунду? Луна взошла!

– Ты хочешь танцевать? – догадался Трикс.

– Ага! – Фея просияла. – Будете смотреть?

Трикс смутился. Честно говоря, когда он представлял себе фей, танцующих в лунном свете, ему виделось что-то более крупное. Похожее на княгиню Кадиву. А еще ему хотелось спать, хотя он и не подозревал пока, что выспаться в эту ночь толком ему не удастся.

– Понятно, – грустно сказала фея. – За каждый обед ругают, танцами не любят... Увидимся утром, Трикс.

Она вспорхнула и светящимся мотыльком вылетела в открытое окно. От феи исходил такой раздраженный гул, что даже сторожевой огонек, проплывающий мимо, на всякий случай шархнулся.

– Суровая она у тебя, – сказал Иен. – А что там такое про обеды?

– Дурью она питается, не понял? – мрачно ответил Трикс. – Так получилось. Когда голодная – раздражительная и ничего не умеет. Как наестся – начинает хихикать и глупости делать... Ладно, давай спать. Я лягу в комнате Щавеля, а ты можешь в большом зале, на диванчике. Или в каморке для слуг, там кровать есть.

– А можно в кабинете?

– Нет! – перепугался Трикс. – Ты что! Мне Щавель вообще запретил туда заглядывать. Говорит, там остаточная эманация магии. Уснешь человеком, а проснешься каким-нибудь эльфом или минотавром.

– Глупости, – неуверенно сказал Иен. – Пугает... Я в каморке лягу, так привычнее.

Трикс взял одну свечу, Иен другую. Пройдя темным коридором, мальчики пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись – Иен в свою каморку возле входных дверей, Трикс в спальню мага – мрачноватую, но с широкой и мягкой кроватью. Раздевшись и потушив свечу, Трикс немного постоял у окна, вдыхая свежий прохладный воздух. Несмотря на жаркий день, ночь выдалась прохладной. Сквозь ветви деревьев проглядывали особняки верхних районов и даже купол княжеского дворца. Трикс подивился тому, что и дворец, и улицы между особняками были ярко освещены – двигались крошечные точки светильников, мерцали красноватым светом факелы, а вокруг купола дворца разливалось белое магическое сияние. Интересно, так каждую ночь? Или сегодня у регента Хасса был какой-нибудь важный прием, после которого только расходятся гости...

Вздыхнув, Трикс забрался в кровать, натянул одеяло по самые уши. Постель была довольно чистой, если на ней и спали, то неделю-другую, не больше. Ночную рубашку, принадлежавшую Щавелю, Трикс решил не надевать. Завтра надо будет велеть Иену постирать и ее, и простыни... а самому пойти на рынок и купить все по списку Щавеля: еду, свежие полотенца, бумагу и чернила, ароматические свечи, вина белые и красные, мыло для рук и головы, благовонные соли для ванн...

Он уже погружался в сон, когда услышал тихие шаги в коридоре. Трикс затаил дыхание. Дверь в спальню скрипнула.

Иен!

Негодный оруженосец решил обворовать его и снова убежать?

– Трикс! – тихо и жалобно позвал Иен. – Трикс, мне страшно! Там... там кто-то ходит!

– Где?

– В ка... кабинете!

Сон с Трикса как рукой сняло. Он вскочил, торопливо натянул штаны. Поискал на ощупь на стене – еще днем мальчик заметил, что в спальне своей великий маг Щавель, не полагаясь на одно лишь волшебство, хранил простую, но увесистую дубинку вроде тех, которыми пользовались стражники. Схватившись за упругую теплую рукоять из резинового дерева и обмотав вокруг кисти ремennую петлю, Трикс сразу почувствовал себя увереннее. В конце концов, он же победил хулигана в драке на палках? И победил потому, что невольно сложил заклинание, сделавшее его хорошим бойцом. Насколько Триксу было известно, действует такое волшебство долго.

– Пошли! – велел Трикс. Глаза уже привыкли к темноте, и света из окон вполне хватало, чтобы ориентироваться. Иен тоже был в одной рубашке и босиком.

– Вначале я услышал, что кто-то на улице возится, у калитки, – торопливо рассказывал Иен. – Ну, мало ли... Пошумели и перестали. А потом слышу – в кабинете скрипит... и как бы голоса тихие... Это магия, вот честное слово, магия! Остаточные има... эманации.

– Вор залез, – неуверенно сказал Трикс. Они опасливо приблизились к двери кабинета. Вроде бы было тихо...

– А сторожевой огонек? – зашептал на ухо Иен.

– Ну... справились.

– Нет, я видел, он мимо окошка пролетал, когда в кабинете шумело...

– Может, тебе приснилось? – предположил Трикс.

Мальчики стояли, прижимаясь друг к другу и вслушиваясь в ночную тишину. На самом-то деле ночью в доме никогда не бывает совсем тихо. Шелестят за окнами листья на деревьях, шумит в щелях ветер, пощелкивает углями остывающая печка, тихо вздыхают натруженные за день половицы, поскрипывают дверные петли, в углу скребёт мышь. А сейчас тишина стояла мертвая, гробовая, будто на кладбище или в пещере.

– Никого нет! – прошептал Трикс.

– А чего шепотом-то? – ответил Иен.

– Не так страшно, – признался Трикс.

– Может, и впрямь приснилось... – виновато признался Иен. – Только странно...

Что именно странно, он договорить не успел. В кабинете что-то звякнуло и зашуршало. Потом из-под двери пробился яркий свет.

– А! – завопил Иен во весь голос.

– А! – подхватил Трикс и, твердо зная, что лучше напугать врага, чем бояться самому, ударил по двери дубиной.

– А! А! – на два голоса завопили внутри кабинета.

Обрадованный этой слабостью незваных гостей Трикс что есть силы пнул дверь, распахнув ее вовнутрь кабинета.

На письменном столе магистра горела яркая масляная лампа. Рядом, со спичками в руках, застыл светловолосый мальчишка чуть младше Трикса, в одеждах княжеского дома – белое с голубым, короткие штаны чуть ниже колен, кружевная рубашка, круглая шапочка на голове. Судя по одежде, мальчишка был пажом или младшим слугой в княжеских палатах. За его спину прятался совсем уж мелкий пацаненок, черноволосый, чумазый, одетый не в пример проще... и знакомый Триксу!

– Ага! – завопил ученик магистра Щавеля, разом приободрившись. – Ты?

Мальчишка со слишком гордым именем Халанбери, предпочитающий откликаться на прозвище «Ага», закрыл рот и всмотрелся в Трикса. Потом виновато сказал:

– Ага. Я. А ты чего сюда залез?

– Я тут по праву! – рявкнул Трикс как можно более уверенно. – Это дом моего... моего учителя. И я за ним присматриваю. А ты что здесь делаешь?

Ага просительно посмотрел на своего спутника. Тот все еще держал догорающую спичку, и как раз в этот момент огонь коснулся его пальцев. Пацан взвизгнул, выронил спичку и принялся затаптывать ее, одновременно засунув в рот обожженный палец.

– Чего визжишь, как девчонка, – презрительно сказал Иен из-за спины Трикса. – Подумаешь, пальчик обжёг... Княжеский слуга, а еще по чужим домам лазишь! Позор! Вот позовем стражу, тебя Хасс прикажет на конюшне выпороть!

Трикс поймал внимательный взгляд светловолосого мальчишки и почему-то смутился. Ему даже показалось, что тот нарочно обжегся, чтобы выгадать себе несколько мгновений и придумать ответ.

– Говори! – велел Трикс. – А ты, Ага, молчи! Зря я тебя на пристани защитил, пусть бы тебя вздули как следует!

– Это он лодку продавал, а потом ребят с рынка побил, ага, – быстро сказал малыш и замолчал.

Княжеский слуга наконец-то вытащил палец изо рта и похлопал своего маленького спутника по плечу.

– Тихо, Халанбери... Мальчишки, я прошу простить меня и моего друга. Мы не знали, что в этом доме кто-то живет. Нам надо было найти пристанище на ночь, а утром мы бы ушли, не причинив дому никакого урона и разорения.

Трикс хмыкнул. Голос у мальчишки был очень красивый, хоть и совсем еще детский, тонкий, и говорил он так гладко, что сразу было понятно – с рождения состоит при благородных.

– Какие мы тебе «мальчишки»! – сказал он нарочито грубо. – Ты сам-то кто такой?

– Меня зовут Тьен. Я ученик менестреля. – Мальчик снял с головы шапочку и церемонно поклонился, разводя руками.

Трикс невольно склонил голову в ответ. Если тебя четырнадцать лет учили этикету, то на определенные действия и жесты ты отвечаешь не раздумывая.

– Прошу прощения... благородный господин. Могу ли я узнать ваше имя?

– Трикс.

В глазах Тьена будто замерцали огоньки.

– Трикс... Трикс Солье, наследник со-герцога Рата Солье?

– Да, – поколебавшись, признал Трикс.

– Я вас узнал, ваша светлость со-герцог Трикс Солье. – Тьен поклонился еще раз, совсем уж низко. Но на колени не опустился. – Я видел вас во время визита вашего славного батюшки к регенту Хассу.

– Какой я со-герцог? – горько спросил Трикс. – Сатор Гриз узурпировал трон. Я всего лишь беглый сирота... и ученик волшебника... Только я тебя не припомню.

– Откуда благородному Триксу Солье помнить каждого слугу в княжестве Дилон? – почтительно произнес Тьен. – Но я вас запомнил. Вы были очень добры к слугам и веселили княжну, когда ей было грустно...

– Да ну ее, – отмахнулся Трикс. – Делать ей нечего, вот и грустит. Могла бы и вмешаться, когда Сатор власть захватил!

– Правит Хасс, – мрачно сказал Тьен. – А регент Хасс... он не очень-то озабочен справедливостью.

– Ею никто не озабочен, – согласился Трикс. – Что ты делаешь в моем доме, менестрель? Попробуй-ка убедить меня не вызывать стражу. У тебя есть две минуты!

Халанбери взял Тьена за руку и сказал:

– Может, мы...

– Молчи! – оборвал его Тьен. – Благородный Трикс, простите нас за вторжение. Дело в том, что я прогневал регента Хасса. Сегодня он принимал делегацию витаминтов с Хрустальных островов, и во время разговора я случайно оказался рядом... я знаю язык витаминтов, на котором они говорили...

– Ну?

– Я узнал, что регент Хасс близок к измене. Он хочет выдать княгиню Тиану, порученную его опеке, за главу витаминтов, волшебника Эвикеята. Тогда княжество достанется Хассу, а глава витаминтов породнится с правящей фамилией. Король немолод, и говорят, что он не может иметь детей. Наследники Эвикеята и Тианы будут претендовать на трон.

– Тиану? Она же еще совсем малявка, ей в куклы играть! – воскликнул Трикс. – Хотя... нет, подросла, конечно. Но все равно... если витаминты затеют новую войну... и захватят трон... Хассу тоже достанется. Он что, дурак?

– Он тоже старый, – грустно сказал Тьен. – Он, наверное, не совсем чтобы злой. Но ему не хочется умирать. А если власть в королевстве возьмут витаминты, и он будет им верно служить, то сможет прожить сколько угодно. Хоть сто лет, хоть тысячу. Говорят, Эвикеиту – семь с лишним сотен лет!

Трикс схватился за голову.

– Это же измена трону! – выдавил он. – Это же такая измена, всем изменам измена! Как он мог? Хасс ведь сам благородных кровей!

– Все хотят жить, – пискнул Халанбери. – Папа часто говорит: кровь аристократа и землекопа – она одинаково красная.

Трикс повернулся к Иену, который что-то уж слишком долго молчал. И обнаружил, что оруженосец смотрит на него широко раскрытыми глазами.

– Ты чего?

– Так... так ты всерьез? Ты настоящий Трикс?

– Иен, ты дурак? Меня же еще барон Галан признал!

– Так ведь... барон хитрый... он и тебя называл Триксом, и меня... – Иен покраснел. – Я... ваша светлость! Я если бы только знал, что ты настоящий, я бы не убежал!

Трикс досадливо махнул рукой и снова посмотрел на Тьена. Тот терпеливо ждал.

– Ну ты и влип, менестрель, – сказал он. – Простому человеку мешаться в заговоры – самое последнее дело. Как тебя регент на месте не зарезал?

– Я убежал. Я об голову регента разбил чашу с хмельным медом, потом фарфоровую вазу с прахом великого рыцаря Андронаса, потом кинул еще четыре тарелки. Но тарелки были золотые, они не разбились, только синяков ему наставили. Регент выскочил за дверь и запер ее. А там был потайной ход в сад... регент про него не знал.

– Понятно. – Трикс кивнул. – Вот чего на горе сплошь люди с факелами... Повезло тебе.

– Повезло, – грустно сказал ученик менестреля. – Мне Халанбери помог. Ты не смотри, что он совсем маленький. Он хороший друг.

Халанбери заулыбался, но тут же посерьезнел. И Тьен, и Халанбери с ожиданием смотрели на Трикса.

Приятно было сознавать, что от твоего решения зависит что-то настолько серьезное. Честно говоря, даже в те счастливые времена, когда Трикс был полноправным наследником со-герцога Рата Солье, от него зависело немного. Ну, конечно, для подравшихся или напроказивших мальчишек, которых отправляли к Триксу «на суд», все было очень серьезно. Трикс прекрасно понимал, что правителю необходимо уметь принимать решения, быть и суровым, и добрым, поэтому всегда старался разобраться до конца, прежде чем огласить свой приговор. Но даже если бы он ошибся, самое страшное, что случилось бы, – порция розог по чьей-то не слишком виноватой (в этот раз) заднице.

Но сговор с витаминтами? Измена трону? Несчастливая девочка, которую отдают в жены семисотлетнему старику? Трикс поморщился, вспоминая Тиану. Что-то его беспокоило... что-то смутное, непонятное...

– Надо спасти княгиню, – твердо сказал он.

– Она же малявка, и делать ей нечего, – с неожиданной обидой сказал ученик менестреля. Наверное, заглядывается на княгиню, понял Трикс. Вот дурачок...

– Ну и что, – рассудил Трикс. – Все равно она девчонка и она в беде. И вообще, наши земли соседствуют, а соседям положено помогать... Надо сообщить королю. И вытащить Тиану из замка.

– Не надо вытаскивать, – сказал Тьен.

– Это еще почему?

– Ну... пока я в бегах, Хасс ничего ей сделать не рискнет, – сказал Тьен. – Ты только помоги мне спрятаться. Я хочу добраться до короля и все ему рассказать.

– Трус. – Трикс даже расстроился от того, что этот симпатичный парнишка, проявив храбрость и удрав от разъяренного Хасса, да еще и наставив тому фингалов, наотрез отказывается идти спасать княгиню. – А то будет тебя король слушать! Я – со-герцог, и то не смог правды добиться! А ты – тьфу. Ученик менестреля. Все менестрели – вруны.

– Неправда, у меня папа менестрель! – пискнул Халанбери. – Он не врун! Ага!

– Все вруны, кроме твоего папы. – Трикс великодушно решил не спорить с мелюзгой. – Нет, это неправильно, Тьен. Я дарю тебе... э... свой кров и покровительство. Но мыждемся прибытия моего учителя, магистра Щавеля, и попросим его...

Он помрачнел и замолчал.

– Ты чего? – спросил Тьен, заглядывая ему в глаза.

– Волшебники, – мрачно сказал Трикс. – У регента на службе куча волшебников.

Они же тебя в два счета найдут!

Тьен улыбнулся и вытащил из-за ворота амулет – золотой диск на тонкой цепочке. Диск был соткан, иного слова и не подберешь, из тончайших золотых проволочек, сплетающихся то ли в затейливый узор, то ли в вязь стилизованных букв.

– У меня защитный амулет. Меня, и тех, кто со мной, – Тьен привлек к себе Халанбери, и малыш весь засиял, будто приласканный котенок, – нельзя обнаружить магическим образом. Думаешь, как мы из дворца выбрались?

– И мимо сторожевого огонька прошли, ага! – сказал Халанбери. – Мы нарочно выбрали дом, где сторожевой огонек.

– Откуда у тебя такой... такое... – не отрывая глаз от амулета, сказал Трикс. – Это же очень дорогая штука!

– Я ее украл. У княгини. – Тьен пожал плечами. – Чего мне терять?

Трикс развел руками.

– Ну ты и отчаянный! А если бы на амулете было сторожевое заклинание? Чтобы он испепелял вору руки? Дай поглядеть?

– Не дам. – Тьен начал быстро запихивать амулет под рубашку.

– Хочешь, я у него отберу? – воинственно предложил Иен. – Просит помощи, а сам еще выкаблучивается!

Малыш Халанбери, сжимая кулачки, выступил вперед, будто вопреки здравому смыслу собирался защитить друга.

– Если отдам, то маги сразу меня обнаружат! – быстро сказал Тьен. – Не трогайте амулет, пожалуйста!

Трикс подумал и признал, что это верно.

– Если не боитесь, – сказал он, – то можете переночевать здесь, в кабинете. Только вам и утром никуда идти не надо. Вас по всему городу будут искать.

– Ага, а меня-то за что? – удивился Халанбери. – Про меня никто не подозревает. Кому я нужен, ага...

– Я тебе придумаю занятие, – сказал Трикс. – Тут еще конюшня нечищенная... Значит, мы договорились...

– И что я вижу? – возмущенно зазвенело у него над ухом. – Нет, как это называется?

Трикс обернулся, хмуро посмотрел на Аннет.

– Брось ругаться. Это наши... гости. Они под моим покровительством.

– Гости? – сварливо сказала фея. – Вот как это теперь называется! Стоило твоей верной фее на минуточку отлучиться, чуть-чуть потанцевать с подругами в лунных лучах, как вы привели в дом девушку и бесстыдно стоите перед ней полуголые!

– Какую девушку? – растерялся Трикс.

– Разуй глаза! Ха-ха-ха! – Фея демонически расхохоталась. К сожалению, голосок ее был слишком слаб, чтобы произвести должный эффект. – Ты хочешь сказать, что не отличишь девочку, надевшую штаны и рубашку, от мальчика? Ой, а ты и впрямь не отличил?

– Магические эманации! – ахнул Иен и торопливо сложил большой и указательный палец на левой руке колечком – от сглаза. – Ой, беда-то какая, был мальчишкой, стал девочкой!

Трикс посмотрел на фею.

Потом на Тьена.

А потом пихнул в бок Иена, опустил на одно колено, как подобает рыцарю, и сказал:

– Ваше сиятельство княгиня Тиана, простите своего недостойного слугу за непочтительные слова и поведение. Моя жизнь в вашем полном распоряжении!

«Ученик менестреля» пытливо посмотрел на него. Потом княгиня Тиана вздохнула и сказала:

– Встаньте, ваша светлость, благородный со-герцог Трикс. Я и... – княгиня вздохнула, – мой незаконнорожденный брат Халанбери отдаем себя под ваше благородное покровительство.

Фея молчала, трепеща крылышками. Иен шумно сглотнул и попытался натянуть рубашку на коленки.

Только теперь Трикс обнаружил сходство между «учеником менестреля» и той красивой, балованной девочкой, которую ему так надоело развлекать четыре года назад. Ну где же были его глаза? Достаточно оказалось мужского платья и коротко отрезанных волос (теперь Трикс понял, что волосы были отрезаны быстро и неровно, несколькими движениями ножниц, которые держала неумелая и слабая рука), чтобы он не узнал княгиню!

– Мне очень страшно, Трикс, – сказала Тиана, и голос ее внезапно стал жалобным и испуганным. – Очень. Все, что я рассказала про Хасса и витамантов, – правда. Ты же меня защитишь, да?

3

Если ты совсем еще молод, но уже перестал морщиться при виде глупых девчонок, если ты с детства знал, что станешь благородным рыцарем, если в древних летописях с восторгом читал о подвигах, совершенных ради прекрасных дам, то ты поймешь, что чувствовал Трикс, ранним утром покидая домик Радиона Щавеля.

Княгиня Тиана еще сладко спала (Трикс уступил ей комнату волшебника, а сам провел ночь на диване в кабинете, пренебрегая опасностью магических эманаций), когда Трикс и Иен отправились на рынок. Халанбери, на плече у которого сидела насупленная фея Аннет, зевая, стоял в дверях, а Трикс давал ему последние наставления:

– Никуда не выходите, понял? Вода есть, отхожее ведро чистое. Никого не впускайте. Только меня... – Он покосился на оруженосца, но все-таки добавил: – И Иена. Запрись на все засовы.

– Да понимаю я, что я, маленький, – обиделся Халанбери. – Я Тиане помог из дворца выбраться...

– Мы быстро управимся, – сказал Трикс. – Купим все, что надо, и вернемся. А вы спите.

– Ага, спите! А если маг твой приедет?

– Не приедет. У него вчера был с друзьями симпозиум. Наверное, всю ночь. Он сегодня спать до обеда будет, а то и до вечера. Завтра приедет.

– А что такое симпозиум?

– Это такой обед с друзьями. Пьют вино, закусывают и разговаривают.

– Ага. Тогда у моего отца каждый вечер симпозиумы, – кивнул Халанбери.

– У отца? Тиана ведь сказала...

– Ну да, – просто ответил Халанбери. – Моя мама у старого князя была горничной. Но это же не считается, правда? Я князя-то только один раз видел. Меня хотели выпороть за то, что в саду раннюю землянику ел, а князь увидел, поморщился и сказал, что меня пороть нельзя. Вот.

Трикс кивнул и неловко потрепал Халанбери по голове. Ему вдруг вспомнилось, как некоторые служанки, обзаведясь животом, уезжали из замка куда-нибудь в провинциальные городишки. И однажды отец лично вручил такой служанке увесистый кошелек, пожелав найти хорошего мужа.

Наверное, это и вправду не считается?

Но ему почему-то стало грустно и как-то неловко перед Халанбери.

– Иди досыпай, – грубовато сказал Трикс. – И не забудь запереться!

– Милый, ну возьми меня с собой... – безнадежно заканючила фея, глядя на Трикса дурными влюбленными глазами. – Мне без тебя грустно...

– Нет, – твердо ответил Трикс. – Феи на базар не ходят. Это не базар, а цирк получится, если ты с нами пойдешь...

Аннет надулась и замолчала.

Они с Иеном запрягли отдохнувшую и явно застоявшуюся лошадку, после чего двинулись по утреннему холодку к ближайшему базару.

– Повезло салаге, – беззаботно сказал Иен. – Представляешь, сын отставного менестреля, а на самом-то деле – благородных кровей!

– Что же тут хорошего? – буркнул Трикс. – Что не выпороли за землянику?

– Между прочим, – тоном знатока ответил Иен, – это не так уж мало! А вообще благородная кровь всегда себе выход найдет!

– Ну да... через кинжал в пузе... Сидел бы он сейчас на грядке, ел малину, а не прятался от стражников...

– Малина уже отошла, – вздохнул Иен. – Жалко, я люблю малину.

– Ничего ты не понимаешь... – ответил Трикс. – А я вот подумал, может, у меня... как-то несправедливо все.

– Что у тебя сводные братья и сестры есть? – догадался Иен. – Да уж есть, наверное. Ну и что с того? Зато их трона не лишили, в темнице не держали. Мало почести, да мало и горести. – Он засунул руку за пазуху и с удовольствием почесался. – Слушай, по-моему, у твоего волшебника клопы есть, надо самаршанского порошка купить. Порошок от клопов никто лучше южан не делает!

За разговором дорога пролетела незаметно. Вскоре они вошли на рыночную площадь, где, несмотря на ранний час, уже было полно народа. Трикс оставил Иена караулить повозку, а сам, сверяясь со списком, занялся закупками. Набитые медью карманы стремительно пустели, а в повозке постепенно росла гора:

Мяса свиного и телячьего;

Хлеба пшеничного и ржаного;

Колбас и сыров;

Масла оливкового обычного и масла оливкового на травах;

Огурцов и помидоров свежих, их же – соленых, причем непременно с рассолом;

Чая черного, зеленого, красного;

Кофе обычного и горного, полезного для магических сосредоточений;

Сахара рыжего пиленого и сахара коричневого кристаллами;

Вина белого, сладкого; вина красного, сухого; вина анисового горючего, тройной перегонки;

Мыла черного, постирочного, мыла благовонного, для рук и лица, мыла жидкого, для головы и бороды;

Ароматных благовоний на палочках, ароматных благовонных пирамидок, ароматной пудры для подмышек и ароматных мазей для повозок – чтобы не так сильно воняло лошадиным потом;

Полотенец холщовых и простыней льняных;

Бумаги писчей, чернил разноцветных в пузырьках, карандашей свинцовых, перьев гусиных и фламинго;

Тарелок фарфоровых и плошек глиняных...

Судя по списку покупок, мудрый Радион Щавель либо решил поселиться в Дилоне надолго, либо собирался отвезти кое-что домой. Трикс вошел в азарт. Ему никогда не доводилось самому покупать так много разных вещей. Да и таких увесистых карманов у него никогда не было. Медные монеты сомнительного происхождения быстро покидали его карманы и оседали у продавцов, чтобы к вечеру сдачей разбежаться по всему городу. В глубине души Трикс понимал, что поступает нехорошо, но его захватил процесс торговли. Уже по своей инициативе он купил сладких фруктов и лимонной воды для Тианы – кто его знает, чем она привыкла завтракать и обедать. А потом, обмирая от собственной смелости, приобрел у торговки цветами букетик маленьких белоснежных роз, означающий чистоту намерений и глубокую преданность. Торговка, немолодая и толстая, заговорщицки подмигнула Триксу и ущипнула его за щеку, чем вогнала мальчишку в краску.

С цветами в руках Трикс возвращался к повозке, раздумывая, что же ему сказать Иену на неизбежные насмешки над букетом. И застыл как вкопанный в благовонных рядах, обнаружив возле повозки трех стражников и рыцаря на коне. Иен, совершенно несчастный, стоял перед стражниками и что-то объяснял, беспомощно разводя руками.

Скорее всего это была обычная проверка, которую стражники готовы учинить любому – хоть перебравшему хмельного торговцу, хоть незнакомцу с подозрительной внешностью, хоть мальчишке со слишком уж изрядным грузом товаров. Ничего страшного в такой проверке не было, разве что одной-двух монет в кармане можно было недосчитаться...

Но у Трикса оставалась еще пригоршня. Целая пригоршня запрещенной для ученика мага меди!

Ах, как Трикс был бы рад сейчас воришке, который ловким движением извлек бы из его кармана всю мелочь! Но его карман был так набит, что ни один вор и не подумал, что там деньги. Ну что может быть в кармане у просто одетого пацана? Камешки для игры, свисток, перочинный ножик,дохлая птичка на веревочке и грязный до ужаса носовой платок!

В какой-то миг Трикс был близок к тому, чтобы вытряхнуть деньги на землю, хотя ничего глупее и придумать нельзя. Звон монет на базаре не останется без внимания, а человек, избавляющийся от денег, не иначе как испугавшийся разоблачения вор!

Но тут Трикс поймал взгляд одного из торговцев, сухопарого, продубленного жаркими южными ветрами. Явно из тех, кто сам возит благовония и сам продает, то ли из бережливости, то ли из интереса. Полчаса назад Трикс покупал у него ароматные свечи, и продавец явно отметил легкость, с которой мальчик расставался с деньгами.

А сейчас торговец посмотрел на цветы. Потом подмигнул Триксу и поманил к себе.

Трикс на негнущихся ногах подошел ближе.

– Подруга сердца? – проникательно спросил торговец. – Решил потратить сбережения и пригласить в гости даму?

Трикс на всякий случай кивнул.

Продавец огляделся и, понизив голос, сообщил:

– У меня есть эликсир с Серых Гор, юноша. Он немного запретный... но ты же не из пугливых? Всего один флакон на кувшин вина... – он помедлил, с сомнением оглядывая Трикса, – на кувшин лимонада. И та, с кем ты вкусишь напиток, навсегда станет твоей.

– Навсегда? – поразился Трикс, забыв даже про стражу.

– Ну... месяца на два-три точно. А больше, поверь опытному человеку, и не надо. – Продавец хихикнул. – Не спеши надевать на себя кандалы, юноша.

– Да, этого я не хотел бы, – признал Трикс. – Сколько?

– Дорого, – вздохнул торговец. – Три золотых.

Трикс молча высыпал ему в руку деньги. И сказал:

– Я разбил свою копилку. Тут ведь хватит?

– Немного не хватает, но ничего, – быстро сказал торговец, протягивая ему пузырек синего стекла. На самом деле меди хватило бы на пару таких флаконов, но у какого торговца повернется язык об этом сказать? – Удачного вечера, парень! Можешь еще побрызгать на цветы и вдыхать аромат вместе с дамой!

Избавившись от компрометирующей его меди, Трикс уже более уверенно подошел к повозке. Иен при виде его просиял и облегченно воскликнул:

– Да вот он!

Стражники и рыцарь повернулись к Триксу. Даже рыцарская лошадь проявила некоторый интерес.

– Что случилось, уважаемая стража? – спросил Трикс, памятуя, что нападение – лучшая защита, если, конечно, не брать в расчет бегство.

– Твое? – ощупывая Трикса взглядом, спросил стражник с повязкой старшего на рукаве.

– Моего господина.

– Кому служишь?

Врать было опасно. Опытный стражник вранье почует сразу.

– Магистру магии Радиону Щавелю из Босгарда. Сегодня, – Трикс решил чуть-чуть погрешить против истины, – магистр собирается прибыть с визитом в Дилон, дабы обсудить на симпозиуме новейшие изыскания в области магии. Я послан приготовить к его прибытию принадлежащий магистру домик на Вишневой улице.

Стражники, привыкшие, что каждое слово надо клещами выдирать, переваривали сказанное.

– А ты... ученик волшебника, что ли? – осведомился стражник.

– Мое имя – Трикс. Я лишь в самом начале бесконечного пути познания мира, – скромно сказал Трикс, как и подобает ученику.

Стражники сразу стали гораздо вежливее. Волшебник, пусть даже и совсем начинающий, это не какой-нибудь там подмастерье или приказчик. От того, что тебя превратят в жабу *неумело* или *огреют не слишком горячим* огненным шаром, сильно легче не станет.

– Ты ученик, а он кто такой? – Стражник ткнул пальцем в Иена.

– А он слуга. Не дело ученика волшебника чистить лошадь и выносить помой, – печально сказал Трикс.

– Осторожнее тут, господин ученик волшебника. – Стражник сменил тон на совсем уж дружелюбный. – После вашего захоlustья в столице ухо надо держать остро. Карманники, разбойники, мошенники...

– Но мы с ними боремся, – вставил другой стражник.

Трикс вежливо кивнул. Пронесло!

– Чем расплачивался на базаре уважаемый ученик волшебника? – внезапно произнес рыцарь.

– Серебром, – твердо ответил Трикс.

Забрало рыцарского шлема было опущено, но мальчик чувствовал – его внимательно и с недоверием осматривают.

– Допустим. Скажи, Трикс, не видал ли ты на базаре или в каком-либо ином месте юную девушку примерно твоих лет, светловолосую, голубоглазую, хрупкого сложения?

– Тут много девушек, – сказал Трикс. – И светленьких тоже. Может, и видал, только времени у меня нет на девчонок засматриваться.

– Хороший букет, – неожиданно произнес рыцарь. – Неужели ты хочешь его подарить своему учителю?

Стражники весело засмеялись.

– Магистр Щавель крайне требователен к чистоте, – ответил Трикс. – Он требует, чтобы в отхожем месте всегда стоял свежий букет цветов с приятным ароматом.

– Похвальная черта для волшебника, – сказал рыцарь с иронией. – Похвальное старание для ученика. Что ж, юный волшебник, удачи тебе. И если встретишь девочку, похожую на ту, о которой я говорил, то немедленно сообщи страже. Это дочь уважаемого аристократа, к сожалению, страдающая провалами в памяти и болезненными фантазиями. Ей удалось убежать от приглядывающих за ней няnek, и теперь стража старается вернуть несчастную домой.

– Бедняжка! – согласился Трикс. – На улицах так опасно для юной дамы... несмотря на все старания стражи. Я буду очень внимательно смотреть по сторонам!

Рыцарь кивнул, что в доспехах сделать не так-то просто. Порылся в поясной суме, бросил Триксу новенькую серебряную монету.

– У меня будет к тебе просьба, юный волшебник. Я знаю Радиона Щавеля и хотел бы поприветствовать его в городе, но дела зовут меня в путь. Купи Радиону горькой самаршанской настойки на корнях калиса и листьях зельзибы. Он всегда ее ценил. Скажешь – от старого друга с Черной Переправы.

– Спасибо, – кивнул Трикс, восхищенно глядя на рыцаря. – Я прямо сейчас и куплю.

Рыцарь развернулся и двинул коня сквозь толпу. Стражники последовали за ним.

– Чего-то он подозрительный, – шепотом сказал Триксу Иен. – Меня тоже про девочку пытал... это ведь он про...

– Тс-с! – прошипел Трикс.

– Монета-то не фальшивая?

Трикс внимательно осмотрел монету.

– Если и фальшивая, то не хуже настоящей. Сейчас я сбегаяю на ряды, где самаршанские купцы стоят...

Найти настойку на корнях калиса и листьях зельзибы оказалось непросто. Некоторые торговцы просто качали головой, некоторые смеялись и отсылали мальчишку дальше. Трикс прошел весь ряд, пока один торговец не достал из сундука маленький глиняный кувшинчик, назидательно добавив:

– Только запомни, не больше трех ложек за один раз!

Слегка смущенный таким предупреждением Трикс расстался с серебряной монетой (торговец некоторое время вздыхал, поднимал руки к небесам и требовал доплаты – пока не убедился, что у мальчишки денег не осталось совсем). Вернувшись к Иену, Трикс помог уложить груз понадежнее, и они начали выбираться из толпы. Солнце уже припекало.

– А мне нравится быть слугой волшебника, – разглагольствовал Иен. – Вон сколько всего накупили! И приключение такое, с...

– Тс-с!

– С учеником менестреля, – заговорщицки сказал Иен. – Ну что я, глупый, что ли? Я, если начистоту, приключения люблю. Только они должны хорошо кончаться.

– А приключения – это как раз то, что хорошо кончается. Если они кончаются плохо, то их называют неприятностями.

Только через час (улицы были совсем уж многолюдны) Трикс и Иен приблизились к домику Щавеля. Уже издали Трикс заподозрил неладное: калитка была открыта и качалась на ветру, а перед оградой собралась маленькая толпа – две-три служанки, возвращавшиеся с базара, несколько сопливых ребятишек и крепкий мужчина, хорошо одетый, попыхвающийся трубкой, смуглолицый от примеси самаршанской крови.

Когда повозка приблизилась к воротам, мужчина вышел вперед. Придирчиво осмотрел ребят, после чего обратился к Триксу:

– Ты остановился в этом доме?

– Да. – Трикс понял, что лучше не врать.

– Чей это дом?

– Волшебника Радиона Щавеля.

– А ты кто?

– Трикс, ученик Радиона Щавеля. Прибыл вчера вечером подготовить дом к приезду господина Щавеля.

Мужчина чуть подобрел.

– Хорошо, ежели не врешь... Трикс. Меня зовут Азан. Я управляющий квартала.

Трикс не знал, кто такой управляющий квартала, в со-герцогстве таких должностей не было. Но на всякий случай он вежливо кивнул.

– Этот с тобой? – Азан посмотрел на Иена.

– Слуга.

– В следующий раз, – наставительно произнес Азан, – не уходи из дома вместе со слугой. К вам пробрался вор.

– Вор? – ахнул Трикс. – Но...

– Повезло, что мимо проезжала стража, – продолжал Азан. – Они заметили воришку, схватили его и увезли.

– У нас же был сторожевой огонек! – воскликнул Трикс.

– Видать, у воришки был против него амулет. – Азан смачно сплюнул. – Магии нынче развелось... у вора амулет, а честному рыцарю пришлось твой огонек мечом рубить... все доспехи ему закоптило.

– Со стражей был рыцарь? – быстро спросил Иен.

– Какой у тебя невоспитанный слуга! – возмутился Азан. Но, видимо, ему хотелось поговорить, и он ответил, правда, глядя на Трикса. – Да, со стражниками был рыцарь, иначе им бы не справиться с огоньком. Когда твой учитель вернется, мальчик, попроси его заглянуть к Азану. Великие свершения и мудрые изыскания вот уже третий год мешают магистру Щавелю заплатить земельный налог и взнос на содержание стражи. А времена-то, видишь, беспокойные...

– Куда увезли воров? – спросил Трикс.

– Вора, один он был. И ведь приличный с виду юноша... Наверх повезли, к дворцу. Небось сынок кого-то из вельмож, назвал папино имя – вот и не поволокли в участок. Теперь отделается десятком плетей... а простого воришку на рудники бы сослали! – с внезапно прорезавшейся сословной обидой сказал Азан.

– Пошли. – Трикс потянул за собой Иена. – Спасибо, господин управляющий.

Они завели в сад повозку, проехав прямо по черному выжженному пятну – это было все, что осталось от сторожевого огонька. Трикс бросил Иену поводья.

– Распряги лошадь, уведи в конюшню. Потом перетаскай припасы в дом. Но дальше сеной не входи!

– Но... – поразился Иен. – Как же...

– Сопрут чего, – Трикс покосился на зевак, – Щавель мне всыплет. А я тебе.
И прерывая разговор, он быстро вошел в домик – дверь была нараспашку.

Внутри было тихо. Никаких следов побывавших стражников – ни следов грязных сапог на полу, ни опрокинутых метким пинком стульев, ни разбитых ваз, ни похабных надписей и рисунков на стенах. Даже вещи на первый взгляд все остались на местах – включая пару изящных подсвечников на камине в гостиной и дорогую статуэтку из белого мрамора, копию знаменитого памятника леди Кадиве, только выполненную несколько более вольно.

Видимо, стража питала к волшебникам несвойственное ей обычно уважение.

Трикс внимательно осмотрелся. Сглотнул вставший в горле комок и велел себе быть твердым, мужественным и несентиментальным.

Он не случайно велел Иену не входить в дом – кто знал, какие ужасающие сцены ждали их внутри? Впрочем, Трикс догадывался какие...

Если стражники вывели из дома лишь одного «воришку» – княгиню Тиану, то Халанбери остался в доме. И уж понятно было, что случилось с отважным малышом, вступившимся за свою княгиню и сводную сестру.

– Только бы не мечом, – пробормотал Трикс. – Если в доме пролилась кровь невинного ребенка, то дух его будет до самой старости стенать ночами... Щавель будет очень недоволен...

Но в гостиной никаких следов Халанбери не было. Не оказалось изрубленного или забитого дубинками тельца и в каморке для слуг, и в спальне мага, и в кабинете, ни на кухне, ни в ветхой пристройке, где стояла мятая жестяная ванна. Там Трикс обнаружил еще одну дверь, а за ней, к своему изумлению, не замеченный вчера сортир – по столичной моде пристроенный к дому, чтоб зимой не бегать на мороз. Задержав дыхание и сморщившись от отвращения, Трикс заглянул в дыру – со злодеев всякое станется, – но зловонные глубины выгребной ямы оказались непотревоженными.

Трикс в задумчивости вернулся в гостиную. В сенях обиженно пыхтел Иен, разгружая покупки, но внутрь не заглядывал.

– Халанбери! – позвал Трикс.

Тишина.

– Аннет!

Ни звука.

Тогда Трикс двинулся по дому, методично открывая все шкафы и заглядывая в каждую щель, куда мог протиснуться тощий семилетний мальчик.

Удача улыбнулась Триксу на кухне. Открыв нижнее отделение буфета (для очистки совести, по-хорошему туда мог влезть только крупный кот), Трикс услышал испуганный писк. Сел на корточки – и оказался лицом к лицу с Халанбери, который сидел, обхватив коленки и вжавшись в заднюю стенку. На плече у Халанбери сидела фея Аннет, зажимая ручонками глаза. Мальчишка испуганно смотрел на Трикса и что-то жевал.

– Ты что ешь? – зачем-то спросил Трикс.

– Па... пастилу... – пробормотал Халанбери с набитым ртом. Сглотнул и пояснил: – Тут лежала яблочная пастила.

– Нашел время!

– Я чтоб просторней было... – Халанбери задергался, пытаясь выбраться. – Помогите, ага?

Аннет отняла от глаз одну руку, посмотрела на Трикса одним глазом, с радостным писком вылетела из буфета и закружилась в воздухе. Трикс взял Халанбери за липкие от пастилы руки и с натугой, будто пробку из бутылки сидра, вытащил наружу. Спросил:

– Кто тебя сюда запихнул?

– Я сам! – обиделся Халанбери. – Я испугался сильно.

– Где Тиана? – воскликнул Трикс. – Где княгиня?

То ли тон у него был очень грозный, то ли успокоившийся от пастилы Халанбери вновь вспомнил случившееся, но по перемазанной в пастиле и паутине мордашке ручьем потекли слезы.

– Ее забрали! – завопил Халанбери. – Ее забрал маг витаминтов!

– Какой маг? – спросил Трикс. – Да не реви ты! Отвечай!

Халанбери широко открыл рот и испустил пронзительный визг.

– Я все перетаскал... – На кухню заглянул изнывающий от любопытства Иен. Мгновенно оценив ситуацию, подскочил к Халанбери, подтащил его к тазику с водой для мытья посуды и окунул туда лицом. Несколькими умелыми движениями вымыл мальчишке физиономию и вытер грязноватым кухонным полотенцем. Визг и слезы как по волшебству прекратились.

– Ну ты даешь! – поразился Трикс.

– А, в приюте вечно приходилось мелюзгу утихомиривать, – махнул рукой Иен. – Высморкайся!

Халанбери высморкался в полотенце и грустно сказал:

– Я не знаю, какой маг. Это Тиана в окно выглянула и сказала, что маг со стражей идет. И велела мне спрятаться. Я испугался. Он огонек зарубил, а потом дверь пнул – и она распахнулась... Я на кухню...

– Любимый, позволь рассказать мне? – Аннет повисла в воздухе на уровне лица Трикса. – Малыш и впрямь испугался.

– А ты? – спросил Трикс.

– Я#то? Да я чуть не померла от страха! – Фея всплеснула руками. – Это был боевой маг витаминтов! Очень сильный, раз железные доспехи носит, волшебники-то железа не любят! От него магия так и прыскала! Такому фею убить – как раз плюнуть!

– Он пришел за Тианой?

– Ну да, – без особой грусти сказала Аннет. – Дверь выбил, вошел. Княгиня прятаться не стала. То ли поняла, что бесполезно, то ли чтоб малыша не нашли. Входит витаминт и говорит: «Здравствуйте, княгиня. Побег из дома – это увлекательно, но не стоит так печалить вашего доброго опекуна. Я сопровожу вас до дворца». А княгиня ему в ответ: «Вы столь любезны и упорны. Это ради регента Хасса или ради вашего господина?» Он засмеялся и отвечает: «И ради гостеприимного регента, и ради великодушного Эвикеята. Пройдемте со мной, княгиня». Ну и... она и прошла. А мы на всякий случай тут решили посидеть.

– Как вы могли! – Трикс всплеснул руками. – В такой ситуации верным друзьям положено до последней капли крови защищать беспомощную девочку! Тем более вас могли и не до смерти убить...

– Это верным друзьям, – надулась фея. – А я к ней в подружки не набивалась.

Как ни был расстроен Трикс, но Аннет была права. Какие у него были основания требовать самопожертвования от мирной цветочной феи? Вот если бы он оказался в доме... отважно вышел навстречу рыцарю, то есть магу, и сказал: «Прочь отсюда! Ты в доме великого волшебника Щавеля, а я – его ученик...»

Впрочем, витаминт и так прекрасно знал, куда попал. Трикс очень четко представил, как, терпеливо выслушав его тираду, закованный в железо волшебник поднимает могучий кулак и... ну, к примеру, отвешивает ему по лбу щелбан бронированным пальцем.

И Трикс отважно падает на пол.

– Да... неудобно получилось... – признал Трикс. – Надо... надо что-то делать.

– Вот как раз делать ничего не надо! – затрепетала крылышками фея. – Все совершенно замечательно уладилось. Княгиню что, в плен забрали? В темницу посадили? Нет, ее вернули домой. Во дворец.

– Но ее хотят насильно выдать замуж...

– Обычная судьба высокородных особ, – фыркнула фея. – Думаешь, ты сам, останься ты наследником со-герцога, выбрал бы жену по своему вкусу? Ха! Отец привел бы к тебе двух-трех девиц подходящего положения. Одну толстую, вторую рябую, а третью глупую. И велел бы выбирать. И выбрал бы ты, как миленький. Потому что брак – это штука политическая.

– И что же делать? – воскликнул Трикс.

– Я к себе пойду, – высморкавшись, сказал Халанбери. – Ага? Что я Тиане помогал, никто не знает... наверное. Ну, всплют за то, что дома не ночевал... подумаешь.

– Тогда я пошел покупки раскладывать, – сказал Иен. – А Тиане, если увидишь, привет от нас передай, ладно? Очень жалко, что так получилось.

– Вот и правильно! – обрадовалась фея. – Все должны заниматься своими делами...

Трикс понял, что помощи от друзей он не получит. Рваться во дворец спасать княгиню никто не собирался.

– Но послушайте, так же нельзя! – воскликнул он. – Мы же обещали ей помочь! Я дал свое слово!

Халанбери шмыгнул носом, но промолчал. Иен только закатил глаза, всем своим видом демонстрируя, что он думает о причудах аристократов.

И тут на кухне появился великий маг Радион Щавель.

Любой волшебник, освоивший трудную науку телепортации, знает: мало просто переместиться из одного города в другой, в мгновение ока оказаться на вершине горы или на берегу моря. Важно еще добиться того, чтобы все свидетели перемещения в полной мере осознали – как труден был этот процесс и как силен волшебник, сотворивший подобное. Триксу доводилось видеть телепортирующихся волшебников – были среди них особо доверенные королевские курьеры, встречались и просто любители странствий. У каждого были свои привычки.

Один молодой маг, к примеру, перемещался по частям. Вначале на земле появлялись ступни, потом колена, бедра, живот, грудь, шея – лишь в последнюю секунду из пустоты показывалась голова.

Другой волшебник, постарше и посолиднее, появлялся весь сразу, но вначале он был прозрачным, бесцветным, потом становился черно-белым, потом медленно обретал цвет.

Известная волшебница Сесилия Невам, посещавшая пару раз со-герцогство в своих странствиях, выходила из возникающего в воздухе серебристого зеркала, которое поддерживали крошечные разноцветные птички. С волос волшебницы при этом сыпались благоухающие ландыши, а с рук слетала светящаяся пыльца.

Прославленный колдун Грен Ясыть, человек старый и суровый, выходил из воздуха в окружении языков пламени, одежда его часто была порвана, магический жезл светился багровым светом, а в другой руке колдун сжимал окровавленный кинжал – по всему выходило, что путь колдуна только с виду был быстрым и простым, а на самом деле он шел тайными адскими тропами, сражаясь по пути с бесчисленным множеством монстров.

Каково же было разочарование Трикса, когда, задав Радиону вопрос о телепортации, он получил честный ответ – все эти красоты никакого значения не имеют и являются иллюзией, призванной восхитить и утратить свидетелей колдовства.

Телепортируясь из башни в свой летний домик, Радион Щавель не ожидал встретить здесь посторонних. Поэтому и появился он по-простому – беззвучно возник в воздухе, держа в руке большой бокал белого вина.

Вид у волшебника был очень усталый и помятый. Одет он был в зеленый, расшитый алыми розами махровый халат и самаршанские войлочные туфли на босу ногу. Наверное,

симпозиум продлился дольше, чем ожидал Щавель, и отнял у него много сил душевных и физических.

Обнаружив рядом с собой не только Трикса и фею, а еще и Иена с Халанбери, чародей вздрогнул и расплескал вино.

Аннет быстренько села Триксу на плечо. Иен с Халанбери дружно попытались спрятаться за спиной Трикса, столкнулись и упали на пол.

– Что за... Что за мальчишник ты тут устроил? – воскликнул Щавель. И, болезненно скривившись, прижал ладонь ко лбу. – А... опять...

Смышленный Иен вскочил и подтащил к Щавелю стул, на который волшебник благодарно опустился. Потом метнулся в сени и вернулся с большим горшком с солеными огурчиками и бутылью анисового вина.

– Убери это! – простонал Щавель. – Злой мальчишка... Трикс, откуда он тут взялся? А?

Но Иен, не слушая его, быстро налил в большой бокал огуречного рассола, а в маленькую рюмку – чуть-чуть анисовой настойки.

– А... – В голосе Радиона прорезалось понимание. – А!

– Выпейте, господин волшебник, – произнес Иен. – Вначале анисовки, а потом... нет-нет! Сейчас не дам! Выпейте анисовки, потом рассольчик! А вино свое отдайте, не нужно вам сейчас вино, только голову закрутит и в ноги слабость даст...

Скривившись, Щавель безропотно хлебнул горячего анисового вина, потом припал к бокалу с мутным рассолом. Вернул опустевшую посуду Иену, помолчал несколько секунд. И окрепшим голосом произнес:

– Умный мальчик. Ты не ученик ли лекаря?

– Нет, господин волшебник. Я сирота. Но господин Хагус, попечитель нашего приюта, очень любил по утрам рассол с анисовкой. А он был в этом деле большой специалист.

– Понятно, – кивнул Щавель. – Трикс! Вопрос остается – что за сборище в *моем* доме?

– Ну... это фея Аннет... – начал Трикс.

– Фею я знаю, – сморщился Щавель.

– Это сирота Иен из приюта в моем герцогстве. – Трикс принципиально не сказал «со-герцогстве». – Мы с ним познакомились после бунта... и он стал моим оруженосцем... а потом... потом немного потерялся.

– А потом немного нашелся, – кивнул Радион. – Понятно. Замечательно. У моего ученика есть собственный оруженосец.

– Ну... да... – промямлил Трикс.

– Еще рассола? – спросил Иен.

– Шустрый парень, – сказал Радион. – Ладно, допустим. Оруженосец ученика волшебника... Интересный прецедент...

– Пренцендент? – восхитился Иен незнакомому слову. – Это как претендент?

– А это кто? – Палец Щавеля, даже не обратившего внимания на слова Иена, указал на мнущегося за спиной Трикса Халанбери.

– Это Ага... Халанбери.

– Ага Халанбери? Какое странное имя. Тоже сирота?

– Нет, не очень.

– Это как? Как это – не очень сирота?

– Ну... его родной отец – князь Джар Дилон, – разъяснил Трикс. – А мать горничная князя. Была, потом замуж вышла и умерла. Поэтому его отец – бывший придворный менестрель, а ныне садовник. Но он ведь не родной. Так что он немножко сирота.

– Боги, это слишком сложно для меня... сейчас... – простонал Радион. – Может, и сам регент или княгиня у нас в гостях?

– Княгиня была, – обрадовался Трикс. – Но ее забрал маг витаминтов и увел во дворец.

Наступила тишина. Радион Щавель медленно багровел, и Трикс с испугом вспомнил, что некоторые ученики, доставляющие магам уж слишком много проблем, заканчивали свое обучение в виде вешалки, кресла или добродушного красивого пса.

– Господин Щавель, позвольте объяснить все по порядку! – воскликнул он. – Я прибыл в Дилон вчера вечером...

Неизвестно, что в итоге успокоило Щавеля – то ли то, что Трикс собрался и начал рассказывать все связно и по порядку, то ли поднесенный Иеном бокал рассола. А может быть, приложила руку Аннет: Триксу показалось, что фея чуть-чуть подколдовывала, сидя у него на плече: – от нее так и шло волнами по комнате умиротворение и слабый аромат фиалок.

Во всяком случае, через четверть часа, дослушав историю до конца, Радион Щавель уже спокойным тоном произнес:

– Удивительный, достойный изучения дар, Трикс. Ты вляпываешься во все неприятности, которые оказываются у тебя на пути. При этом остаешься целым и невредимым... тут любопытные следствия из теоремы Абуира применительно к законам Гаррота-Фенхеля.

– У магии есть законы и теоремы? – удивился Трикс.

– У всего на свете есть законы и теоремы, – фыркнул Щавель. – Но тебе пока рано забивать этим голову, в тебе бурлит молодая дурная энергия, которой надо научиться пользоваться... Странную историю ты мне рассказал. Регент Хасс – желчный старик себе на уме, совести у него ни на грош, доброты и великодушия – еще меньше. Но в одном я уверен – Хасс не дурак. А интриговать за спиной короля Маркеля Веселого – да еще в таком вопросе, как отношения с витаминками... надо быть дураком! Нет, Хасс предан короне...

– Он старый, – сказал Трикс. – А только витаминки умеют жить вечно. Может быть, он поддался на уговоры?

– Может быть, все может быть... – пробормотал Щавель. – Даже нас, простых честных волшебников, на исходе второй-третьей сотни лет порой одолевает предательское желание податься в витаминки...

Он помолчал. Потом встал и что-то пробормотал себе под нос. Лицо волшебника тут же чудесным образом порозовело, белки глаз, напротив, стали чистыми и белыми. Выглядел он теперь не как уставший маг после двухдневного симпозиума, а как приличный человек.

– Да, Аннет, спасибо за твое маленькое волшебство, – небрежно бросил Щавель. – А говорила, ничего не умеешь...

Аннет смущенно затрепетала крылышками.

Насвистывая что-то себе под нос, Радион прошелся по комнате. Выглянул в сени и через мгновение вернулся с букетом белых роз. Сказал:

– Одобряю, Трикс, одобряю. Очень приятный запах. Отнеси в сортир.

Трикс не решился сказать, что розы предназначались княгине. Он отнес букет в указанное место и укрепил на стене рядом с держалкой для свечки. Лишь один бутон Трикс оторвал пальцами и спрятал в нагрудном кармане, поближе к сердцу.

Когда Трикс вернулся, все уже были при деле. Аннет летала по кухне и командовала Халанбери, который мыл посуду. Иен таскал покупки и раскладывал их по шкафам. А сам Щавель вышел из своей спальни, переодетый в строгую черную мантию с белым кружевным воротником, сапоги из крокодильей кожи и высокую черную шляпу с поблескивающими на ней разноцветными камешками. В одной руке он держал длинный магический посох из черного дерева, в другой – книгу заклинаний в кожаном переплете. Временами книга тяжело и угрожающе вздыхала.

В общем, выглядел он замечательно, как и положено известному волшебнику.

– Мы с тобой отправимся к регенту, – сказал Щавель. – Надень свою парадную мантию и черную шапочку с рунами и ботинки с блестками. Возьми посох. И... вот. Это тебе.

Он протянул Триксу маленькую, с ладонь размером, книжечку, переплетенную в плотную серую ткань. Зеленой нитью в уголке книжечки было вышито надкушенное яблоко.

– Что это? – восторженно прошептал Трикс.

– Это – твой первый наладонник, – торжественно сказал Щавель. – Малая книга заклинаний. Я туда тебе кой-чего записал на первое время... заклинания для связи, заклинания для ориентирования на местности, музыкальные заклинания – чтобы непринужденно развлекать публику...

– А боевые заклинания есть?

– Ну... скорее, защитные. Огненная стена.

– Вот это да... – Трикс погладил книжечку по обложке. – А почему тут яблоко?

– Осторожно! – воскликнул Щавель. – Это не просто яблоко, это запечатлитель...

Палец Трикса внезапно кольнуло, и яблоко окрасилось красным.

– Ай! – завопил Трикс. – Под обложкой игла!

– Не игла, а магия. Наладонник тебя запомнил, чтобы никто другой не смог им пользоваться! – Щавель покачал головой. – Я только хотел предложить тебе придумать ему красивое имя... Но теперь поздно. Наладонник запомнил то, что ты произнес.

– И что?

– Теперь, чтобы открыть книжку, ты должен повторить эту фразу.

– Ай, под обложкой игла? – ужаснулся Трикс. – Это же глупо! Надо мной смеяться будут!

– Возможно, он удовлетворится одним-двумя словами, – предположил Щавель.

– Ай, – печально сказал Трикс, поглаживая обложку. Ничего не произошло. – Ай, под... Книжечка открылась.

– Ну и нормально, – сказал Щавель, пока Трикс с любопытством разглядывал записанные на плотной кремовой бумаге заклинания. – Ай, под... Айпод. Нормальное имя для наладонника. Я знаю магов, у которых книгу заклинаний звали «Чтоза», «Блин» или «Уберите-эту».

– А когда я получу настоящую, большую книгу?

– Книга заклинаний растет вместе с магом, – объяснил Щавель. – Она кормится заклинаниями, которые ты в нее записываешь. Чем лучше заклинания, тем быстрее книга растет, тем больше в ней страниц, тем красивее обложка... Ну ладно, иди одеваться.

Через пять минут Трикс выбежал к магу уже одетый как подобает ученику волшебника. И обнаружил, что Щавель хмуро разглядывает маленький глиняный кувшинчик.

– Откуда у нас настойка на корнях калиса и листьях зельзибы?

– Так это... Тот рыцарь, который волшебник, который витамин... – Трикс сообразил, что упустил в своем рассказе эту деталь. – Он же велел купить и передать вам эту настойку. Серебряную монету дал! Сказал, что это вам подарок от старого друга с Черной Переправы...

Трикс замолчал, сообразив, что на Черной Переправе Радион Щавель никак не мог иметь в друзьях мага-витаманта.

– Гавар Вилорой, – задумчиво сказал Щавель. – Носит стальную броню... маг... Черная Переправа... Это Гавар. Один из самых сильных витаминтов, верный пес Эвикеята... хотя зачем обижать собак... Только он мог сделать мне такой... подарок. Идем!

Струхнувший Трикс поспешил за Радионом. Когда они вышли из дверей, Щавель сразу же направился к черному пятну, оставшемуся от сторожевого огонька. Протянул руку и зашептал – Трикс услышал только несколько слов.

– Из искры возгорится пламя... Из пламени возникнет шар...

На всякий случай Трикс отступил на пару шагов.

Под рукой Щавеля полыхнуло, и появился маленький сторожевой огонек. Он надувался, пока не сравнялся размером с предыдущим, потом легонько ткнулся в ладонь мага – и полетел по саду.

– А я думал, вы прежнего оживите, – пробормотал Трикс.

– Оживлять – это магия витаминтов, – презрительно сказал Щавель. – Идем.

Волшебник шел по улице в гору упругим шагом, сильно ударяя в землю посохом (иногда в месте удара посоха распускались мелкие белые цветы, иногда – разлетались искры). Похоже было, что Щавель настраивается на серьезный разговор.

Семенящий следом Трикс не выдержал и спросил:

– Господин Щавель... Дозволено ли мне будет спросить...

Волшебник вздохнул и ответил:

– Если ты переешь немых зеленых яблок или решишь полакомиться солеными огурчиками, запивая их парным молоком, то выпей горькой настойки из калиса и зельзибы – и дня на два забудешь о своей беде. Только не более трех ложек!

– А... – запнулся Трикс.

Щавель снова вздохнул. И пояснил:

– На Черной Переправе было страшно, ученик. Очень страшно. Брэнное тело порой подводит даже самый могучий дух... И это вовсе не позор, понял?

– П#понял, – прошептал Трикс.

– Но в летописях о таких вещах, конечно, умалчивают, – добавил Щавель. – И если расскажешь кому – я тебя превращу в ночной горшок!

– Превратить можно только в то, что легче! – блеснул познаниями Трикс.

– Ночные горшки бывают и деревянные, – отрезал Щавель, и Трикс решил не испытывать судьбу.

4

Неправильно думать, что волшебники не вмешиваются в дела государственные. Если закаленный в боях рыцарь позволяет себе давать советы сюзерену, если делегация купцов или ремесленников считает себя вправе просить о послаблениях для какой-то гильдии или о строительстве мостов и дорог, если простые крестьяне и горожане порой жгут господские дворцы и сажают себе на шею новую знать из своего числа – так чем хуже волшебники? Ведь давно известно, что управлять государством могут все, кроме тех, кто сейчас находится у власти.

Торопливо шагая вслед за Щавелем, Трикс вспоминал вмешательства волшебников в дела государственные, которые описывали летописи. Не все они были удачными. К примеру, Рагосту Златоусому, непререкаемому авторитету в делах чести, вряд ли стоило исполнять данное умирающему барону Коморо слово и возводить на трон его сына. Конечно, сын наследовал трон по праву, но много ли радости от законного правителя, чье любимое развлечение – поджигать ночами скирды сена и с хохотом бегать вокруг них за специально приглашенными селянками? Ну а добрейшая волшебница Сесилия Невам, вступившаяся за сиротку Гланю, обиженную жителями городка Тиклам? Да, жители поступили нехорошо, не заплатив Глане за сверхурочную работу и выгнав ее из дома сразу после Осенней Ярмарки, где та так славно потрудились. Но восемьсот тридцать два жадных дрозда (Трикса всегда интересовало, почему Сесилия в гневе воскликнула именно «Вы жадные дрозды!»), однако вряд ли на этот вопрос могла ответить даже сама волшебница) вместо жителей? И даже то, что на следующий день Сесилия сжалась и принялась превращать дроздов обратно в людей, ситуацию не спасало – почти все птицы разлетелись, утаскивая в клювах драгоценности и золотые монеты.

Но были и положительные примеры!

Делегация магов, вовремя навестившая Марвиса Беспощадного, убедила того не повышать налоги. Юный маг Кэвин Декуин, ловко используя самые простые заклинания, ухитрился утихомирить народный бунт и одновременно смягчить сурового правителя. Ну а прославленный...

– Трикс, – прервал его размышления Радион, когда они уже подходили к стенам дворца. – По твоей неожиданной молчаливости я вижу, что ты в полной мере понимаешь всю серьезность ситуации.

– Да, господин Щавель?

– Если регент задумал тайный союз с витамантами, то он не может выпустить нас живыми. Его волшебники будут наготове и постараются нас уничтожить.

– Но вы же сильнее их, учитель! – воскликнул Трикс. – Да?

– Конечно, сильнее, – согласился Щавель. – Я наверняка успею телепортироваться в безопасное место. А вот с тобой сложнее. Захватить тебя с собой я не смогу... так что постарайся достойно принять последний бой. Не моли о пощаде, не плачь, ничего не рассказывай. Тогда враги могут испытать к тебе уважение и посадить в темницу. Учеников в общем-то убивать не принято.

– Может быть, мне не ходить во дворец? – заволновался Трикс.

– Еще как ходить! – Щавель повысил голос. – Мне будет нужен прихвастень.

– Прихвастень?

– Ну да. Тот, кто слушает, как я... э... произношу заклинания. И восхищается ими. Самая первая степень ученичества.

– А нельзя мне как-то по-другому называться? – спросил Трикс.

– Нельзя. До подавана ты еще не дорос. До преспешника – тем более.

– А кто такие подаван и преспешник?

– Подаван – тот, кто подсказывает, подает магу нужные слова, когда тот запинается, не находя слова. А преспешник – это такой шустрый подаван, который может найти нужное слово быстрее мага и подсказать его заранее.

– Вот это да... – От сознания открывающихся перед ним перспектив Трикс даже забыл, что нужно бояться. Пусть пока он находится на самой нижней ступени, но все еще впереди!

В княжеский дворец Щавель и Трикс вошли через Радужные Ворота, острословами называемые Леденцовыми. Широкий – карета могла проехать свободно – проем в стене из коричневого камня был накрыт сверху аркой из разноцветного стекла, бросающей вниз разноцветные веселые тени. Таков уж был замок, построенный первым графом Дилоном, сладкоежкой, обогатившим мир афоризмами «В сахаре – вся сила!», «От халвы еще ни у кого не слиплось» и «Пей сироп и жуй шербет – избежишь немало бед!». Говорили также, что превыше своих немалых магических способностей и необходимого любому правителю искусства интриговать князь Дилон ставил изобретенный им рецепт варенья из помидоров и искусство выпекания горячих булочек с мороженым внутри.

Как ни странно, но прапрадедушка княгини Тианы, при всей любви к сладкому, доходившей до того, что даже мясо он ел только тушенное в меду, при жизни был сухим, худощавым человеком. А вот придворные его, вынужденные подражать господину, по большей части отличались невиданными размерами талии и одышкой. И до сих пор могучая магия (а как поговаривают некоторые – запечатленный в городе дух князя) неустанно подстрекала население к потреблению сладостей. Особенно страдали от этого навязчивого желания те, кто жил во дворце – и знать, и придворные, и простолюдины. Люди, сильные духом, боролись с искушением, более слабовольные – регулярно отправлялись в пешее паломничество или, если позволял кошелек, в модный похудальный лазарет Гювач на границе с Самаршаном. В Гюваче их за немалые деньги держали взаперти, давая на завтрак половинку яблока,

на обед наливая тарелку процеженного капустного отвара, а на ужин позволяя съесть половинку моркови и два стебля сельдерея. В общем, все то же самое, что имеет самый бедный и ленивый крестьянин... Впрочем, крестьянину никто не ставит по утрам клизму.

И все-таки некая печать пухлости неизбежно появлялась на обитателях дворца. Вот и стражники, несшие караул у дверей, были широкоплечими и толстощеками – живот прикрывали крепкие стальные панцири.

– Волшебник Радион Щавель и его ученик Трикс Солье, – сухо возвестил Щавель, когда они с Триксом прошли в ворота. – К регенту Хассу, по делу государственной важности, не терпящему отлагательства!

Двое стражников остались у ворот, а двое без лишних слов зашагали рядом с волшебниками. Укрытый высокими стенами двор замка был так огромен, что походил на маленький город. Здесь имелись и несколько храмов, и прижавшиеся к крепостной стене домишки прислуги, и казармы стражников, и даже небольшой базар, на котором продавалась всякая всячина. Румяная кухарка несла перекинутую через плечо связку битых, но не ошипанных кур, рядом поваренок тащил истошно визжащего поросенка. Навстречу им двое плечистых мужчин в коричневых одеждах гильдии золотарей, со звенящими, по уставу, колокольчиками на шляпах, несли огромную деревянную бадью. Впрочем, запах был еще действеннее звона – золотарям любезно уступали дорогу. По двору сновала в основном прислуга, но попадались и аристократы, старательно делающие вид, что не замечают окружающей кутерьмы.

– Что поделать, – пробормотал Щавель. – Чем больше знати, тем больше требуется черни. Закон природы.

Трикс вспомнил вечно суесящихся в их родовом замке слуг и кивнул.

– Вот почему я крайне неодобрительно отношусь к человеческой прислуге, – продолжал Щавель. – Истинно свободен может быть лишь человек, не обременяющий себя услугами посторонних.

Трикс вспомнил долгие дни, проведенные за уборкой, мытьем полов, приготовлением обедов, заточкой карандашей, стиркой одежды, и вздохнул. О, это были очень долгие три дня!

Стражники довели их до входа в главное здание дворца, где стояли уже другие охранники – княжеская гвардия, в большинстве своем нанятая из северных варваров и горцев. Щавель повторил свою речь, один из охранников удалился, через минуту вернулся с церемониймейстером, с которым у Щавеля завязался оживленный разговор. Трикс маялся, переступая с ноги на ногу и разглядывая жутковатого вида боевой топор, висевший на поясе у охранника-варвара. Потом решил поднять глаза повыше и увидел, что молодой варвар с робостью разглядывает книжечку заклинаний в его руке.

Трикс приосанился и покрепче сжал верный Айпод.

– Пошли, – окликнул его Щавель. – Регент примет нас во внутреннем саду.

Вслед за церемониймейстером они прошли длинной анфиладой поражающих своей роскошью залов. Стены украшали огромные картины – частью изображающие баталии, но в большинстве своем – веселые пирушки. Даже на знаменитом полотне «Сеча при Полых Холмах», занимавшем полстены и прославленном на все королевство, взгляд притягивали не отважно сражающиеся рыцари и противостоящие им монстры, а сам великий князь Дилон, который завтракал у своего шатра, попутно раздавая окровавленным вестовым приказания. Как выяснилось, в то утро, когда решалась судьба всего княжества, на завтрак у Дилона были сладкие оладьи с творогом и медом, зеленая фисташковая халва и медовуха.

В очередном зале церемониймейстер с поклоном распахнул высокую стеклянную дверь и произнес:

– Регент Хасс ждет вас у клумбы с белыми розами, господин Радион Щавель.

Уже вдвоем, без всякого сопровождения, Щавель и Трикс вышли в дворцовый сад.

– Довольно мило, – кисло сказал Щавель, оглядывая благоухающие клумбы и цветущие деревья. – Одновременно цветет равнинная вишня и горный шиповник... а вот незабудки чахнут... чахнут...

Трикс тем временем с любопытством озирался. Сад был со всех сторон окружен стенами дворца. В распахнутых окнах мелькали люди, из одного окна доносился звук клавирина, наигрывающего популярный мотивчик «А я к милому пойду, подержу за бороду», в другом зале кто-то терзал гитару, которая страдала, но не сдавалась. Молоденькая служанка, боязливо оглянувшись, выплеснула с третьего этажа тазик с грязной водой на клумбу с крокусами, старичок с граблями, ровнявший белый гравий на дорожках, сердито погрозил ей пальцем.

В общем, дворец жил своей, мирной и повседневной жизнью, будто и не убегала из него юная княгиня, и не зрел в нем зловещий заговор против короны.

– Идем, – снова поторопил Трикса Щавель. – Розы, если мне не изменяет память, были в центре сада, у пруда.

Память Радиону не изменяла. У маленького декоративного пруда, где цвели лотосы, а разноцветные карпы лениво толкались у самого берега в ожидании прикорма, они увидели регента Хасса.

По детским воспоминаниям Трикс ожидал увидеть человека хоть и немолодого, но властного, высокого и худошавого. Оказалось, однако, что с Хассом они одного роста, а общей стройности регента изрядно мешает основательное брюшко. Что же касается власти, то в данный момент регент стоял у огромной круглой клумбы белых роз, одетый в старый пачканный рваный халат, обутый в грязные башмаки и в больших, не по размеру, брезентовых рукавицах.

– Господин регент Эльнор Хасс, – коротко сказал Щавель вместо приветствия и легонько стукнул посохом о землю. Из земли немедленно проклюнулся вьюнок и попытался оплести посох.

– А! – радостно закричал Хасс, поворачиваясь к волшебнику. – Радик! Любезнейший господин Щавель!

– Эльнор, оставьте пустые любезности, – поморщился Щавель.

Регент хихикнул.

– Ладно, ладно. Но я и впрямь рад тебя видеть, ученая твоя морда... Радик, что с розами? Ты видишь – им нездоровится!

Щавель бросил косой взгляд на клумбу.

– Не удобряйте навозом, сколько раз говорить. Пожжете корни. Лучше берите удобрения из дворцового нужника.

– Так ведь воняет... – вздохнул регент.

– Это не самый плохой запах, – отрезал Щавель, – по сравнению с тем, как пахнет предательство и измена.

Хасс поморщился. Впервые поглядел на Трикса. Нахмурил брови.

– Так-так-так... Так-так-так... Молодой человек... не появлялись ли вы четыре года назад во дворце, вместе с... ох, память моя, память...

– Вместе с отцом, со-герцогом Ратом Солье, – сказал Трикс.

– Трикс! – воскликнул регент. – Бедное дитя...

Трикс неожиданно оказался в крепких объятиях регента и даже был удостоен поцелуя в лоб. Через миг, отодвинув Трикса на расстояние вытянутой руки, регент вздохнул:

– И впрямь! Папин нос, мамины глаза... уши бабушкины. Бедное дитя! Предательство? Разумеется. Я возмущен тем, как повел себя со-герцог Гриз. Но, увы, изменой короне его поступок не является. Он ведь представил убедительные доказательства, что твой отец злоумышлял против него, а потом, уже в качестве полноценного герцога, присягнул на верность

короне. В таких ситуациях король рекомендует аристократам самим выяснять отношения между собой.

– Хасс... – начал Щавель. Тот его не слушал.

– Что я могу? Я жалкий старик, я даже не князь... – На глаза Хасса навернулись слезы. –

Что я могу... А? Отвечай, мальчишка!

В голосе регента прозвучал такой приказ, что Трикс вздрогнул и пробормотал:

– Я не знаю...

– А кто должен знать? Кто? Хорошо, я сделаю все, что могу. Хочешь, отдам тебя на формальное усыновление какому-нибудь барону... да нет, ты уж больно здоров вымахал... Понял! Понял, мой мальчик! Ты поступишь в мою гвардию, и я лично посвящу тебя в рыцари!

– Эльнор... – сказал Щавель, откашлявшись, но регент не обратил на него никакого внимания.

– Ты научишься драться на мечях, стрелять из арбалета, танцевать, в общем, выучишься всему, что положено для благородного юноши. А потом вызовешь Гриза на поединок. И я прослежу, чтобы бой был честным... – Регент вдруг помрачнел. – Нет, ты его не осилишь. О! Я понял, я понял! Я отправлю тебя учиться в Самаршан, в школу ассасинов «Таящаяся гадюка». Учитель Абв кое-что задолжал мне... Ты научишься владеть кинжалом, составлять яды, танцевать – в общем, всему, что требуется для жестокого и беспощадного убийства. Потом отравишь весь род Гризов – я рекомендую тебе муйотовую пыль, очень забавная штука. Скормил корове, ей ничего не сделалось, а молоко стало отравленным! Гризы перед сном обязательно пьют стакан теплого молока, я это точно знаю. Это у них такая семейная дурка. Вот выпьют – и не проснутся! А тут ты, предъявляешь свои права на герцогство! – Регент весело рассмеялся и потер руки. – И я тебя поддержу, дружок!

– Регент! – рявкнул Щавель.

Хасс посмотрел на Радиона. И просиял.

– Да что же это я! Совсем ума лишился... Ты же уже при деле! Ты ученик великого Щавеля! Все в порядке, малец! Научись магии, испепели злодеев и взойди на трон. А я, как уже было сказано...

– Регент Эльнор Хасс, я веду речь о другой измене и другом предательстве! – воскликнул Щавель.

– Да? – Регент помрачнел. – И кто у нас предатель?

Щавель заколебался. И Триксу было понятно почему. Пусть стражников и не видно, но вокруг так много кустов, окон... а мантия волшебника – не лучший доспех против арбалетного болта.

– Вчера ночью в мой городской домик... – начал Щавель.

– Кстати, – мимолетно заметил Хасс, – на тебя жалуются. Ты не вносишь земельный налог и плату за труд наших доблестных стражников. Но продолжай, продолжай...

– В мой домик, – ледяным голосом продолжил Щавель, – где этот учтивый юноша готовил все к моему приезду, постучалась юная девица, убежавшая из дворца.

– Княгиня Тиана! – воскликнул регент. – Так это ты приютил ее на ночь, малыш? – Он захихикал и погрозил Триксу пальцем. – Я рад, что ты вел себя как подобает благородному юноше из хорошего рода. Я твой должник, Трикс!

– Хасс, ты не отрицаешь, что княгиня Тиана убежала из дворца и провела ночь под защитой моего ученика? – растерянно сказал Щавель.

– Нет, конечно!

– А что ты скажешь по поводу... по поводу информации... что княгиня убежала, поскольку услышала твой разговор с послом витаминтов!

– О том, что ей предстоит выйти замуж за Эвикеята, – кивнул регент. – Так мало того, что убежала! Она в меня кидала посудой! Видишь синяк? – Регент энергично потер под глазом. – Припудрил, но болит-то как! А еще вазу разбила с прахом великого рыцаря Андронаса, и прах смешался с лужей хмельного меда, так что мы Андронаса, прошу прощения за фамильярность, совком в новую вазу соскребали! А он ведь при жизни дал зарок хмельного не употреблять. Я вот все думаю, не обидится ли он за такое обхождение...

– Итак, – голос Щавеля набрал силу, – ты не отрицаешь, что хочешь выдать Тиану замуж за Эвикеята, – регент закивал, – а сам взойти на трон княжества. – Регент потупился и скромно развел руками. – Не отрицаешь?

– Нет, – коротко ответил регент.

– Эльнор Хасс, мой долг – сообщить королю о твоём предательстве! – отчеканил Щавель.

– О каком? – полюбопытствовал Хасс.

Повисло тягостное молчание. Трикс хоть и пренебрегал делами государственными, но четко понял – Щавель попал впросак.

– Ну... ты хочешь отдать витамантам княгиню, которая в близком родстве с королем и находится под его защитой... и если король, да продлятся его дни, умрет, не оставив прямого наследника...

Трикс вдруг с печалью понял, что Щавеля беспокоит вовсе не судьба Тианы, которую хотят выдать замуж за старого злого мага. Радион волнуется о делах государственных, просто по случайности они тоже требуют освободить Тиану.

– Все так, все так, мой мудрый друг, – кивнул Хасс. – Но кто я такой, чтобы спорить с волей короля? Я, конечно, не ожидал вашего прихода... Но у меня с собой случайно оказалось последнее письмо от его величества Маркеля Веселого...

Из-под халата Хасс извлек небольшой тубус из слоновой кости, открыл крышку, достал лист пергамента и вручил Щавелю. Даже стоя в сторонке, Трикс увидел, как печать на пергаменте светится благородным пурпурным светом, подтверждая, что письмо писал лично король и по своей монаршей воле.

– «Высокородному Эльнору Маркелю Хассу...» – Радион запнулся и уточнил: – Так ты Маркель?

– Маркель, – подтвердил регент.

– По какой линии?

– По линии двоюродного дяди, – скромно сказал регент. – Прапрапрадед короля был шурином сводного брата тети...

– Понятно... – Волшебник кивнул. – Прав на трон никаких, родство формальное?

– Абсолютно!

– Так-так-так... – Щавель проглядывал письмо. – Налоги... таможня... Его величество любит серьезные вещи писать в самом конце... Ага. «Если же ты, старая балда, хочешь и впредь щипать за попы фрейлин и обжираться как свинья...»

Волшебник замолчал.

– Читай, – печально сказал регент. – Это мы с Маркелем шутим так, по-родственному. Трикс умный мальчик, он понимает.

– «...то медлить с моим повелением дальше не будешь. Посланник Эвикеята, рыцарь-маг Гавар, прибудет к тебе со дня на день. Прими его со всем почтением, однако же не лебези излишне. Поговори с юной княгиней, объясни ей всю важность данного предприятия, необходимость мирных торговых отношений с Хрустальными островами и ответственность правителя за благополучие державы. В конце концов, вонючий хрыч Эвикейт рано или поздно откинёт копыта, а княгиня еще молода и может того дожидаться. Отправь княгиню с Гаваром, снабдив ее положенным приданым и двумя-тремя служанками из числа глупых, некрасивых,

но верных. Также не забудь прислать мне меда со своих пасек, две-три бочки, но не каштанового, ибо он горчит, а липового и одуванчикового. Писано мной собственноручно, воля моя изложена верно и прямо, король и господин твой Маркель Веселый».

Волшебник медленно скрутил пергамент и вернул регенту.

– Мед я уже отправил, – сказал регент, пряча письмо. – Четыре бочки.

– Угу... – промычал Щавель.

– И Тиану тоже, – бросил регент небрежно.

– Что Тиану?

– Отправил на Хрустальные острова в сопровождении рыцаря-мага Гавара. Разумеется, не в бочке. Поговорив с ней по душам, как ласковый и любящий наставник. И она все поняла и признала, что ее ночная шалость была... э... не совсем подобающей для княгини.

– Хасс, что происходит? – тихо спросил Щавель. – Его величество отдает витаминтам возможную наследницу трона?

Хасс вздохнул.

– Очень жаль девочку, слов нет. Но... до меня дошли слухи... – Он помолчал. – Что в ближайший месяц ее величество королева Глиана, которая последнее время изрядно располнела, официально объявит...

– Это известие радует меня так же, как и любого верноподданного, – кивнул Щавель. – Но полагаться на это...

– Воля короля, – сухо сказал Хасс.

– Витамины...

– Могли вновь вторгнуться в наши земли. Теперь мы можем на время забыть об этой угрозе. А может, и не на время. – Хасс пожал плечами. – Кто знает, вдруг удастся наладить с ними мирное сосуществование?

– С белокнижниками? Поднимающими мертвых из могил? – возмутился Щавель.

– Тише-тише! – Хасс замахал руками. – Во#первых, мертвые тоже жить хотят. Во#вторых, всем хочется пожить дольше. Верно? А в#третьих – воля короля.

– И княгиня уже...

– Плывет к Хрустальным островам и, если все сложится удачно, будет там через неделю.

– Позвольте откланяться, регент, – сказал Щавель.

– Конечно-конечно, – пробормотал Хасс и сделал рукой какой-то знак, после чего в кустах со всех сторон слегка зашуршало. – Я рад, что мы обсудили эту сложную ситуацию и прониклись мудростью короля. Да, не забудь заплатить земельный налог, Радион!

Пока Щавель с убитым горем Триксом (на него Хасс больше не обращал ни малейшего внимания) шли к выходу из сада, регент вновь углубился в изучение розовых кустов. Трикс молчал от внезапно свалившейся на него тоски, причину которой мог понять очень смутно – ведь вроде бы и мятежа не было, да и Тиана, если верить регенту (а у Трикса создалось впечатление, что Хасс никогда не врет – во всяком случае, напрямую не врет), согласилась сочетаться браком с витаминтом.

Но почему-то ему становилось все тоскливее и тоскливее.

– Ничего не понимаю, – произнес Щавель, но лишь после того, как они вновь вышли за Радужные Ворота.

– Чего не понимаете, господин учитель? – спросил Трикс.

– Письмо написано рукой короля, его слогом и в его манере. Печать подлинная. Значит, регент не врет. Король решил заключить союз с витаминтами. Но король Маркель Веселый никогда и ни за что на свете не пошел бы на этот союз!

– Почему? – решился продолжить расспросы Трикс, поскольку его наставник явно был в настроении поговорить.

– Ты плохо знаешь, что такое витаминия, мальчик, – задумчиво сказал Щавель. – Пожалуй, настало время кое-что тебе рассказать...

Трикс энергично закивал.

– Магия позволяет нам повелевать материей живой и мертвой, – сказал Радион, и Трикс почувствовал воодушевление от этого небрежного «нам». – Мы можем превращать одну материю в другую... с известными тебе ограничениями, конечно же. Можем и создавать живое из Идеального.

– Из Идеального? – удивился Трикс.

– Ну да. Вот твоя бестолковая и бесполезная фея. Откуда она взялась?

– Оттуда же, откуда ваши толковые и полезные минотавры, – поразмыслив, ответил Трикс. – Я ее придумал и велел ей появиться.

– Правильно, – кивнул Радион. – Мудрецы древности говорили на этот счет так: «Разум создает Идею, а слово – Вещь». То, что придумано – и придумано убедительно, уже как бы сделано!

– Ну да, – мрачно сказал Трикс. – А когда я вам сказал, что все реторты и колбы вымыл, хотя только собирался, вы на меня так наорали...

– Это в обыденной жизни, – поморщился Щавель. – Реальный мир скучен, примитивен и не очень-то приспособлен для нас, волшебников. Тьфу на него! А вот в волшебстве все иначе. Если ты что-то придумал – оно уже ждет воплощения. В своем, Идеальном мире. После этого требуется лишь воплотить придуманное, дать ему плоть из слов. Есть много неудачливых магов, мой юный прихвостень. Они могут придумать удивительное волшебство, но не находят слов, чтобы более-менее складно воплотить его из Идеи в реальность. А еще больше таких магов, которые легко работают с чужими Идеями, ухитряются даже миллион раз описанный огненный дождь заново рассказать в жизнь и обрушить на головы врагов! Но чего-то нового, необычного от них не дождешься...

– То есть важно и придумать, и воплотить? – сказал Трикс.

– Верно!

– А вы, господин Щавель? – не удержался от вопроса Трикс.

– Я умею и придумывать, и воплощать, – гордо ответил Радион. – Потому я и есть великий волшебник. Будешь стараться – тоже станешь настоящим волшебником, у тебя есть и фантазия, и дар слова.

– У меня есть фантазия? – обрадовался Трикс.

– После того как ты призвал эту... эту фею, я ни капли не сомневаюсь.

Если бы в славном городе Дилоне проводился конкурс на мальчика с самым гордым выражением лица – Трикс наверняка победил бы в соревновании.

– Так вот, теперь о витаминиях, – вернул его на землю Щавель. – Витаминиям показалось мало повелевать стихиями, материями и призывать живых существ из Идеального мира. Они захотели бессмертия и стали исследовать саму природу жизни и смерти.

– Зачем? – поинтересовался Трикс.

Щавель вздохнул и посмотрел на него с легкой завистью.

– Подрастешь – поймешь... Так вот, они захотели жить вечно. Нарушили основной закон магии – не желай бессмертия!

– А почему? – удивился Трикс.

– Потому что это запрещено.

– Но почему?

– Все волшебники, которые изучают магию жизни и жаждут бессмертия, становятся жестокими злобными завоевателями. Они говорят, что хотят всем добра и благополучия, что они принесут в мир вечную жизнь и даже воскресят мертвых... Но на самом-то деле

поступки их полны зла и подлости, молодые люди гибнут в войнах, а воскрешенные – становятся солдатами, чтобы снова умереть... от мечей ли, от колдовского огня...

– Но почему? – Трикс даже повысил голос.

– Хочешь знать? – спросил Щавель.

– Да...

– Вот и я хочу, – вздохнул Радион. – Но это невозможно понять со стороны, мальчик. Чтобы разобраться, что же овладевает умами витамантов и превращает их в злобных извергов, мы, добрые светлые маги, применили все способы. Засылали шпионов. Пытались подкупить молодых адептов. Пытали пойманных витамантов самыми причудливыми пытками. Ничего не получается! Похоже, надо самому начать изучать витамантию, чтобы понять. Но даже самые мудрые из нас, попытавшись постичь врага, закончили тем, что перешли на его сторону! Клаус Снисходительный – самый добрый из магов, кого я знал... Однажды юная ученица, устав от занятий, уснула на его руке. Клаус, чтобы не тревожить ее сон, отрезал свою руку, а себе с помощью магии вырастил новую.

– Представляю, как она визжала, когда проснулась! – сказал Трикс, восхитившись картиной.

– Но даже Клаус, когда капитул магов поручил ему исследовать трофейные книги витамантов, не справился. Уже через неделю он сбежал на Хрустальные острова, превратив охранявших его рыцарей в каменные изваяния, а в порту сжег дотла таверну и потопил два корабля. Таверна, впрочем, была гадкая, там вечно разбавляли пиво... В общем, ученик, витаманты порочны и злы по самой природе своего искусства. Но в чем причина этого – мы не знаем.

– У отца в библиотеке была книга про витамантов, – вспомнил Трикс. – «Живой труп». Но мне ее не давали читать...

– А, старье, – пренебрежительно махнул рукой Радион. – «Живой труп» очень устарел. Я посоветую тебе прочитать «Живые и мертвые», более информативно. Или «Мертвые души», фундаментальное исследование, которое писал Клаус Снисходительный. К сожалению, второй том он сжег...

– Нельзя отдавать Тиану витамантам! – твердо сказал Трикс. – Если они такие мерзкие, то никак нельзя.

– Ты же слышал волю короля. – Волшебник достал из кармана мантии кiset, трубку и огляделся. Чуть в сторонке, на краю покатога склона, стояла изящная беседка, где усталый путник мог отдохнуть и полюбоваться видом с холма на реку и город. Но Щавель к беседке не пошел, а присел на поросший мхом камень и стал набивать трубку. Трикс с огорчением посмотрел на волшебника, и Радион спросил: – Не одобряешь?

– Не очень, – признался Трикс.

– Я тоже курить не люблю, – признался Щавель. – Но для настоящего волшебника это вроде правила хорошего тона... присесть на камень, закурить, задуматься, пуская вверх клубы дыма...

– Лучше думается? – предположил Трикс.

Щавель вздохнул, выпустил колечко дыма.

– Ученик, я же тебе объяснял. Работа волшебника очень сильно зависит от мнения окружающих. Какое уважение вызовет волшебник, который сидит на скамеечке в беседке и смотрит на реку? А вот волшебник, устало опустившийся на придорожный камень, так что полы его мантии лежат в пыли, волшебник, задумчиво покуривающий трубочку и выпускающий вверх затейливые кольца ароматного дыма, – это красиво. Это впечатляет.

– Так что насчет Тианы? – переминаясь с ноги на ногу, спросил Трикс.

Щавель выпустил еще одно дымное колечко и сказал:

– Даже если какой-то шпион попытался бы сейчас подслушать разговор мудрого волшебника с его нерадивым учеником, до его слуха не донеслось бы ни звука. Невидимая стена тишины окружала мага и ученика – стена, за которой они могли говорить спокойно, не опасаясь быть услышанными... ибо речь они вели о делах серьезных и опасных, способных навлечь на них гнев сильных мира сего.

Трикс почувствовал, как стихли все звуки вокруг – до этой поры незаметные, привычные. Исчез стрекот цикад, шелест листьев, скрип колес груженной мешками телеги, медленно катящейся в гору, к дворцу. Порывы свежего ветерка все так же долетали до волшебника и мальчика – но теперь совершенно беззвучно.

– Так вот, Трикс, – как ни в чем не бывало сказал Щавель, – я нарушить приказ короля не могу. Вот ведь в чем дело – не верю я, что Маркель добровольно пошел на союз с витаминами. Он воевал и не боится ни смерти, ни новой войны. Я ему верю.

– Так, может, письмо...

– Письмо настоящее. Что тогда получается?

Трикс молча пожал плечами.

– Интрига. Маркель затеял какую-то хитрую игру, – объяснил Щавель. – Усыпить бдительность витаминтов... заманить их в ловушку... убедить, что он идет на мировую...

– Но Тиана!

– А вот княгиней король вполне мог пожертвовать, – вздохнул волшебник. – Мало ли династических браков заключается ради великой цели?

– Она же еще девочка совсем! – сказал Трикс и покраснел.

– Так и Эвикейт не мальчик. Поверь, после сотен лет занятий магией... э#э#э... любовные забавы – самое последнее, к чему он стремится. Ну, будет княгиня считаться его женой. Жить в отдаленном замке. На всякий случай, безопасности ради, Эвикейт с ней ни на минуту наедине не останется – вдруг Тиана должна его отравить, зарезать во сне или проклясть страшным заклинанием. Так что сыграют пышную свадьбу, как положено, и отправит Эвикейт твою подружку на какой-нибудь маленький островок. Будет она сидеть в высокой башне и ткать гобелены, глядя на бушующее седое море. Вечерами печальный крик чаек, а не сварливый голос витаминта будет звучать в ее спальне. А со временем, быть может, она влюбится в какого-нибудь приличного рыцаря, отряженного ее охранять, и совсем утешится.

Трикс опустил голову и невольно всхлипнул.

– Но если какой-нибудь сообразительный юный волшебник... может быть, даже ученик... не связанный клятвами и обещаниями королю, но симпатизирующий княгине... решится помочь ей... – Радион подмигнул Триксу. – Король-то свое обещание выполнил, княгиню Эвикейту отправил. Теперь, если Тиану похитят в пути...

– А? – Трикс вздрогнул. – Но ведь там Гавар. Рыцарь-маг! Настоящий! И с ним еще солдаты витаминтов.

– Конечно, в одиночку этот доблестный юноша ничего сделать не сможет, – продолжал Щавель. – Если... если не догадается обратиться к отважному рыцарю, который ненавидит витаминтов, от природы обладает сопротивлением к магии и всегда готов вступить за слабого. От юноши потребуется всего ничего – наполнить ветром паруса корабля, чтобы догнать витаминтов.

– Какого корабля?

– Ну... не знаю. Какого-нибудь маленького и быстрого. Если этот корабль догонит корабль Гавара... дай-ка свой Айпод, я запишу тебе одно хорошее заклинание по призыву ветра... А потом... – Щавель мечтательно посмотрел в небо. – Я, конечно, предпочитаю пользоваться природными средствами. Гибкая виноградная лоза, что вылезает из земли и нежно обвивает шею врага... Хищные креветки, которые стрелой выскакивают из воды и выгрызают неприятелю все мягкие части тела... Или что-нибудь огненное, или сернокис-

лое, или иглы из замороженной ртуты... М#да. Идти на прямую войну с витаминками тебе нельзя! Молод ты еще.

Он быстро написал что-то в наладоннике Трикса изящным серебряным карандашиком. Перечитал, нахмутив лоб. Снова задумался.

– А вот что мы с тобой... точнее, ты сделаешь. Сон. Крепкий здоровый сон, услада уставшего организма! От которого нет защиты и спасения. На вражеском корабле все уснут и будут спать трое суток. – Радион принялся снова писать в книжечке.

– Почему трое? – решил уточнить Трикс. Он всей душой был за более крепкий сон – неделю там или даже месяц.

– С числом три всегда лучше получается. Еще хорошо работает семерка и дюжина, но усыпить человека на неделю – это значит его убить. Трое суток. Хватит, чтобы вернуться обратно.

– А потом?

– Потом я еще не придумал, – честно ответил Щавель. – Я вмешиваться не хочу, понимаешь?

– Понимаю, – с большим сомнением ответил Трикс.

– То есть я не должен видеть Тиану. И приказов никаких я ведь тебе не даю, верно? Все, что ты хочешь сделать, ты делаешь по своей воле, без принуждения и понуждения.

– Ну так что же мне делать, если все получится? – воскликнул Трикс. – Вот я вернусь с Тианой... если все получится. А витаминки-то станут говорить, что у них княгиню украли! И Хасс велит ее искать! Честное слово, велит! Где мы спрячемся?

Щавель задумался. Потом улыбнулся.

– А ты ее заколлуй. Преврати ее... нет, нет, я не хочу знать в кого! В собачку, в птичку, в старушку, в мальчишку! Уж такое заклинание ты должен составить сам. Вернешься ко мне, а Тиану пусть ищут хоть до посинения. Когда разберемся, как и что, так и расколдуем девчонку.

– В старушку? – Трикс задумался. – Да она меня потом убьет! В мальчишку – тем более!

– Нет, нет, не рассуждай! – Щавель замахал руками. – Знать не хочу. Это будет чисто твоя идея.

Он вернул Триксу Айпод, вытряхнул трубку и сказал:

– Но, конечно, можно ничего этого и не делать. Я тебя уверяю, Тиане не грозит реальная опасность. Обычный династический брак – тьфу! Можно по пальцам пересчитать благородных господ, которые женились по любви.

– У меня родители друг друга любили! – возразил Трикс.

– Со-герцог Рат Солье и его жена Реми Солье, в девичестве баронесса Реми Малорат из захудалого феода? Выдана замуж в пятнадцать лет, в качестве приданого со-герцогство получило спорную платановую рощу и право беспошлинного пересечения Хранского ущелья? А после смерти старика Малората – так и весь лен был присоединен к со-герцогству?

Трикс понурился.

– Они, конечно, друг друга любили, – утешил Трикса волшебник. – Но только брак их заключали родители и тоже по расчету. Так бывает. Я даже допускаю, что Тиана...

– Господин Щавель, а у меня получится? – спросил Трикс.

– Есть все шансы, – кивнул волшебник. – Скажем так, это будет твой экзамен на переход из прихвастней в подаваны. По сложности вполне годится.

Трикс насторожился.

– А много прихвастней становится подаванами?

– Примерно каждый третий.

– А подаванов преспешниками?

– Каждый седьмой. – Волшебник улыбнулся.

– Понятно. – Трикс наморщил лоб. – Наверное, волшебником становится каждый двенадцатый преспешник?

– Магия – она склонна к красивым числам, – кивнул Щавель. – Ну так что скажешь, ученик?

Трикс глубоко вздохнул и сказал:

– Господин Щавель! Позвольте взять отпуск на две неде... на двенадцать дней по обстоятельствам чести?

– Двенадцать – это много, – ответил мудрый Щавель. – Хватит тебе и трех... Ладно, семь дней. Семь дней отпуска начиная с этого момента.

– Спасибо, – сказал Трикс. На душе у него скребли кошки, но он старался смело смотреть на мага.

– Доблестного рыцаря ты наверняка найдешь в «Чешуе и когтях», – сказал Щавель. – Дальше уж решайте с ним, что и как... И... вот возьми. Пригодится.

Трикс принял из рук мага тяжелый кожаный кошель. Недоверчиво заглянул внутрь – там тускло блеснули золотые монеты.

– Господин Щавель...

– Бери, бери, – поморщился волшебник. – Мне на симпозиуме очень в карты везло. Удачи тебе, Трикс.

Он поднялся с камня, потер поясицу и громко сказал:

– И напутствовав отважного юношу этими простыми словами, мудрый волшебник Радион Щавель одним лишь усилием воли растворился в воздухе, чтобы тут же возникнуть в рабочем кабинете своего скромного домика на окраине Дилона...

Последние слова донеслись уже из пустоты.

Сразу же после этого стена тишины рухнула, и Трикс услышал звон цикад, ругань стражников на стенах княжеского замка и задорные вопли детворы, колотившей друг друга кварталом ниже.

Почему-то от этого он почувствовал себя еще более маленьким и одиноким – хотя учитель последними словами недвусмысленно произвел его из мальчика в юношу.

Оказалось, что взростеть не так-то радостно.

5

Войдя в славный, пускай и грязноватый трактир «Чешуя и когти», Трикс с удивлением понял, что в нем ничего не изменилось. Ну или почти ничего.

Всё так же звенела на все лады броня, надетая на доблестных рыцарей. Оглядываясь повнимательнее, Трикс подметил любопытную подробность – большая часть рыцарей оставила на себе кольчуги или панцири, а кольчужные штаны и ножные латы все-таки сняли и сложили под лавками. Разумная предосторожность, учитывая, сколько пива выпивали рыцари и как часто им приходилось бегать на задний двор. Однако грязные подкольчужные штаны, а у рыцарей попроще – так и вовсе обычные рваные подштанники, никак не добавляли атмосфере ни благородства, ни благоухания.

Центром веселья, как и в прошлый раз, был великолепный сэра Гламор. Рыжекудрый рыцарь стоял на круглом столе, высоко подняв кружку с пивом, и распевал во весь голос:

Хочется, хочется выпить пивка!

Хочется, хочется выпить пивка!

Пивка! Пивка!

Пивка! Пивка! Пивка!

Компания рыцарей не столь прославленных, обнявшись за плечи, раскачивалась и при-топтывала вокруг стола с Гламором. На каждое упоминание слова «пивко» рыцари грозно топали ногами и кричали:

– Кружку!

Слегка смущенный размахом веселья Трикс начал пробираться между столиками в поисках своего недолгого господина, славного рыцаря Паклуса. В прошлый раз его появление в трактире прошло совершенно незамеченным – мало ли мальчишек трется возле доблестных воинов, восхищаясь их сверкающим вооружением, мечтая поступить на службу или попросту спереть чего-нибудь. Но в этот раз Трикс был в мантии волшебника, с посохом (чтобы не отдавить никому ногу, юноша взял его под мышку), с бархатной сумочкой на поясе, где лежала заклинательная книга. На него поглядывали. Некоторые с иронией, а некоторые, как правило, рыцари постарше, которым приходилось видеть магов в бою, – с уважением. Один рыцарь даже дружески похлопал его по плечу. Другой протянул в дрожащей руке недопитую кружку с пивом, что в кругу рыцарей считалось священным знаком дружбы и уважения... К счастью, Трикс не заметил, что, когда он прошел мимо рыцаря, тот, все с той же благородной улыбкой на лице, стал протягивать кружку собаке, грызущей под столом кость.

Наконец Трикс обнаружил слегка возвышающуюся над столом лысину сэра Паклуса. Пышная борода рыцаря лежала на столе наподобие салфетки. С обоих боков сэра Паклуса обнимали весело щебечущие официантки. Одна игриво завивала его бороду тонким пальчиком в колечки, другая что-то шептала на ухо. Паклус улыбался, посверкивая глазами. Казалось, он никак не мог сделать какой-то выбор.

– Сэр Паклус? – Трикс остановился перед рыцарем.

Взгляд отважного воителя потеплел. Он рявкнул, перекрывая даже пение Гламора:

– Трикс! Ах, шалопай, да ты уже почти настоящий волшебник!

Сдвинув по скамье одну официантку, Паклус жестом указал на место рядом с собой. Трикс, смущенный, присел.

– Нравится? – осведомился Паклус, взглядом указывая на отодвинутую официантку. – Ее зовут... ну, не важно. Хочешь познакомлю?

Официантка вначале надула губки, но потом с интересом посмотрела на Трикса. Трикс содрогнулся – знакомиться с тридцатилетней старухой никак не входило в его планы.

– Сэр Паклус... Нам надо поговорить...

– Кыш, малютки! – проревел Паклус. – У нас серьезный разговор с юным волшебником!

– Подумаешь, – выпуская его бороду, сказала вторая официантка. – Волшебник... у меня младший брат тоже в учениках ходит... уже десятый год.

Но все-таки официантки удалились, все так же веселясь и хихикая.

– Слушаю, сынок, – довольно трезвым голосом сказал Паклус. – Если ты разочаровался в магии, то не надо долгих просьб – я готов взять тебя обратно. Мои старые оруженосцы почему-то не захотели ко мне возвращаться. И новые как-то... не спешат наниматься.

Трикс покачал головой:

– Нет, спасибо большое. Я уже как-то привык к волшебству. На самом деле меня при-слал Щавель...

– Жаль, но я весь внимание! – еще более трезво провозгласил Паклус.

Трикс огляделся и решил, что услышать их разговор никто не должен. Сэр Гламор ревел во все горло:

Хочется, хочется, выпить вина!

Хочется, хочется выпить вина!

Окружающие его прихлебатели барабанили ногами по полу и выкрикивали:

– Чашу! Чашу!

Хозяин трактира уже бежал к столу, ухитряясь нести одновременно четыре кувшина.

– Господин рыцарь... – начал Трикс. – Сегодня ночью случилась такая история...

– Изложи краткую версию, – посоветовал Паклус.

– Витаманты с позволения регента и самого короля увезли на Хрустальные острова княгиню Тиану, чтобы отдать ее в жены витаманту Эвикеиту!

Паклус пошарил рукой по столу. Нашел среди нескольких пустых кружек одну недопитую и опрокинул себе в рот. Крякнул и встал.

– Пошли, сынок, воздухом подышим.

Нет в приморском городе места романтичнее, веселее и грязнее, чем порт.

Трикс и Паклус стояли на вымощенной камнем набережной, изучая скопившиеся в гавани корабли.

– Эти не годятся, – бормотал Паклус. – Грузовые, медленные, на них только репу возить... Вон тот быстрый, красивый, но дорогой. Не зафрахтуем. Те, что в отдалении стоят, – самаршанские, с ними связываться себе дороже... в любую минуту предадут.

– А вон тот? – Трикс указал на изящный корабль, над бортами которого торчали сложенные рычаги катапульт.

– Это ж военный королевский фрегат, «Умиротворитель», – фыркнул Паклус. – Ты предлагаешь арендовать королевский корабль, чтобы пойти против воли короля?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.